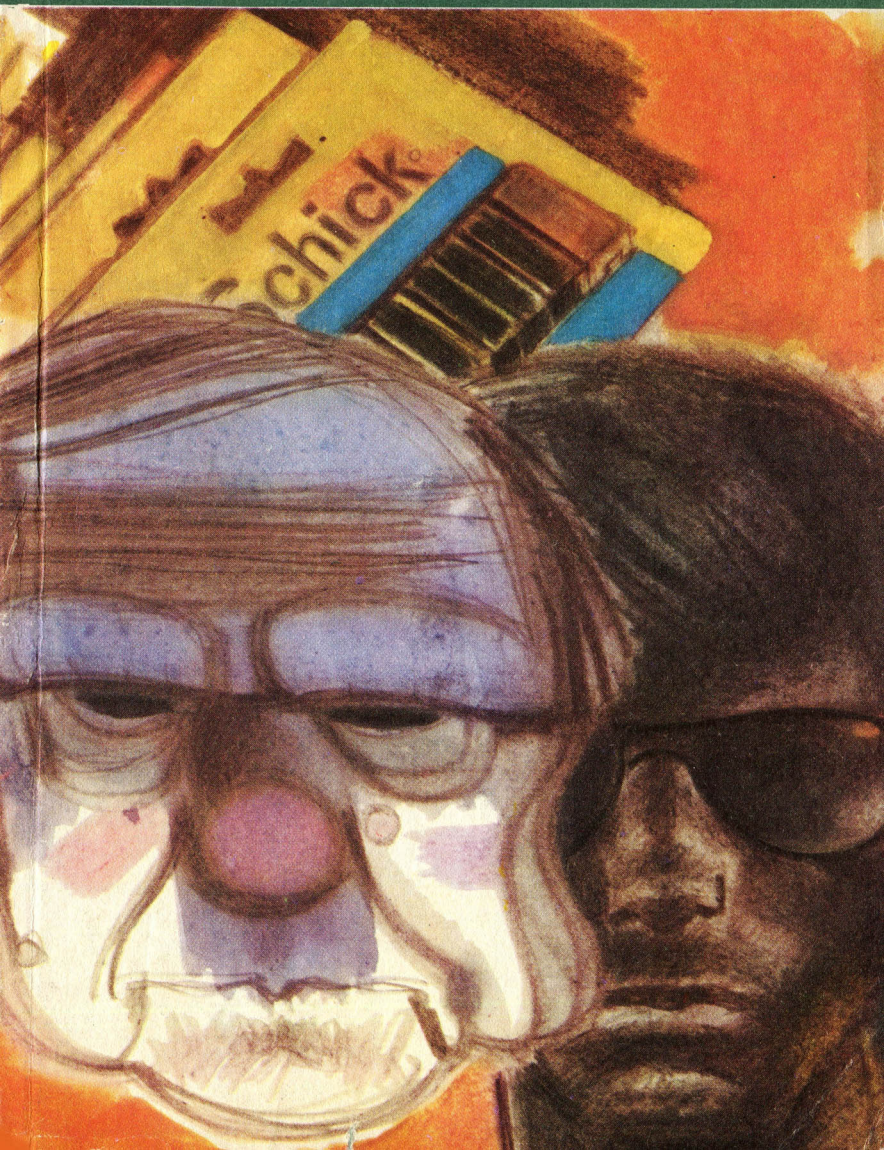

ВОКРУГ
СВЕТА

3 1990

ИСКАТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

3 1990 (177)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Анатолий РОМОВ

СОВСЕМ ДРУГАЯ ТЕНЬ
Роман

2

Джеймс БАЛЛАРД

ПОХИЩЕННЫЙ ЛЕОНАРДО
Рассказ

115

© «Вокруг света» («Искатель»)

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Анатолий РОМОВ

СОВСЕМ ДРУГАЯ ТЕНЬ

РОМАН

В последнее время я часто ночевал не дома — то на Сашкиной даче у Сенежского озера, то у Алены на Юго-Западе. Поэтому сейчас, когда под моим ухом раздался телефонный звонок, я сквозь сон пытался понять, где же я. Нашупав на ковре у тахты свой телефонный аппарат, наконец сообразил: я у себя дома.

— Алло? — сказал сонно в трубку.

— Серега, это я... — Голос Сашки Чиркова.

Я окончательно пришел в себя и тут же вспомнил вчерашний вечер: мы с Аленой посидели в маленьком баре на Кропоткинской, потом поехали ко мне, но в середине ночи Алена вдруг попросила отвезти ее домой, и мне пришлось на своей «шестерке» проделать путь до проспекта Вернадского и обратно.

— Что у тебя с голосом? — спросил Сашка. — Неужели все еще спишь?

Мне показалось, что он звонит откуда-то издалека. Подняв на тахту телефон, я ответил:

— Ну... допустим, еще лежу.

— Понял. Ты не против позавтракать?

— Не против. — Я помолчал. — Ты что, не из Москвы звонишь? Что-то тебя плохо слышно.

— Из Москвы звоню, из автомата. У меня сегодня выходной... — В трубке зашуршало. — Я заеду часа через полтора.

— Хорошо. А который час?

— Одиннадцать. В половине первого я у тебя.

Встав и натянув плавки, наскоро сделал зарядку. После этого не удержался, подошел к зеркалу. Критически осматрел собственную персону — для своих двадцати семи я не Геркулес. Но тут же успокоил себя: при некоторой худосочности многие мои мышцы можно назвать даже рельефными.

В начале первого я вышел на балкон. Моя светло-серая «шестерка» стояла на обычном месте — вторая справа в общем ряду. При взгляде на собственную машину поневоле вспомнил Сашку Чиркова. Ведь три года назад, когда я окончил Суриковский институт, у меня практически ничего не было. Мама умерла, когда я был на втором курсе, отца в последний раз видел лет двадцать назад, перед тем, как он нас оставил. После смерти мамы из-за раздела жилплощади мне пришлось перебраться в коммуналку. Я ходил в обносках, не вылезал из долгов. Но, к счастью, все это скоро кончилось.

С Сашкой мы дружим с детства, с художественной школы. После школы он решил расстаться с искусством и поступил в медицинский, я же пошел в Суриковский институт. Конечно, мы продолжали встречаться. Три года назад Чирков предложил мне, как лицу свободной профессии, соединить усилия, чтобы делать довольно приличные деньги. И главное — без всяких нарушений Уголовного кодекса.

Услуги, которые я после заключения нашего соглашения делал для Сашки, были самыми разными. Он мог попросить меня подписать какую-то ведомость, проехать куда-то «для представительства», отвезти в другой город кого-то из его друзей. Я отлично понимал, что, делая все это, могу находиться на грани нарушения Уголовного кодекса. И вместе с тем мог поручиться за

друга, как за самого себя. Подвести меня он не мог, это было просто исключено...

Только я подумал об этом, как увидел затормозившую внизу Сашкину золотистую «девятку». Махнув рукой, мой друг исчез в подъезде, а через минуту я впустил его в квартиру.

Сашка — голубоглазый брюнет. Как и я, среднего роста. Красивым его не назовешь, но он обаятелен. И самое главное — отлично контактирует с людьми.

— Предлагаю «Якорь», — сказал Сашка.

— Мне все равно.

— Значит, едем в «Якорь». Да, Вера интересовалась, не продашь ли ты ей картину? Обещала хорошо заплатить. Картина ей подойдет любая, лишь бы была твоя подпись. Уверен, меньше пяти штук она не даст.

Я достал одну из старых работ — уже забытый мной женский портрет, сделанный давно, чуть ли не на третьем курсе.

— Сойдет?

— Сойдет. Берем и спускаемся.

В пути Сашка спросил:

— Как Алена?

— Все в порядке. Вчера виделись.

— Почему ты не спрашиваешь, что от тебя нужно?

— Считаю, спросил.

— Надо подвести двух человек. На твоей машине.

Различные Сашкины просьбы я выполнял много раз и понял: «подвести» в данном случае значит не просто подвести. Поэтому, выждав, немного, стал уточнять:

— Подвести — куда?

— Не знаю. Они сами скажут. Но насколько я понял — это может быть далеко. Не исключено — ехать придется весь день.

— А кто «они»?

— Двое ребят. Понимаешь... я просто обязан оказать им услугу. Иначе они меня могут круто приделать. Сам не могу из-за работы. Но ты не должен светиться. — С минуту мы ехали молча. — Поэтому на это время придется изменить внешность. И поставить другой номер машины. Не пугает?

Просьба в Сашкином стиле. Главным в ней для меня было то, что моему лучшему другу кто-то угрожает. Поэтому я ответил, почти не задумываясь:

— Не пугает. Когда это нужно?

— Завтра. Рано утром. Готов?

— А внешность и номера? Когда все это?

— Внешностью займемся к ночи. Тебе придется пойти на некоторые жертвы — постричься наголо и обработать лицо и руки мазью. Не волнуйся, вполне безобидной.

— Но... зачем мазь?

— Мазь изменит вид твоего кожного покрова. Он покраснеет, побуреет, съжигается. Кое-где покроется пупырышками. Ты станешь старше лет на двадцать. Через двадцать четыре часа твоя кожа начнет принимать нормальный вид. Гарантирую — проверял на себе.

— А... зачем наголо?

— Для парика.

Конечно, развлечением такую поездку не назовешь. Но если

учесть предложенный гонорар, условия вполне приемлемые. Впрочем, при наших отношениях я согласился бы и без гонорара.

Затормозив у «Якоря», Сашка улыбнулся:

— Что затих? Раздумья?

— Перестань. Отвезу я твоих ребят. В лучшем виде.

Ресторан только открылся. Заняв столик у окна, мы заказали крабы, паровую осетрину, кофе и отлично позавтракали. Приканчивая кофе, Сашка спросил:

— Кстати, вечером твоя Алена свободна?

— Не знаю. Наверное. А что?

— Вера устраивает банкет в «Континентале». Мы с тобой приглашены. Если Алена прихватит подругу, почему бы нам не пойти вчетвером? Позвони ей. Глупо не воспользоваться случаем.

Набрав номер Алены, я почти тут же услышал ее голос:

— Да? Слушаю? Кто это?

— Привет. Это я.

— Привет. Не мог позвонить еще позже? Через десять минут я бы уже ушла.

— Но ты могла позвонить сама, если уходишь...

— Ты думаешь, не звонила?

Я невольно улыбнулся. А ведь я соскучился по Алене.

— Алена, не сердись.

Несколько секунд трубка молчала. Затем послышалось:

— Ладно, что с тебя взять... Ты... просто так?

— Да. Но тут такое дело... Мы с Сашей приглашены на банкет. Может, пойдешь с нами?

— А что за банкет?

— Устраивает одна наша знакомая. Московская гранд-дама. Хорошо, если ты прихватишь подругу. Не очень уродливую.

— Интересное требование. Для кого? Для твоего Саши?

— Для комплекта.

— Знаю я эти комплекты... Ладно. Мне как раз должна звонить одна подруга.

— Хорошенькая?

— Не волнуйся. Думаю, у твоего Саши глаза полезут на лоб.

— Ну если так... Попроси свою подругу приехать к тебе. А мы будем часов в семь. Устраивает?

— Устраивает. В семь мы выходим. Ждите нас у подъезда.

Повесив трубку, я пошел к машине. Услышав, что вечером мы можем заехать за Аленой и ее подругой, Сашка повернул ключ зажигания.

Не доезжая до моего дома, свернул в переулок и остановил машину:

— Слушай внимательно. И постарайся не задавать вопросов. Сейчас доберешься к себе. Пешком, на троллейбусе — неважно. Войдешь в квартиру и сложишь в сумку то, в чем пойдешь вечером в «Континенталь». И еще — в чем поедешь завтра,

— А в том, что на мне, нельзя?

— Нельзя. Не забудь, завтра ты будешь выглядеть лет на двадцать старше.

— По-моему, те, кто лет на двадцать старше, так и одеваются,

— Может быть. И все же... — Сашка постучал пальцами по баранке. — Ладно. Кроссовки оставь. Но тенниска у тебя слишком молодежная. Прихвати обычную рубашку. Желательно с длинными рукавами. И возьми что-нибудь на случай, если будет холодно. У тебя есть пиджак? Просто пиджак?

— Просто — нет. Но я могу взять от костюма.

— Не забудь захватить права, гехпаспорт и собственный паспорт. Вещи сложишь в сумку и возвращайся сюда. Но только опять пешком или на троллейбусе. Ключи от машины у тебя с собой?

— С собой. В общей связке.

— Отлично. Действуй. Я буду ждать здесь. И учти: домой ты сегодня уже не вернешься.

Я вышел из машины, проехал одну остановку на троллейбусе и поднялся к себе в квартиру. Всех тонкостей я еще не понимал, но смысл Сашкиного плана был ясен: никто не должен видеть, как я выезжаю со стоянки.

В квартире я уложил в спортивную сумку все, что могло пригодиться.

— Порядок? — спросил Сашка, когда я сел в машину. — Ничего не забыл?

— Ничего. Взял то, что ты сказал.

— Когда выходил из дома, кто-нибудь тебя видел?

— Повезло. Скамейка у подъезда была пуста.

— Отъедем к магазину?

— К магазину? — Я помедлил. — Сейчас вроде перерыв?

— Нам как раз и нужен перерыв.

— Зачем?

— Сейчас увидишь.

Дав газ, Сашка подъехал к расположенному поблизости большому продовольственному магазину. У стоящей на улице очереди в винный отдел тормознул. Кивнул:

— Выйдем на минутку.

Выйдя вслед за ним, я подошел к очереди.

Изучив стоящих в ней людей, Сашка наконец сказал:

— Ребята, кто-нибудь из вас умеет водить машину?

Несколько голов после этих слов повернулось. Наконец высокий парень в костюме из варенки бросил:

— Я умею. А что?

— Нет, нет, прости. — Сашка посмотрел на человека лет пятидесяти, с пропитым лицом, лысиной и небольшими усами. — Вот вы умеете?

— Я? — Человек пожал плечами. — Допустим.

— Можно вас на минутку?

— Куда это «на минутку»? Я очередь потеряю.

— Не волнуйтесь, я компенсирую. Вы что хотите взять?

— Бутылку водки.

— Бутылка водки лежит у меня в машине. Считайте, я вам ее подарил.

— Во повезло мужику... — сказал кто-то. Окинув Сашку взглядом, человек отошел к машине. Спросил:

— Что надо, ребята?

— Понимаешь, капитан, — сказал Сашка. — Машина Сереги, моего друга, стоит во дворе неподалеку. Ее нужно вывести, что-

бы Серегина жена не засекала. За это мы платим тебе пятнаху. И даем бутылъ — для полного счастья.

Некоторое время человек раздумывал. Крикнул:

— Ребята, а может, вы просто хотите эту машину увести?

Сашка взял у меня документы:

— Смотри, вот документы моего кореша. Всё без обмана.

Изучив мой паспорт, человек махнул рукой:

— А, ладно... Где ваша машина?

— Неподалеку. Садись, подвезем.

Через пять минут моя «шестерка» остановилась там, где мы ее ждали, в переулке. Получив пятнадцать рублей и бутылку водки, человек ушел.

Во двор дома на Садово-Сухаревской я подъехал раньше Сашки. Остановился перед окрашенным суриком ангарчиком — и почти тут же сзади затормозила «девятка». Выйдя из машины, Сашка открыл двери. Я поставил машину в гараж. Здесь было полутемно, и все же сразу заметил на верстаке две таблички с номерами. Взял одну: «я 26—14 МШ». Номер моей: «о 79—82 МО». Сашка тщательно закрыл изнутри дверь. Зажег стосвечовую лампу:

— Бери плоскогубцы. Чем скорей мы сменим номера, тем лучше. Остальное уже мелочи.

У себя дома Сашка, порывшись в секретере, достал две книжечки.

— Твои документы. Чистый техпаспорт. И чьи-то старые права. Техпаспорт мы сейчас заполним.

Права были выписаны четырнадцать лет назад на имя некоего Семенова Игоря Кирилловича, жителя Москвы. По дате рождения владельцу прав сейчас исполнилось сорок девять; на фотографии же он выглядел лет на тридцать пять. Вышедший из кухни Сашка встал сзади, и некоторое время мы рассматривали документ вместе.

— С правами ясно, — наконец заметил Сашка. — Фотография, сам видишь, сделана лет пятнадцать назад. Но гаишники обычно на фото не смотрят.

— А техпаспорт?

— Техпаспорт, естественно, тоже будет на имя Семенова. С новым номером. Только номера шасси и кузова оставим твои — мало ли. Бывает, просто проверяют. Но вообще желательно, чтобы тебя не останавливали.

Сашка заполнил аккуратным ученическим почерком чистую книжечку. Номера шасси и кузова были оставлены прежними, номер же машины стал новым — «я 26—14 МШ». Владелец Сашка записал Семенова Игоря Кирилловича. Закончив работу, протянул мне нечто, напоминающее спасательный пояс:

— Держи... Вдень руки вот сюда. В ремни. Вдень, вдень...

— Что это?

— Накладной живот. Для завтрашней поездки.

Я просунул руки в ременные лямки, Сашка застегнул сзади застёжки — и под моей грудью появилась довольно солидная округлость. Сашка достал старую футболку:

— Надень. — Я натянул футболку, Сашка прищурился. — А что... Неплохо. Конечно, будет жарковато. Ничего, потерпишь.

В половине восьмого Сашкина «девятка», в которой, кроме меня и Сашки, сидела Алена и ее подруга Жанна, остановилась у «Континенталья». Поскольку все швейцары здесь хорошо знали и меня, и Сашку, нас пропустили без звука. Стоящий у дверей «Меркурия» метрдотель сообщил: «Банкет дается во втором банкетном зале».

Как только мы вошли в зал, раздались оглушительные аплодисменты. На таких банкетах по привычке хлопают всем опоздавшим. Впрочем, может быть, сигнал к аплодисментам подала Вера, царственная Вера, сидевшая во главе П-образного стола. Она послала мне и Сашке воздушный поцелуй. Администратор показал на свободные места, мы сели, и стоявший поблизости официант откупорил бутылку и разлил в бокалы шампанское. Сразу вслед за этим тамада провозгласил тост. Во время тоста оркестр из пяти человек несколько раз грянул «К нам приехал наш любимый». Стол был богатым, публика же самой разношерстной. Вера почти не говорила, лишь с улыбкой выслушивала развлекавших ее наперебой соседей.

Банкет шел своим чередом. Вскоре тосты кончились, начались танцы. В том, что Алена прекрасно танцует, я мог убедиться и раньше. Жанна ей не уступала. Сашка же был просто в ударе. За стол мы вернулись, лишь когда оркестр ушел отдыхать. Настроение было отличное, мы смеялись и разговаривали, перебивая друг друга. Нам никто не мешал, большинство, как водится, тоже распалось на группы. Лишь однажды Вера, подойдя к нам, сказала:

— Не обращайтесь внимания — я на секунду. Девушки, я рада, что вы пришли. Сергей, ваша картина здесь?

— Здесь. В багажнике у Саши.

— Я завезу ее завтра, — сказал Сашка. — В середине дня.

— Хорошо. Больше не буду вас мучить. Девушки, запомните: вы здесь самые красивые.

Улыбнувшись, Вера ушла.

Вернулся оркестр, и мы снова пошли танцевать. В середине танца Сашка выразительно глянул на часы. Я посмотрел на свои: без пяти одиннадцать. Алена хмыкнула:

— Спешить?

— Аленка, через час у меня поезд. Я уезжаю.

— Куда?

— На так называемую халтуру.

— Это нечестно. Мог бы сказать раньше.

— Зачем портить вечер? Я ведь приеду через день-два.

— Откуда?

— Неважно. Из областного города со скучным названием. Танец кончился. Я осторожно обнял ее; она прикоснулась губами к моему уху:

— Я буду скучать. Вспомнишь меня в своем скучном городе?

— Вспомню.

Когда мы поднялись к Сашке, было пять минут первого. Себе Сашка постелил в комнате, мне на кухне. Подождал, пока я разденусь. Протянул небольшую баночку с бледно-желтой мазью:

— Обмажься. Причем хорошенько.

Тщательно втирая мазь, я почувствовал: лицо, шею и грудь будто обложили перцовым пластырем.

— Терпимо? — спросил Сашка. — Не очень жжет?

— Терпимо. Может, хватит?

— Ладно, хватит. — Он взял баночку, завинтил крышку. — Ложись. Встаем в половине пятого. Я поставлю свои часы. Ты — свои. Будит тот, кто раньше проснется. Все, спокойной ночи.

Я поставил часы, выключил свет... И почти тут же заснул.

Меня разбудили легкие толчки в плечо. Страшно хотелось спать, но, поскольку толчки продолжались, я заставил себя **при-**открыть глаза.

— М-мм, Сашка... Я сейчас...

Сделав усилие, я сел на кровати. Что же у меня с лицом... Вспомнил: мазь. Интересно, подействовало? Посмотрел на Сашку. Он кивнул:

— Порядок. Зеркало в ванной.

В ванной, еще не очухавшись от сна, я долго всматривался в кирпично-бурую маску, которой стало теперь мое лицо. Эффект был потрясающим: я действительно стал старше лет на двадцать. Причем действие Сашкиной мази было неодинаковым: в одном месте кожа пошла пупырышками, в другом казалась обожженной, в третьем — покрылась неровными пятнами. Губы распухли, нос от этого казался еще меньше. Плеснув в лицо водой и снова посмотрев в зеркало, я понял: сейчас я выгляжу лет на пятьдесят. В ванную заглянул Сашка:

— Не очень испугался?

— Да нет. Это точно сойдет?

— Точно. Идем стричься. Давай, давай. Времени нет.

Я уселся в кухне. Сначала Сашка действовал ножницами. Потом, намылив голову, тщательно выбрил остатки моих волос без-опасной бритвой. Смочил одеколоном. Протянул парик. Я повер-тел его: волосы были седыми и короткими.

— Надевай осторожней, — сказал Сашка. — Виски и заты-лок на липучке. Вообще же это вершина искусства. Можешь убедиться.

Я натянул на голову легкую шапочку. Разгладил парик, у вис-ков и затылка он сразу же прилип к коже. Сколько я ни вгля-дывался в зеркало, так и не смог заметить, где кончается моя кожа и начинается парик. Сашка подал накладной живот:

— Последнее усилие. Надень. И учти, из гаража нужно вы-ехать в половине шестого.

Я вдел руки в ремни. Сашка поправил тяжелый пояс, застег-нул сзади застёжки. Кивнул на сложенные вместе белую рубаш-ку и синие с тройными лампасами брюки от пижамы «Аидас». Я с сомнением взял брюки; на пояс они налезли с трудом, ре-зинка на животе натянулась. Накинул широченную рубашку: еле сошлась. Застегнул пуговицы. Сашка протянул очки:

— Для солидности. Не бойся, они без диоптрий.

Я надел очки в черепаховой оправе. Теперь из зеркала на ме-ня смотрел заурядный пожилой дядя. Сейчас меня точно никто не узнает. Такой человек мог быть начальником отдела снаб-жения. Или, допустим, директором кинокартины. Впрочем, он мог быть кем угодно.

Мой собственный пиджак теперь не застегивался из-за накладного живота.

— Есть хочешь? — спросил Сашка,

— Поем в дороге.

— Я тебе заварил чай в термосе. Надень кроссовки. Из моей квартиры выйдешь один. Выведешь машину — гараж запри. Ключ останется у тебя. Внешность не меняй. Даже когда их отвезешь. Как только вернешься в Москву, позвонишь мне из первого же телефона-автомата. И сделаешь, что я скажу. Без моих указаний ничего не предпринимай. Ясно?

— Ясно. Деньги понадобятся?

— На, возьми полсотни. На всякий пожарный. — Подождал, пока я положу в карман деньги. Передал уже знакомые мне права и техпаспорт на Семенова. — Свои документы оставь. Сейчас доедешь до Лесной. Там есть маленькая «Химчистка». Ближе к Новослободской. Встанешь у нее. Ребята обещали подойти в шесть.

— Как я их узнаю?

— Я их не видел. Зовут Юра и Женя. Других данных у меня нет. Им известно, что тебя зовут Игорь Кириллович. И что у тебя светло-серая «шестерка». Назовутся — посадишь. И возьми поесть. Возьми, возьми. В дороге можешь не купить.

Без пяти шесть я остановил машину у «Химчистки» на Лесной. Минут через семь с затормозившего впереди трамвая спрыгнули два парня.

На вид им было под тридцать. Один был довольно высок; в его лице и вообще во всем облике было что-то кошачье. Вторым, коренастым блондин, если чем и выделялся, то только ровным густым загаром. Подойдя к машине, высокий пригнулся:

— Простите, вы Игорь Кириллович?

— Игорь Кириллович.

— Доброе утро. Я — Юра, это — Женя. Можно к вам?

— Садитесь.

Сашка меня предупреждал: хозяевами во время поездки будут они. Поэтому, выслушав просьбу довести их до Минского шоссе, я включил без лишних слов мотор и стал выбираться на Кутузовский. Мы проехали весь проспект и Можайку. На Минском, сразу после Кольцевой дороги, Юра сказал:

— Скоро будет мотель. Остановите там ненадолго.

У мотеля я, развернувшись, подал машину задом в кусты.

— Постоим немного и поедем дальше. — Голос Жени низкий и хриплый, я услышал впервые. — Ничего?

— Ничего. — Раза два сменив кассету, я сделал вывод: мотель Юру и Женю не интересует. Они следят за машинами, идущими из Москвы. Прошло, наверное, около часа, когда сидящий прямо за мной Женя кхекнул. Я посмотрел вперед: мимо проплывал длинный плечевой трейлер. На серебристом кузове синели большие, около метра высотой, стилизованные буквы: «Мосгортрансгентство». Ниже чуть меньшими буквами было написано: «Междугородные перевозки». Юра кивнул:

— Игорь Кириллович, нам за этим трейлером.

Подгадав интервал, я газанул и резко выехал на шоссе. Примерно через полкилометра Юра заметил:

— Желательно идти ровно. Не отставать, но и не приближаться. Игорь Кириллович, мы должны переговорить с водителем. Ну а тут, на трассе, сами видите, не до переговоров. А за Смоленском у него двухчасовая стоянка.

Три с половиной часа по жаре, да еще без остановок — не шутка. Впрочем, мне ведь приходилось преодолевать и не такие перегоны. Если ехать без задержек, мы должны проскочить Смоленск в начале двенадцатого. Не самый худший вариант. Особенно если они действительно отпустят меня и переседут на свой трейлер.

За все время пути я лишь раз остановил машину, чтобы долить в бак бензин. И заодно дать отдых спине. Дистанцию между нами и трейлером я теперь держал неплохо. Так что фура все время была в поле зрения.

Проехав Вязьму, я вскоре заметил фигуру милиционера. Постовой стоял на пустынной правой обочине перед мотоциклом, похлопывая жезлом по голенищу. От самой Москвы я ехал без нарушений. Но ведь постовой ГАИ может остановить машину просто так, для проверки.

Я следил за милиционером. Сейчас от него до трейлера было метров пятьдесят. Может, он обратит внимание на трейлер? Нет, фура прошла мимо. Поскольку других машин на шоссе не было, я понял: постовой нацелился на мою «шестерку». Когда между нами и мотоциклом осталось метров сто, рука с жезлом медленно поднялась. Подъехав ближе, я увидел лицо постового. Это был белесый, худощавый лейтенант. Убедившись, что я заметил сигнал, лейтенант опустил руку. Я затормозил. Пригнувшись к окну с опущенным стеклом, лейтенант взял под козырек:

— Инспектор поста ГАИ Козлов. Разрешите документы?

В том, что он меня остановил, ничего страшного нет. И все же показалось, что я слышу стук собственного сердца. Техпаспорт меня не беспокоил. Но вот права... Ведь там фотография другого человека. Светлые глаза лейтенанта под выгоревшими бровями рассматривали меня спокойно. Я достал права и техпаспорт.

Взяв документы, лейтенант начал просматривать техпаспорт. Посмотрел все страницы. Закрыв. Сейчас начнет изучать права. Подумав об этом, я отвел глаза в сторону. Прислушался к стуку мотора. Вообще, чего я боюсь? В любом случае Уголовный кодекс я не нарушил.

Прошло несколько секунд, и лейтенант протянул документы в окошко. Сказал спокойно:

— Игорь Кириллович, будьте осторожны.

— А что такое? — Я нарочно задержал руку с документами в кармане, чтобы перевести дыхание.

— На четвертом километре ремонт дороги. Скорость снижайте заранее. Желаю счастливого пути.

Трейлер мы нагнали за Смоленском. Сделав несколько обгонов, я легко восстановил привычный интервал. То, что трейлер тот же самый, определил по черному номеру на заднем борту: «66—15 МШ».

— Все, Смоленск, — заметил Женя. Я поглядел на часы: де-

сять минут двенадцатого. Несмотря на две остановки, средний график выдержан. Основной поток транспорта сворачивал сейчас влево, к городу. Лишь изредка машины шли дальше, к Минску. Туда же, не снижая скорости, прошел трейлер. Юра пригнулся: — Сбавьте, Игорь Кириллович. Пусть уходит на стоянку.

На шоссе впереди не было ни одной машины, лишь два раза нас обогнали тут же скрывшиеся на большой скорости легковушки. Значит, трейлер уже на стоянке. Проехав немного, я увидел знак: до стоянки двести метров. Женя сказал:

— Свернуть нужно здесь, до знака. Въезжаем прямо в лес.

Я крутанул баранку. Проезд был не идеальным: машина переваливалась на кочках, под колесами трещал мелкий кустарник, но выбирать не приходилось. Наконец я заметил скрытую зарослями небольшую полянку. Свернул на нее, остановил машину, выключил мотор. Несколько секунд мы сидели не двигаясь.

— Мы ходим на стоянку, подождите нас, — сказал Женя, — сейчас двадцать минут двенадцатого. Если в двадцать минут второго нас не будет, можете уезжать.

Они ушли, я же, стащив с заднего сиденья шкуру, расстелил ее на траве. Достал из-под сиденья термос, из карманов пакеты с бутербродами. В них оказалось два бутерброда с сыром и три с колбасой. После некоторого раздумья я завернул в бумагу бутерброд с колбасой и сунул его в карман. Мало ли что ждет меня впереди. Остальное разложил на пустом пакете, отвинтил крышку термоса и устроил пир. Четыре бутерброда со сладким чаем показались королевской пищей. Минут через десять от моих запасов ничего не осталось. Есть же хотелось по-прежнему. Я чуть было не достал пятый бутерброд и все же, подумав, решил преодолеть искушение. Собрал и сунул в рот крошки, снял очки, полежал, вытянувшись на шкуре. Вдруг понял: все, что происходит вокруг, воспринимаю сквозь сонную пелену. Не мудрено, ведь мне пришлось встать в половине пятого. Я попытался повернуться на живот, почувствовал накладной пояс. Ничего, отлично выплюсь на боку, как раз до прихода Юры и Жени. Если они вообще придут. Если не придут, еще лучше. Проснусь и сразу поеду в Москву. Юра и Женя очень хорошо знают трассу. Похоже, они сами раньше работали «дальнобойщиками». Последнее, о чем я подумал: зачем им нужно уезжать вместе с этим трейлером? Хотят договориться с водителем, чтобы повернуть какую-то махинацию. Подумать, какую именно, я не успел, потому что заснул.

Засыпал я в тени, а когда проснулся, солнце светило прямо в глаза. Меня безжалостно кусали слепни. Отогнав их, я сел одним рывком. Посмотрел на часы: без пяти час. Выходит, прошло почти полтора часа. Вообще-то хорошо, что я поспал. Теперь снова готов ехать хоть на край света. Окончательно придя в себя, собрал пустые пакеты, бумагу от бутербродов, прочий мусор, свернул в комок и вместе с термосом сунул под сиденье. Сел за руль. Посидев немного, вдруг понял: есть хочется еще сильнее, чем до сна... Ничего, у меня остался бутерброд. Съем, когда станет невмоготу, ну а потом дотерплю до ближайшего населенного пункта. Только подумал, что больше не останусь на этой полянке ни одной лишней минуты, как из кустов вышли Юра и Женя. Вид у них был хмурым.

Усевшись вместе с Женей сзади, Юра сказал:

— Игорь Кириллович, извините, придется догонять. Трейлер ушел полчаса назад.

Я включил мотор, вырулил задом, разворачиваясь к шоссе.

Догонять — так догонять... Довел стрелку спидометра до черты «110». Далеко уйти за это время трейлер не мог, сейчас между нами самое большее километров двадцать. Ничего, достанем его минут через пятнадцать. Машин на шоссе мало, я обогнал лишь грузовик, а чуть погодя «Москвич». Вот проплыл указатель, сообщавший, что до Демидова пятьдесят километров.

— Игорь Кириллович, сейчас поворот направо, — сказал Юра.

Повернув, я подумал: с возвращением в Москву спешить не стоит. Если верить Сашке, действие мази рассчитано на сутки. То есть к ночи мое лицо примет нормальный вид.

Вдруг Женя сказал:

— Он.

Вглядевшись, я увидел на шоссе пятно. Похоже, Женя прав — это трейлер. Проехав немного, разглядел серебристый борт и четыре цифры: «66—15».

— Догоняем? — спросил я.

На заднем сиденье возникла какая-то заминка: мне показалось, Юра с Женей попытались обменяться знаками. Наконец Юра сказал:

— Догоняем. Особенно не нажимайте. Как поравняемся, обходите слева. И идите вровень с кабиной. Нам надо как-то его остановить.

— Крикнем, что у него горят колеса, — сказал Женя.

— Посмотрим... — Пригнувшись, Юра следил за трейлером. Задний борт с черными цифрами приближался. Вскоре он поравнялся с моей машиной. Я дал газ, и фура как бы медленно поползла назад. Женя заорал мне в ухо:

— Игорь Кириллович, когда он остановится, вставляйте впереди на обочину. Если я махну рукой, можете уезжать. Поняли?

— Да! — Мы поравнялись с кабиной. Я увидел ступеньки и низ двери. Чуть позже, отъехав, разглядел водителя. Самый обычный «дальнобойщик» — круглолицый, лет сорока, в белой парусиновой кепочке. Увидев, что мы идем рядом, водитель кивнул: что случилось? Юра показал на задние колеса:

— Колеса! Правые задние!

Водитель замотал головой: не слышу! Юра несколько раз крикнул: «Правые задние!» Наконец водитель посмотрел в боковое зеркало и начал тормозить.

— Игорь Кириллович, встаньте перед ним. — В голосе Жени появилась хрипотца. «Шестерка» чуть ушла вперед. Я тут же отпустил педаль акселератора. Услышав звук мощных тормозов, сам свернул к обочине. Нажал на тормоз. Юра вышел и крикнул спускавшемуся из кабины водителю:

— Помочь?

— Если не трудно! — Спрыгнув, водитель взял инструменты. Юра двинулся к трейлеру. Обогнув радиатор, они вместе с водителем исчезли за длинным корпусом и росшим у дороги кустарником. Женя напряженно всматривался в ту сторону. Нако-

нец, будто что-то решив, выставил обе сумки на обочину. Кивнул:

— Пойду включусь. На сумки не обращайте внимания. Мы их заберем. — Выйдя из машины, пригнулся: — Значит, как махну рукой, езжайте.

Женя быстро пошел к трейлеру, скрылся за радиатором. Я достал из кармана бутерброд с колбасой, начал есть, стараясь растянуть удовольствие. По шоссе прошло два рейсовых автобуса. Проглотив последний кусок, на всякий случай пошарил в кармане, может, там что-то осталось. Нет, в кармане лежали лишь клочки бумаги, той самой, в которую был завернут бутерброд. Я выкинул их на обочину и посмотрел на часы: стрелки показывали тринадцать тридцать три. По времени магазин в Верховье должен работать. Лишь бы не затянулись переговоры... Откинувшись на сиденье и в этот момент увидел вышедшего из-за трейлера Женю. Кажется, можно ехать. Женя поднял руку. Помахал несколько раз. Махнув рукой в ответ, я включил мотор. Развернулся и на малой скорости проехал мимо трейлера.

Километров через сто сорок навстречу вылетел указатель: в полутора километрах от основной трассы находится некое Бараново, в котором есть переговорный пункт. Я свернул направо, и скоро моя «шестерка» вкатилась в большое село. Покружив минут пять среди домиков с палисадниками, я в конце концов нашел одноэтажное здание с верандой, крыльцом и табличкой: «Отделение связи». Дверь была открыта; войдя, увидел розовощекую девушку в сарафане. Девушка читала за конторкой газету. Объяснив, что очень спешу, я попросил соединить меня с Москвой по срочному тарифу.

Секунд десять дежурная бесстрастно разглядывала меня. Наконец покачала головой:

— Мы же через час закрываемся.

Вздохнув, нехотя надела наушники. Сказала, вращая диск:

— Знаете, как у нас дозвониться?.. Пока в Ярцево пробьешься... Потом надо в Смоленск... И только потом в Москву... — Протянула бумажку: — Ладно. Вот бланк, напишите ваш номер. Количество минут... И давайте деньги. По срочному — девянносто копеек минута.

На всякий случай я вписал в графу «количество минут» цифру «10». Протянул дежурной заполненный бланк и десятирублевку. Продолжая крутить диск, она ухитрилась положить на конторку рубль сдачи. Наконец закричала кому-то: «Алло! Алло! Возьмите срочный!»

Закончив передавать заказ, кивнула:

— Вам повезло. Но, учтите, дадут не скоро. Хотите, подождите на улице. Там есть скамейка.

Выйдя на улицу, я уселся на скамейку. Около часа мне пришлось выслушивать, как розовощекая дежурная изредка говорила: «Алло, шестая! Шестая, ответьте! Алло, шестая...» Наконец, услышав ответ, она shellкнула переключателем:

— Дали Москву. Возьмите трубку. Аппарат на веранде.

На веранде, на крохотном деревянном столике, стоял телефонный аппарат. Я взял трубку. Довольно долго мембрана шу-

мела, до меня доносились обрывки голосов, попискивание, гудки. Наконец женский голос сказал:

— Бараново, Москву вызывали? Говорите...

Почти тут же я услышал голос Алены:

— Алло... Слушаю... Алло! Слушаю, говорите?

Я страшно обрадовался.

— Алена, привет. Это я. Узнала?

— Привет, Узнала. — Несколько секунд трубка молчала. — Ты где?

— Все там же. В скучном городе.

— Ты... хоть соскучился?

— Да. И очень хочу тебя видеть.

— Так приезжай. Когда ты приедешь?

— Приеду. — Тут я подумал, что не знаю точно, когда кончится действие Сашкиной мази. — Скажем, дня через два.

— Раньше нельзя?

— Нельзя. Целую. До встречи. Будь умницей, хорошо?

— Хорошо. И ты не делай глупостей.

В Москву я въехал довольно рано, в двадцать минут десятого. Проехав Триумфальную арку, свернул в первую же улочку. Нашел телефон-автомат, набрал Сашкин номер. Сашка снял трубку почти сразу:

— Алло?

— Сашка, привет. Это я.

— Привет. Ну как? Порядок?

— Порядок. Я в Москве. — Других слов я найти не мог. Ведь я сделал все, о чем он просил.

Сашка молчал довольно долго. Наконец сказал:

— Езжай к кинотеатру «Форум». Там есть стоянка такси. Я буду чуть впереди. За стоянкой. Встань сзади. Увидишь, как я махну рукой, переседаешь ко мне. Ну и... все решим.

Когда я подъехал к «Форуму», Сашкина машина уже стояла метрах в пятидесяти за стоянкой такси. Я поставил свою сзади и тут же увидел Сашку, сидящего неподвижно за рулем. Так, будто меня и не было. Мне даже показалось, что Сашка вообще меня не заметил. Скоро я убедился, что это не так. Примерно через полминуты Сашка поднял руку. После того как я пересел к нему, он посмотрел на меня в упор. Выждав, легко толкнул плечом:

— Привет.

— Привет.

— Ну что? Все в норме? Серега, перескажи-ка коротко, как все это произошло. С того момента, как ты их встретил.

Я рассказал, стараясь ничего не упустить. Начал со встречи на Лесной. Затем более-менее подробно описал погоню.

— Все ясно. — Сашка погладил баранку. — Теперь... послушай меня. Как бы тебе сказать, Серый... Уже год меня пытается прихватить один человек...

— Прихватить?

— Да. Взять с меня калым. Снять стружку. Ну и так далее. Человек он, если честно, довольно страшноватый. Понимаешь, что это такое?

То, что на Сашкином и на моем пути могут встретиться «страшноватые» люди, я прекрасно понимал.

— Я его не знаю?

— Не знаешь. Могу сказать его имя — Вадим Павлович. Но, сам понимаешь, это ничего не дает. Да и уверен, оно не настоящее. С этим Вадимом Павловичем я имел дело всего один раз. Имел и до сих пор жалею. Неделю назад Вадим Павлович позвонил и сказал, что я должен оказать ему одну услугу. Если я эту услугу окажу, он от меня отвяжется. Надеюсь, ты понял, Вадиму Павловичу нужно было, чтобы кто-то подвез Юру и Женю?

— Ну так я ведь их подвез?

— Подвез. Поэтому должок за мной... — Сашка подставил ладонь. Я ударил по ней кончиками пальцев. Тут же подставил свою. Обменявшись ритуальным жестом, мы помолчали. Вглядываясь в проезжавшие мимо машины, Сашка сказал:

— Серый, ты знаешь, быть в долгу я не люблю... Короче: Вера купит картину. Просто... надо чуть подождать. Скажем, дня два. Ну а пока... Пока ты должен переночевать на улице. Не волнуйся, это будет не в Москве. За городом, около моей дачи. Причем обещаю полный комфорт. В багажнике у меня лежат надувной матрац и два пледа. Еда, питье. Даже этюдник с красками. Мучиться на пленэре будешь только ночь. Я тебе оставлю ключи от моей дачи. Завтра днем пойдешь туда. И поживешь, ну, скажем, дня два-три. Я в это время должен быть в Москве. Для алиби. Что такое алиби, знаешь?

— Знаю. Моя ночевка тоже для алиби?

— Естественно. Видишь ли, я согласился помочь Вадиму Павловичу. Юра и Женя — его люди. Зачем им был нужен этот трейлер, я не знаю. И знать не хочу. Но я действительно не хочу подставлять тебя. Я не хочу подставлять и себя. Поэтому эти два дня побуду в Москве, чтобы они не приплели мне соучастие. Ты же... Вообще-то с тобой все чисто. Если не считать одного маленького нюанса. Ты говоришь, что гаишник ничего не записал?

— При мне нет.

— Гаишник мог запомнить номера. Вполне возможно, с этим трейлером ничего не произойдет. Но если произойдет... И Юра с Женей, а значит, и Вадим Павлович загремят — милиция рано или поздно выйдет на твою машину. Значит, надо изобразить: твою тачку угнали.

Кажется, я действительно начал понимать то, что раньше для меня лишь прорисовывалось.

— Если мою тачку угнали, почему я об этом не заявил?

— Не заявил, потому что не знал. Ты уехал за город. На эту ды. А машину оставил, чтобы не мешала. Вернувшись, обнаружил ее на прежнем месте. Вот и все. Сейчас мы поставим старые номера. Ты отгонишь машину туда, где она обычно стоит. И уйдешь. Тебя наверняка кто-то заметит. Точнее, не тебя, а седого человека лет пятидесяти, поставившего машину на обычное место. Как наверняка кто-то заметил и человека, пригнавшего нам вчера машину. Тебя же самого жители твоего дома все эти дни не видели. Именно эти факты и узнает милиция, если начнет наводить справки. Но милиция наверняка еще поинтересуется,

где именно ты был все эти дни, пока кто-то угонял и возвращал машину. Причем не только заинтересуется. Но и проверит. Мало того, еще поищет свидетелей. Поэтому, чтобы все было чисто, ты сейчас переночуешь на воздухе.

Сашка действительно все просчитал идеально.

— Что сначала? — спросил я. — Меняем номера?

— Меняем. Пересаживайся в свою тачку и езжай за мной. Тут есть одна стоянка. Моего приятеля. Все сделаем на ней. Я не спешил, меня интересовало кое-что еще.

— А когда я приму нормальный вид?

— В смысле?

— В смысле твоей мази. Когда я смогу показаться людям?

— Серега, ну ты что? Я же сказал, через сутки все придет в норму. Завтра будешь как огурчик. Ведь завтра тебя должны увидеть свидетели. Для них ты должен быть самим собой, Сергеем Лотаревым. Соображаешь?

— Ладно, поехали... Далеко твоя стоянка?

— Рядом. За Самотекой.

Минуты через три, попетляв по переулкам, мы с Сашкой остановили машины перед решетчатыми воротами. Уже стемнело. Ворота были слабо освещены светом уличного фонаря. Сашка открыл замок своим ключом. Мы подогнали машины в угол стоянки. Быстро заменили номера. Сашка спросил, положив липовые номера в багажник:

— Вещи, которые могут понадобиться, у тебя в машине есть?

— Нет. Все мои вещи у тебя.

— Значит, Серега, езжай к себе. Ставь машину на место. Я буду ждать там же, в переулке.

Когда я вернулся, Сашкина «девятка» стояла около булочной. Я сел в машину, Сашка спросил:

— Все без шума?

— Полная тишина.

Полчаса ушло на то, чтобы выбраться из Москвы. За Химками Сашка резко прибавил: минут двадцать мы мчались в сторону Солнечногорска. Свою дачу Сашка купил два года назад и тут же перестроил ее так, что теперь она выглядела как игрушка. Дача стояла в лесу, в километре от Сенежского озера, неподалеку от других домов, хотя и входила в дачный кооператив. Места для отдыха на Сенежском озере отличные. С одной стороны — множество лодочных станций, домиков рыбака, пансионатов, на которых есть все — от прогулочных катеров до баров и дискотек. С другой — полно глухих участков, где тебя никто не увидит.

Перед Солнечногорском мы свернули и сбавили ход. Пригладившись, я понял: эти места я знаю. Вот вырубка... Вот светятся окна в крохотных домиках садового кооператива... Озеро. Довольно долго мы ехали на малой скорости. Сашка напряженно вглядывался вперед. Наконец остановил машину, заглушил мотор.

Я осмотрелся: слева отсвечивает под лунным светом стена камышей, впереди, чуть подальше, свободная вода, извилистый берег. Кажется, недалеко отсюда, в километре, начинается Сашкин

дачный кооператив. Поблизости должна быть база отдыха: три летних домика за забором, причал с моторкой и несколькими лодками.

— Здесь какая-то база отдыха? — спросил я.

— Точно, ведомственная база, называется «Рыболов Сенежья». Там собака, но ночью она на привязи. Да и без привязи ее можно не бояться, отдыхающих она не трогает, приучена.

Выйдя из машины, я потянулся, чувствуя, как постепенно отходят затекшие ноги, поясница и плечи. Достав из багажника сумку, Сашка дернул «молнию»:

— Снимай все. В том числе парик и живот.

Я разделся почти догола. Сложил на заднее сиденье пиджак, брюки, рубашку, кроссовки, очки, накладной живот, парик. Поежившись, влез в джинсы. Сразу же натянул Сашкины кроссовки, земля была холодной. Попрыгал, чтобы убедиться: кроссовки не жмут. Надел тенниску и пуловер. Сашка кивнул:

— Если тебя здесь увидят лысым, нехорошо. В сумке должна быть джинсовая кепочка. Надень ее. И пока не снимай. Даже на ночь.

Найдя в сумке кепочку, я натянул ее на свой лысый череп. Подождав, пока я сяду рядом, Сашка включил мотор.

— Серега, в моем багажнике есть все, чтобы ночью и утром ты чувствовал себя спокойно. Пледы, надувной матрац, термос с чаем, бутерброды, этюдник, набор кистей и красок. Насчет еды — на даче полный холодильник. Держи ключи... — Он подождал, пока я спрячу ключи. — Тебя должен запомнить сторож. Мы подведем к дальнему краю базы. Накачаем матрац. Перелезешь через забор, ляжешь на матрац, укроешься пледами. И все. Можешь спать. Задача у тебя простая: утром тебя должен увидеть сторож. Территория тут небольшая. Учти: сторож тут же тебя погонит. Попробуй с ним поговорить. Скажем, предложи десятку и, главное, дай понять: ты ночуешь на базе уже вторую ночь. Скажи: за забором надежнее, поэтому и лег здесь. Вообще, поплачься в жилетку, мол, молодой художник, приехал на этюды и так далее. Выгнать он тебя все равно выгонит, но запомнит. Ну а потом иди на дачу. И жди моего приезда.

— А если не выгонит? Я ведь дам ему десятку?

— Вряд ли он возьмет твою десятку, место дороже. Но если возьмет, попроси пустить на базу днем. Скажи, хочешь порисовать лодки и удильщиков. Если откажет, все равно приходи завтра к базе. И поторчи у него на глазах с этюдником. Неплохо то же самое сделать и послезавтра, для полной гарантии. И не забудь про кепку. Не снимай ее на ночь. Хорошо?

— Хорошо. Поехали?

— Поехали... Там, у забора, желательно не говорить, объясняемся жестами.

По-прежнему не зажигая огней, Сашка тронул машину. «Десятка» поползла вдоль стены камышей. Метров через двести мы увидели забор. Машину Сашка остановил у дальнего края. Мы вышли, молча достали из багажника матрац. Так же молча его накачали. Через забор я перелез довольно легко. Спрыгнул на мягкую землю, и тут же с другого конца базы раздался собачий лай. Я застыл, повернувшись в ту сторону. Сашка сказал:

— Сейчас она заткнется...

Точно: твякнув еще пару раз, собака замолчала. Я принял через забор надутый матрац, затем набитый вещами рюкзак и сумку. Хлопнула дверь, заработал мотор, машина уехала.

Усевшись на матрац, я развязал рюкзак. Пошарив внутри, быстро нашел термос, нащупал пакет с бутербродами. Мысленно поблагодарив Сашку, отпил прямо из горлышка сладкого чая, съел несколько бутербродов. Теперь самое главное — обмазаться детским кремом. Достал из кармана тюбик, долго втирал крем в лицо и руки.

Вытянувшись под пледом на матраце, предался размышлениям. Единственное, о чем я сейчас мечтал, — это чтобы скорей прошло действие Сашкиной мази, а остальное все так хорошо... С этой мыслью я и заснул.

Проснулся, когда повсю светило солнце. Посмотрел на часы: уже одиннадцать. Крепко же я спал... Осторожно потрогал щеки, шею, лоб. Кожа на лице шелушилась, а на подбородке отросла щетина. Жаль, нет зеркала посмотреть, каким я стал. Ладно, полюбоваться на себя еще успею.

Откинув прогретые солнцем пледы, сел на матраце. Потом натянул кроссовки, сделал зарядку. Позавтракал, выпив весь чай и доев бутерброды. Разобрал и поставил этюдник, закрепил на нем лист ватмана, достал из рюкзака кисти, краски, набор фломастеров, карандаши.

Сначала я буквально вымучивал каждую нанесенную на ватман черточку, но примерно через час, намечая контуры ближайшего куста и забора, заработал по-настоящему. От эскиза меня оторвал лишь необычный звук. Прислушавшись, я вдруг понял: рядом стоит собака. Скосил глаза. Та самая, большая, мохнатая, с загнутым вверх хвостом. В родословной были лайки, если судить по хвосту и по масти — серо-желтой с черными подпалинами.

Сашка предупредил, что отдыхающих этот пес не трогает. И все же мне стало не по себе. Сказав: «Ух, ты, псина... Привет...», — я продолжил работу. Почти тут же из кустов вышел невысокий крепкий старик, похоже, сторож. На старике была выгоревшая линиялая майка-безрукавка и ношенные-переносные джинсы.

— Доброе утро, — сказал старик.

— Доброе утро.

— Я здешний сторож, зовут меня Николай Иванович. А вы вообще кто — наш?

— Нет. — Я отложил карандаш. — Я сам по себе.

— Значит, сами по себе.

Порывшись в карманах, я достал десятку:

— Вот, возьмите.

Сторож посмотрел на десятку. На меня. Почесал затылок. Не спеша поправил шапочку.

— Д-да. — Помолчал. — Вот что, парень, десятку свою спрячь. Пригодится. Приезжай осенью, когда никого нет. А сейчас давай. Через двадцать минут приду, проверю, чтоб тебя уже не было.

Повернувшись, Николай Иванович исчез в кустах.

Выпустив из матраца воздух, я сложил вещи в рюкзак и сумку. Вышел из ворот базы и двинулся к Сашкиной даче. Пройдя

минут двадцать по лесу, увидел за деревьями знакомый высокий забор. Над забором торчала черепичная крыша, был виден солярий, часть мансарды.

Открыв ключом калитку, я по выложенной плитami дорожке приблизился к коттеджу. Первое, что я сделал, войдя в дом, — прошел в ванную и не без некоторого замирания остановился перед большим зеркалом. Перевел дух: все в порядке. Лицо приняло прежний вид. Правда, на шее, подбородке и щеках остались еще легкие покраснения. Но ясно, что они скоро пройдут.

Два дня на Сашкиной даче пролетели незаметно. Стояла отличная погода; каждое утро я брал этюдник и уходил к «Рыболову Сенежью». Устраивался нарочно с той стороны, где забор заменяла железная сетка, чтобы меня видели отдыхающие и сторож.

Стоя перед этюдником в одних плавках, я писал примерно до полудня, не спеша работал акварелью. Когда жара становилась невыносимой, откладывал кисть и нырял в озеро. Плавал до изнеможения. Вода была мягкой и теплой. Возвращаясь на берег, бросался на песок, обсыхал и снова брался за кисть.

Завтракал я плотно, но часам к трем все равно ощущал страшный голод. При первых же его признаках я уходил на дачу и начинал готовить обед. Затем устраивался в плавках на веранде за столом и уничтожал еду в считанные минуты.

Мы с Сашкой приехали сюда с пятницы на субботу; Сашка обещал вернуться через два дня, то есть в воскресенье вечером. Но в воскресенье Сашка не появился, так что вечер у телевизора мне пришлось коротать одному.

В понедельник я встал рано. Пробежав несколько кругов вокруг дачи, принял душ, затем, растираясь после душа, взглянул по привычке в зеркало и облегченно вздохнул. Наконец-то... Сашка не обманул: кожа на моем лице снова была чистой. Все до одного покраснения бесследно исчезли.

Я позавтракал, а потом отправился на озеро. Расстелил покрывало, установил этюдник, посмотрел на часы, отметив, что сегодня пришел раньше обычного, в половине восьмого.

Часа два я работал в полном одиночестве, пока не услышал шум мотора. Золотистая «девятка», выкатив из-за камышей, резко затормозила около меня. Сашка подмигнул:

— Привет. Как ты здесь? Не скучаешь?

— Да нет. Видишь, тружусь.

— Что-то тихо. — Сашка оглянулся. — Где весь народ?

— Уехали. Понедельник же.

— Собака не обижала?

— Да нет. Ты прав, собака здесь вполне мирная.

— Тогда собирайся. Времени в обрез, я ведь на работе. Прихвати то, что осталось на даче, — и в Москву.

Сзади раздалось угрожающее рычание. Я оглянулся: с той стороны сетки, заливаясь лаем, прямо ко мне со всей силы кинулась уже знакомая мне собака. Отброшенный назад стальной сеткой, пес снова рванулся в мою сторону. Интересно, подумал я, что это с ним? Ведь я всего-навсего хочу убрать этюдник,

свой собственный этюдник. А пес не дает... Надо вспомнить, как его зовут. Кажется, Дик. Точно. Дик.

— Дик, ты что? Это же мой этюдник! Молчать! Ну? Тебя никто не трогает. Да перестань ты! Дик!

Уговоры не действовали, Дик продолжал злобно рычать и бросаться на металлическую сеть. Я посмотрел на Сашку:

— Что с ним? Была тихая собака.

Сашка пожал плечами.

— Не обращай внимания. Не хватало нам еще псом заниматься. Забрасывай все в тачку — и поехали.

Сложив вещи на заднее сиденье, я сел рядом с Сашкой. Под непрекращающийся злобный лай захлопнул дверцу; Сашка дал задний ход, развернулся. Через три минуты он затормозил у своей дачи:

— Переодевайся, не забудь захватить шмотки. Я выходить не буду.

На даче я надел свою тенниску, джинсы, кроссовки. Проверил, в сумке ли бритва, зубная щетка, документы. Вернулся в машину.

— Ничего не забыл? — Сашка включил мотор. — Документы, ключи от дома? Ключи от машины?

— Со мной, не волнуйся. Поехали.

Минут через десять, попетляв среди дач, мы выехали на магистраль. Доведя скорость до ста двадцати, Сашка сказал:

— Я отсидел свое в Москве, ты на даче. А это значит — все, конец эпопеи. Даже если что-то и случится и в дело вступит милиция, придаться к нам будет невозможно. У нас абсолютное алиби. Понимаешь?

— Мне что, кричать «ура»?

— В принципе можешь и крикнуть. Кстати, прими мои поздравления. Я только что звонил Вере, она купила картину. Просила заехать за деньгами. Причем дала очень неплохо, я даже сам не ожидал. Пятнадцать штук.

Сашка довез меня почти до самого дома, и мы расстались.

В моем дворе все выглядело как обычно: моя «шестерка» стояла там же, где я ее оставил. Подумал, стоит ли заходить домой? Собственно, а зачем? Писем я не жду, включенных электроприборов не оставлял. Глянул на свой балкон и, открыв дверь машины, бросил на заднее сиденье сумку. Сел, повернул ключ, порядок: масло есть, бензина километров на сто.

Выйдя на улицу, я подошел к телефонному автомату. Опустил две копейки, набрал номер. После двух гудков трубку сняли, и я услышал настороженный голос Алены:

— Алло?

— Алена, привет. Это я. В Москве и недалеко от тебя. Выйдешь через пять минут?

— Конечно.

К Лениному дому я подъехал минут через десять. Алена уже стояла на краю тротуара. Она была в открытом белом сарафане, который ей очень шел из-за загара. Усевшись со мной рядом, она хлопнула дверцей. Сказала, не глядя:

— Знаешь, произошла странная вещь. Кажется, я впервые соскучилась. Причем соскучилась по-настоящему.

Я подумал, может, я и не соскучился по-настоящему, но страшно рад, что вижу Алену. Она подставила губы, и я осторожно поцеловал ее.

Рахманов посмотрел в окно. Подумал: уже двенадцать дней. Рейс на Сухуми в два-тридцать. Значит, через час он должен быть в Домодедове. Саенко и Жильцов уже в Сухуми. Может, они что-то и зацепят. Сегодня 20 сентября, ровно месяц, как он принял дело. Они уже проверяли по подобным сигналам всей следственной группой Самарканд и Даугавпилс. И оба раза зря.

Дело, которое он принял 20 августа, было возбуждено райпрокуратурой Смоленского района Смоленской области раньше, 14 июля. Ну а потом обычная история. Как только выясняется, что малоомощной райпрокуратуре расследование не по зубам, дело тут же передают сюда, в республиканскую прокуратуру.

Выходит, с момента убийства Дегтярева и угона трейлера прошло больше двух месяцев. И никаких серьезных результатов. Правда, у них есть два подозреваемых, Ключев и Шитиков. Но толку от них пока мало. Оба, как скала, стоят на своей версии. О причастности к угону трейлера не хотят даже говорить и не будут, пока прокуратура не припрет их к стенке уликами. Но какие могут быть улики, если за два месяца он, Рахманов, так и не нашел ответа на главный вопрос: куда исчез трейлер? Тот самый КамАЗ с полуприцепом «66—15 МШ», выехавший утром 9 июля из Москвы с грузом? На второй день после пропажи трейлера Краснопресненским РУВД Москвы был объявлен розыск, во все подразделения ГАИ Союза были разосланы характерные признаки — от номеров шасси и кузова до царапин на борту, и все тщетно. Не дает пока результатов и работа ГУБХСС по выявлению «левой» продажи лезвий «Шик». А ведь общая стоимость груза, не считая стоимости трейлера, составляет миллион 250 тысяч рублей. Вот и сейчас у них есть сведения ГУБХСС о лезвиях «Шик», до вчерашнего дня продававшихся якобы через сухумскую торговую сеть. Но где гарантия, что «сухумские лезвия» — те самые? При предыдущих проверках они уже убедились: все импортные лезвия «Шик» одинаковые. Экспертиза здесь бессильна, и если к сегодняшнему дню все лезвия будут проданы, прокуратура уже ничего не докажет. Особенно при умело оформленных накладных. Ладно, подумал Рахманов, что бы там ни было, пора вызывать машину и мчаться в аэропорт. Взялся было за трубку телефона, и в этот момент в кабинет вошел Инчутин.

— Вы заняты?

— Я сейчас выезжаю. А что там у тебя?

В отличие от рослого, жизнерадостного Саенко Инчутин был невысоким, тихим, к тому же со скрюченной левой рукой — следствие подростковой травмы. Но этот физический недостаток несколько не мешал Инчутину. Следовательно протянул несколько фотопечатков:

— Да вот эта бумажка. «Шесть, семь, восемь». Помните?

Рахманов взял верхний снимок. Изображенный на нем многократно увеличенный квадратик плотной бумаги размером 65×68 мм был ему хорошо знаком. Этот клочок бумаги вместе

с другими бумажками, окурками, полиэтиленовыми пакетами и прочим мелким мусором был найден следственно-оперативной группой Смоленской райпрокуратуры при осмотре места происшествия 14 июля. По предположению эксперта бумажка пролежала в траве на обочине шоссе Ольша — Велиж от пяти до семи дней. То есть ее вполне могли оставить у дороги в день убийства Дегтярева и угона трейлера. В верхней части квадрата было написано: «6—7, 8», внизу «18/V», здесь же стояла неразборчивая подпись. Анализы показали: запись произвели шариковой ручкой, заправленной импортной пастой высокого качества. Нижние три цифры наверняка означали дату заполнения бумажки, но три верхние до сегодняшнего дня были тайной для всех. На последнем обсуждении высказывалась догадка: квадратик служил указанием некой торговой точке или базе об отпуске определенного количества товаров, от шести до восьми. Но она была отвергнута. Бегло просмотрев отпечаток, Рахманов положил его.

— Помню. Выяснил, что это за бумажка?

— Контрамарка. В Московский театр имени Ленинского комсомола. Вот, посмотрите тут внизу. Фрагмент печати. В ЦНИЛСЭ¹ эту бумажку обработали вторично. Ну и нашли этот фрагмент.

Взяв отпечаток снова, Рахманов увидел на бумажке то, чего не было видно раньше: восстановленный фрагмент круглой печати. Печать наверняка была слабой и сошла. Естественно, ведь бумажка пролежала на обочине несколько дней и подверглась серьезному воздействию солнца, воздуха и осадков. Рахманов различил обрывки двух слов, следующих одно за другим: «...нинского ко...» Вариантов восстановления немного: «Ленинского коммунистического» или «Ленинского комсомола». Так что при определенных усилиях можно догадаться: это контрамарка. Шестой ряд, седьмое и восьмое места. Остается выяснить, как эта контрамарка оказалась на обочине шоссе Ольша — Велиж девятого июля.

— Театры имени Ленинского комсомола есть во многих городах, — сказал Инчутин. — Я даже заказал три разговора с Ленинградом, Смоленском и Псковом. Но все решилось после звонка в наш «Ленком». Там подтвердили: 18 мая у них давали «Гамлета». Я пошел туда, администратор меня ждал. То, что контрамарку выписывал именно он, администратор признал сразу. Кстати, ручка у него действительно импортная, «Паркер». Подняли записи: на спектакль от 18 мая выписано 43 контрамарки. Желающих получить контрамарку в театре хватает, так что списки сохраняются. Места тоже фиксируются. Восемнадцатого мая седьмое и восьмое места в шестом ряду получил некто Лотарев. Что это за Лотарев, я еще не выяснил. Но будем искать.

— В чем трудности?

— В том, что многих в театре еще нет. Сезон еще не начался, труппа только собирается. Надо найти человека, заказывавшего контрамарку на эту фамилию. Думаю, рано или

¹ ЦНИЛСЭ — Центральная научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы.

поздно мы на него выйдем. Кто-то в театре наверняка знает этого Лотарева.

— Понятно. Ладно, Леша, ты уж постарайся. И вообще учти: в Москве пока остаешься один. За всех нас.

Через пятнадцать минут после взлета самолета, покрутившись, Рахманов потрогал натянутые, как струна, привязные ремни, отрегулировать их он так и не смог. Подумал привычно: для своих сорока пяти он излишне полноват. Рассматривая светящееся табло и прислушиваясь к гулу двигателей, попытался прикинуть: что ожидает его в Сухуми? Вариантов с «левыми» лезвиями «Шик» может быть множество, но пока он не приземлится, думать о них бессмысленно. Интересно, кем может оказаться этот Лотарев, оставивший на шоссе Ольша — Велиж старую контрамарку? Лотарев... Откуда он мог взяться там, в лесу, в Смоленском районе Смоленской области? Впрочем, опять гадание на кофейной гуще. Потом, за месяц бесплодных поисков он мог убедиться: люди, угнавшие трейлер, — из тех, кто улик не оставляет. И особенно улик, подобных эйч. Ничего себе, визитная карточка убийцы: контрамарка. Причем не просто контрамарка, а контрамарка в модный московский театр на модный спектакль.

А началось все с того, что 14 июля пастух, пасший колхозное стадо в малонаселенной местности недалеко от шоссе Ольша — Велиж, обнаружил в кустах чуть присыпанный землей труп. Мужчина лет сорока со следами крови на голове и двумя ножевыми ранениями был в одежде, но без документов. По заключению прибывшего со следственно-оперативной группой судмедэксперта он умер от ножевых ран или ударов тяжелым предметом в затылочную часть головы. Произошло это за пять-шесть суток до момента обнаружения трупа.

Участники СОГ тщательно прочесали полосу леса, ведущую к шоссе. Здесь они ничего не нашли, зато на песчаном суглинке обочины среди прочих следов обнаружили отпечатки протекторов тяжелой машины. Состояние отпечатков наводило на мысль: несколько дней назад на этом месте простоял не менее часа тяжелый многоосный грузовик. Проведенные в дальнейшем опросы водителей рейсовых автобусов подтвердили: пять дней назад, а именно 9 июля, на этом месте стоял КамАЗ с полуприцепом. Причем один из водителей утверждал: перед трейлером на обочине стояла еще и легковая автомашинка «Жигули» светло-серого цвета с московским номером. Кабина КамАЗа была пуста, сколько человек сидело в «Жигулях», водитель указать не смог, он утверждал лишь, что видел человека за рулем. В дальнейшем его показания были подтверждены еще водителем автобуса. Оба водителя склонялись к мысли, что номер трейлера тоже был московским, как и номер «Жигулей». После этого были тщательно опрошены все работники ГАИ, дежурившие на трассе Москва — Смоленск — Минск — Витебск днем 9 июля. Вопрос ставился так: не заметили ли посты в этот день связи любого рода между КамАЗом с полуприцепом и легковым автомобилем «Жигули» светло-серого цвета. Упорный поиск в конце концов вывел на инспектора Сафоновского районного ОГАИ Смоленской об-

ласти Козлова. По утверждению Козлова, днем 9 июля, во время дежурства на участке Вышегор — Анохово шоссе Москва — Минск им были остановлены «Жигули» шестой модели светло-серого цвета с московским номером. Проверка проводилась из-за угона машины, приметы которой Козлову сообщили утром на разводе. Изучив документы водителя и заметив, что машина отличается от угнанной серией выпуска, Козлов «Жигули» отпустил. Внутри машины находились три человека: водитель солидного возраста, два молодых человека, примерно двадцати восьми—тридцати лет. С точностью описать внешность водителя и пассажиров Козлов не брался. Один из молодых людей — блондин с длинными волосами, второй — с темными, короткими. У водителя, как показалось инспектору, была не совсем здоровая кожа. Впрочем, Козлов утверждал, что, если ему покажут всех троих, он их узнает. Данные, указанные в документах, а также номер «Жигулей» шестой модели Козлов помнил лишь частично. Лучше всего в памяти инспектора сохранились имя и отчество водителя «Игорь (или «Илья») Кириллович». Фамилию Козлов восстановить не смог, но запомнил: она была русской, обычной, начинавшейся на С. Номер машины московский, первая, маленькая буква «я». В номере как будто есть цифры: 2, 4 и 6. Важно, что он вспомнил междугородный КамАЗ с полуприцепом, прошедший по трассе незадолго до того, как он остановил «Жигули». На номер трейлера Козлов внимания не обратил, но заметил надпись на борту: «Мострансагентство».

На посланный вскоре запрос смолян ГИЦ¹ сообщил: среди пропавших без вести с подобными или очень схожими приметами значится водитель Мострансагентства Дегтярев Геннадий Олегович. Жителю Москвы Дегтяреву было 39 лет; 9 июля он выехал из Москвы с грузом на КамАЗе с полуприцепом «66 — 15 МШ» и до сих пор не вернулся. Ответ смоляне получили лишь 7 августа. В тот же день ими в Москву был откомандирован оперуполномоченный Смоленского РОВД Жуков. Уже 9 августа Жуков установил: внешность, особые приметы и одежда человека, найденного убитым около шоссе Олыша — Велиж, до мельчайших деталей совпадают с внешностью, особыми приметами и одеждой Дегтярева. Шоссе Олыша — Велиж входит в маршрут, по которому должен был проследовать трейлер Дегтярева.

Этот трейлер выехал с автобазы в шесть тридцать утра 9 июля, точно по графику, с 500 тысячами пачек голландских бритвенных лезвий «Шик». Груз Дегтярева ждала вечером 9 июля псковская областная база Росгалантерея. Затем по расписанию трейлер Дегтярева должен был вернуться с обратным грузом в Москву, вечером 10-го. Вечером 10 июля трейлер в Москву не прибыл, поэтому 11-го утром диспетчерская Мострансагентства связалась по телефону с базой-получателем. Ответ был коротким: сведений о трейлере и его грузе у базы нет. Подождав еще немного и не получив известий ни от Дегтярева, ни от псковской базы Росгалантерея, администрация Мострансагентства сообщила о пропаже трейлера в милицию...

Ясно, танцевать надо от светло-серых «Жигулей». Люди, ехав-

¹ ГИЦ — Главный информационный центр МВД СССР.

шие в «Жигулях», наблюдали за трейлером Дегтярева еще с Москвы. Остановили в безлюдном месте. Убили водителя. Затем, если следовать логике, экипаж «Жигулей» должен был разделиться. Кто-то сел в кабину КамАЗа и увел его в неизвестном направлении. Опять же, следуя логике, это скорее всего были два молодых пассажира. Пожилой же водитель с именем-отчеством Игорь или Илья Кириллович и фамилией, начинающейся на С, вернулся в Москву на светло-серых «Жигулях». Возможно, организатором всей операции был именно этот пожилой водитель. Ключев же и Шитиков, теперь Рахманов был в этом абсолютно уверен, — исполнители. Хотя даже после опознания Козловым оба категорически отрицают, что могли каким-то образом оказаться 9 июля в Смоленском районе Смоленской области на перегоне Олыша — Велиж. По их новым показаниям, они всего лишь доехали до Смоленска. И хотя ясно, что новые показания Ключева и Шитикова, как и прежние, выдуманы от начала до конца, у Рахманова нет улик, способных их опровергнуть. Козлов мог лишь подтвердить, что видел Ключева и Шитикова в светло-серых «Жигулях» шестой модели, остановленных между Вязьмой и Смоленском, и только. Этого мало, чтобы Рахманов мог добиваться санкции на арест или на задержание. Единственное, что он сделал, — это взял с каждого подписку о невыезде. Сейчас же, в самолете, Рахманов в дополнение может еще утешиться воспоминанием о том, как вышел на Ключева. Вышел же на Ключева он лишь потому, что предположил: выследить машину, заставить водителя остановить ее и, главное, незаметно для ГАИ перегнать трейлер мог только профессионал. Такой же, как Дегтярев, водитель-дальнобойщик, знающий все тонкости работы на междугородных линиях. Так возник список, в который попали водители Мострансагентства, отсутствовавшие в Москве 9 июля по разным причинам или уволившиеся из Мострансагентства незадолго до этого срока. Первоначально в список вошли около ста фамилий. В конце концов, проведя проверочные допросы, Рахманов выделил восемь человек примерно тридцатилетнего возраста, в показаниях которых и в последующей их проверке усматривалось хоть какое-то несовпадение. В Москву был вызван инспектор Сафоновского районного ОГАИ Козлов, которому предложили заняться нелегкой работой — поэтапным опознанием каждого из восьмерки. Увидев двадцатидевятилетнего водителя пятого таксомоторного парка Москвы Ключева, ранее работавшего в Мострансагентстве, Козлов без тени сомнения заявил: именно этот человек сидел на заднем сиденье светло-серых «Жигулей». Поскольку ранее Ключев показал, что с 9 по 13 июля находился на больничном и из Москвы не выезжал, теперь, после опознания и очной ставки с Козловым, ему нужно было как-то объяснить встречу с инспектором ГАИ 9 июля на перегоне Вышегор — Анохово. И Ключев «вспомнил», что 9 июля ездил на толкучку в Смоленск на остановленной им утром на Можайском шоссе попутной машине — светло-серых «Жигулях» шестой модели. Водителя не знает, но может описать: пожилой человек, примерно лет пятидесяти, седой, загорелый. Водитель после коротких переговоров согласился подвезти Ключева до Смоленска за пятьдесят рублей. Номера машины Ключев не запомнил. В Смоленске, расплатившись с водителем, он вышел

и больше никогда этого человека не видел. В Москву вернулся на следующий день, на поезде. На вопрос, кто еще был в «Жигулях», кроме него и водителя, Ключев сначала ответил: никого. Потом, после сделанных на очной ставке показаний Козлова, опять «вспомнил»: на полпути к ним подсел случайный попутчик. Вышел попутчик перед самым Смоленском, кто он, Ключев не знает. И лишь потом, когда был «вычислен», вызван в прокуратуру и там опознан Козловым один из близких знакомых Ключева, ранее судимый Шитиков, показания снова изменились. Шитиков сначала тоже утверждал, что, взяв с 9 по 13 июля отгул на работе, в фирме «Заря», никуда из Москвы не отлучался. Но после очной ставки с Козловым, явно по предварительному сговору с Ключевым, заявил: 9 июля он ездил на толкучку в Смоленск вместе со своим приятелем Ключевым. В Москву вернулся с ним же сразу после толкучки, 10 июля, на поезде. Пожилого водителя, подвезшего их в Смоленск на светло-серых «Жигулях», видел в первый раз. Ключев полностью подтвердил показания Шитикова. Сбить с этих показаний ни того, ни другого Рахманов уже не мог, как ни старался.

Подлетая к Сухуми, Рахманов решил забыть на время о Ключеве и Шитикове, вернувшись к размышлениям о пожилом водителе «Жигулей» с номером, начинающимся на «я». Наверняка этот водитель мог бы им многое рассказать. Но поиски, предпринятые ГАИ, никаких результатов пока не давали. Загадочный Игорь — Илья Кириллович бесследно исчез вместе со своей светло-серой «шестеркой».

В Сухуми, сойдя с трапа, Рахманов увидел недалеко от самолета черную «Волгу». Рядом стояли старший следователь Прокуратуры РСФСР Саенко — третий, после Рахманова и Инчутина, участник следственной группы — и майор милиции Жильцов, старший оперуполномоченный ГУУР¹, приданный группе месяц назад для оказания посильной оперативной помощи. Саенко представил Рахманову сидевшего за рулем плотного черноусого здоровяка:

— Андрей Викторович, полковник Габелая. Начальник республиканского угрозыска. Заурбек Владимирович очень нам помог.

Пожав протянутую в окошко руку, Рахманов изучающе посмотрел на Саенко:

— «Очень помог» — значит, у вас что-то есть?

— Есть. Только, Андрей Викторович, может, сначала сядете в машину? И я все расскажу по дороге в гостиницу?

— Хорошо. — Усевшись рядом с Габелая, Рахманов подождал, пока «Волга» выйдет на трассу. — Так, Слава, что у вас есть?

— В трех сухумских магазинах накрыто около семи тысяч нераспроданных пачек «Шика». Объяснить толком, откуда получены лезвия, и подтвердить получение товара документами ни один из заведующих не смог.

— Интересно. Обыски проведены?

— Проведены. У всех троих обнаружены большие суммы денег. Одновременно по наметкам республиканского ОБХСС и угрозыска проведено еще несколько обысков. В результате за-

¹ ГУУР — Главное управление уголовного розыска МВД СССР.

держан некто Азизов, товаровед оптово-галантерейной базы. И экспедитор этой же базы Аракелян. Эти люди должны вас заинтересовать. В гараже Аракеляна обнаружено 380 нераспечатанных упаковок лезвий «Шик», по тысяче пачек в каждой упаковке. В доме Азизова крупные суммы денег, большая часть денег разделена на суммы от одной до пяти тысяч рублей, причем каждая такая часть завернута в бумагу и снабжена подписью. Среди этих подписей есть подписи заведующих магазинами, продававших неучтенный «Шик». Похоже, Азизов у них главный.

— Посмотрим. С новостями все?

— Ну, есть еще показания двух соседей Аракеляна, видевших, как в июле возле его гаража довольно долго стоял междугородный трейлер. Тоже ведь интересно?

— Материала, чтобы здесь задержаться, достаточно.

Помедлив, Рахманов подумал: сейчас самое время проверить, знает ли Аракелян о случившемся на шоссе Ольша — Велиж. И если не знает, он, Рахманов, просто обязан обратить внимание подследственного на легкомысленность его поведения. Сделав вид, что занят оформлением протокола, сказал, не поднимая глаз:

— Дереник Абелевич, насколько я понял, беря на себя вину и выгораживая Азизова, вы рассчитываете, что будете осуждены по статье за спекуляцию? Так?

— Гражданин следователь, о чем вы? Я никого не выгораживаю. Сам виноват, сам и отвечаю.

— Допустим. И все же, вы считаете, что ваши действия попадают под статью о спекуляции? С наказанием от двух до семи? Так ведь?

— Ну... вам лучше знать, сколько за это дают.

— Поэтому объясняю: деяние, вину за которое вы так настойчиво берете на себя, вовсе не спекуляция. Да и подлежит это деяние рассмотрению совсем по другим статьям.

— Даже «статьям»?

— Статьям. Потому что это две разные статьи. Первая — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Вторая — разбойное нападение, совершенное по сговору группой лиц. Наказание по первой — от восьми до пятнадцати. В сочетании же со второй возможна исключительная мера.

Аракелян усмехнулся:

— Гражданин следователь, по-моему, вы решили меня запугать. А?

— Ничуть. Наоборот, пытаюсь предостеречь от опрометчивых действий.

— Предостеречь от чего? Я ведь честно все рассказал. Мне предложили лезвия, я их купил. При чем здесь убийство? И разбойное нападение?

— При том, что они были совершены при угоне трейлера. Сообщаю об этом вполне официально.

— Мало ли где что было. Я к этому отношения не имею.

— Как сказать... С этим КамАЗом с полуприцепом «66—15 МШ» вы прочно связали себя собственными показаниями. Кроме того, теми же показаниями вы связали себя и с двумя во-

дителями. Именно с двумя, а не с одним. Улавливаете разницу?
— А мне все равно, сколько их было. Хоть два, хоть один. Разницы нет.

— Есть. Она в том, что трейлер, о котором вы сообщили на допросах, сначала вел один водитель. Потом водителя убили. И в трейлер сели двое и перегнали машину сюда, в Сухуми. Как видите, это отнюдь не одно и то же.

— Может быть. Но не я же его перегонял?

— Не вы. Но лезвия у этих водителей купили вы. По вашим же показаниям.

— Ну и что? Я же сказал: это вышло случайно.

— Якобы случайно. Дереник Абелевич, боюсь, в эту версию не поверит ни один здравомыслящий человек. Есть неоспоримые доказательства: совершенное преступление было тщательно продумано. Случайностей здесь быть не могло. Факты вещь упрямая.

— Какие еще факты?

— Простые. Говорящие о том, что вы соучастник убийства. И разбойного нападения на трейлер. Все, Дереник Абелевич, допрос окончен.

— Почему? Давайте все выясним.

— Выясним, но не сегодня. Подумайте. У вас есть время подумать и рассказать следствию правду.

Не дав Аракелянцу ответить, Рахманов нажал на кнопку. Дождался, пока конвоир уведет подследственного, и попросил пригласить на допрос Азизова.

Этот подследственный был более умным, более расчетливым и тонким в уловках, чем Аракелян. Рахманов не сомневался: инициатором и «мозговым центром» всей операции здесь, в Сухуми, был именно Азизов. Но, кажется, только здесь, в Сухуми. Сейчас Рахманов все больше и больше склонялся к выводу: Азизову не было смысла связываться с убийцами Дегтярева. «Ампула» людей типа Азизова, как правило, совсем другое. Азизов мог быть связан со спекуляцией в крупных размерах. С присвоением материальных ценностей. Наконец, с организацией «подпольного производства». Но только не с убийцами. Тем не менее вину на себя пожилой, больной сахарным диабетом Азизов брать не хотел... Узнав о подоплеке похищения лезвий «Шик», он вряд ли захочет брать чужую... Что ж, в любом случае пора словесных дуэлей с Азизовым прошла. Подумав об этом, Рахманов сказал:

— Роберт Арутюнович, у меня есть предложение. Давайте раскроем карты? И покажем друг другу козыри? Вы свои, я свои?

Азизов поднял глаза. В те редкие мгновения, когда Рахманов видел эти большие темные глаза, ему казалось: он видит всю скорбь мира.

— Гражданин следователь, какие карты? Нет у меня никаких карт. И козырей нет. К сожалению.

— Ну уж, не надо так приbedняться... Ладно, раз карт у вас нет, раскрою свои. Единственная просьба: какое-то время меня не перебивать. Хорошо?

— Хорошо. Я ведь вас никогда и не перебивал...

— Верно, не перебивали. Я изложу сейчас не то, что удалось или удастся доказать мне, следовательно по особо важным делам Рахманову. А то, что я обо всем этом думаю. Так сказать, без всяких доказательств. Итак, произошло следующее: какое-то время тому назад, кем-то — не знаю точно кем — была создана преступная группа. Не вами, но вы об этой группе знали.

— Гражданин следователь, о чем я знал? Какая еще группа?

— Роберт Арутюнович, вы же обещали не перебивать? Был такой уговор?

— Был... Но это же нечестно... Ни о какой преступной группе я не знал. Клянусь.

— Хорошо. Допустим, не знали. Но вот сейчас я говорю себе: го, что лезвия «Шик» шли в сухумскую торговую сеть через Азизова, ясно. Но был ли Азизов связан с убийством Дегтярева? Я, например, в этом не уверен. А вы?

— С каким убийством Дегтярева?

— Роберт Арутюнович, трейлер, который вышел из Москвы с лезвиями «Шик», вел водитель Дегтярев. В пути он был убит. Те, кто его убил, перегнали трейлер сюда, в Сухуми.

— Ну и что? Я-то здесь при чем?

— При том, что сбыт этих лезвий шел через вас. В вашем доме найдены крупные суммы денег, переданные вам теми, кто продавал лезвия через свои магазины, — Лакербая, Придонишвили, Асланиди. На бумаге, в которую завернуты деньги, — подписи этих людей.

— Я ведь уже говорил: эти люди отдали мне долг.

— Роберт Арутюнович, вы же умный человек. Убеждать следствие, что это долг, по меньшей мере наивно. Как показала экспертиза, купюры, которыми отдан «долг», совсем недавно были в обращении. Деньги, как говорится, свежие, «живые». И служат неоспоримым доказательством того, что, продавая через торговую сеть бритвы «Шик», Лакербая, Придонишвили и Асланиди работали на вас. Так что о лезвиях «Шик» вы знаете. Знаете и другое: вину за хранение и продажу лезвий по вашему наущению взял на себя ваш подручный Дереник Аракелян. Но вы уверены, что Аракелян будет твердо держаться своих показаний?

Азизов вздохнул и отвернулся. Выждав, Рахманов сказал:

— Я, например, в этом не уверен. Ведь рано или поздно Аракелян поймет: уговорив в случае «завала» брать вину на себя, вы просто-напросто подвели своего подручного под сто вторую статью. Убийство при отягчающих обстоятельствах.

— Никого ни под какую статью я не подводил.

— Подводили, подводили... Может быть, сами не зная, подводили. Допустим, Аракелян своих показаний не изменит. Даже под страхом исключительной меры наказания. Но ведь есть еще заведующие магазинами Лакербая, Придонишвили, Асланиди? Над ними ведь тоже висит сто вторая. Не слишком ли хрупка эта конструкция, Роберт Арутюнович? Ни один из тройки не захочет брать на себя так много. Зачем отвечать за то, чего не совершал? Так что рано или поздно продавцы покажут то, что было на самом деле. А именно: лезвия «Шик» они получали от вас. И выручку затем отдавали вам же, оставляя себе определенный процент. Вот только интересно, что скажете тогда вы?.. Ро-

берт Арутюнович, вы ведь знаете: к оценке вины и следствие, и суд подходят, исходя из поведения подсудимого.

Азизов не спеша потрогал щеточку усов.

— Знаю, гражданин следователь. Очень хорошо знаю. Только можно подумать?

— Пожалуйста. Но не очень долго, хорошо?

— Вот насчет этого не знаю. Я хочу подумать в камере.

Рахманов внимательно посмотрел на Азизова. Просьба прервать допрос могла быть хорошо рассчитанной уловкой. Азизов вполне мог надеяться, что ему удастся связаться с Аракеляном. Но, с другой стороны, Азизов ведь действительно должен о многом подумать.

На допрос Азизов попросился на следующее утро.

Войдя, сел на стул. Шумно вздохнул:

— Гражданин следователь, прошу учесть, я иду на полную откровенность. На полную.

— Прекрасно, Роберт Арутюнович. Говорите, я весь внимание.

— С чего же начать... Может быть, с Вадима Павловича?

Имя-отчество — Вадим Павлович — на допросах возникло впервые. Постаравшись скрыть естественный интерес, Рахманов сказал спокойно:

— Пожалуйста. Начинайте с чего хотите. С Вадима Павловича так с Вадима Павловича. Как давно вы его знаете?

Азизов поднял глаза к потолку, будто что-то прикидывая.

— С мая. Собственно, Вадим Павлович и начал историю с лезвиями. Он предложил мне большое количество лезвий. На выгодных условиях.

— Как понять — на выгодных?

— Так и понять. Себе он брал полтора рубля с пачки. Ну а остальные... рубль — отдавал мне.

— Действительно, условия выгодные. И сколько всего пачек он предложил?

— Сначала несколько. Потом... — Сказав это, Азизов устремил взгляд в окно. Усмехнулся: — Пятьсот тысяч. Как видите, гражданин следователь, я абсолютно откровенен.

— Иными словами, около ста тысяч пачек вы уже реализовали?

— Реализовал.

— Вадим Павлович объяснил, откуда возьмет лезвия?

— Нет. В таких делах это не главное.

— А что главное? Вообще откуда он, Вадим Павлович? Где живет, работает?

— Не знаю. Визитной карточки он мне не оставлял.

— Но ведь хоть что-то о Вадиме Павловиче вы должны знать? Например, какая у него внешность? Женат он или холост?

— Женат он или холост, честное слово, не знаю. Вообще-то он в возрасте, ему лет шестьдесят. Внешность могу описать, если это нужно. Но кто он, откуда — для меня полная тайна.

— Но если, как вы говорите, не знали этого человека раньше, как вы могли с ним иметь дело? Что-то здесь не складывается, Роберт Арутюнович.

Несколько секунд Азизов разглядывал стену.

— Почему не складывается... Прежде чем говорить о деле, Вадим Павлович... Как бы это сказать, отрекомендовался, что ли. Назвал знакомых, с которыми и он, и я имели дело.

— Вы можете назвать этих знакомых? Сколько их было?

— Допустим, одна. — Азизов потер подбородок. — Ладно, сама виновата. Это она втянула меня в эту историю. Навела на меня Вадима Павловича.

— Насколько я понял, вы имеете в виду какую-то женщину?

— Да. Есть такая Вера Новлянская. Слышали?

— Не слышал. Кто эта Вера Новлянская?

— Известная московская женщина. Деловая. Красивая. Как говорится, все при ней. Правда, я давно ее не видел. Года два. Но, думаю, она не изменилась.

— У вас... были какие-то отношения?

— Если вы имеете в виду любовные отношения — увы. Женщинами я перестал интересоваться лет десять назад. Не то здоровье. Вот деловые отношения с ней были. Не скрою.

— Деловые отношения — какие?

— Ну, допустим, она доставала мне дефицит.

— У нее есть доступ к дефициту?

— Раньше был. Одно время она была женой министра. Ну и сама временами работала. То в министерстве, то в главке.

В главке... Интересно, имела ли эта Новлянская отношение к Росгалантерее. Подумав об этом, Рахманов спросил:

— Вы могли бы назвать места ее работы?

— Все — нет. Знаю, она работала в Министерстве легкой промышленности. И в Минторге.

— То есть имела отношение к главку Росгалантерея?

— Конечно. Именно там она и работала. Одно время.

— Где эта Вера Новлянская работает сейчас, знаете?

— Понятия не имею. В принципе ей работать не нужно. Она ведь не нуждается.

— Значит, Вадим Павлович представился вам как знакомый Веры Новлянской?

— Точно. Причем не просто знакомый, а очень хороший знакомый. Ему известны детали, в которые обычных знакомых не посвящают.

— Понятно. Адрес Новлянской вы знаете?

— Адрес — нет. Знаю номер телефона, правда старый.

— Продиктуете? — Записав номер, Рахманов продолжил: — Роберт Арутюнович, может, расскажете, как все произошло? Как этот Вадим Павлович появился? С чего начал, что сказал? Насколько я понял, это произошло в мае?

— Совершенно верно. Если уж быть точным, 7 мая. Я сидел дома, вечером было дело. Ну и по телефону меня спрашивает мужской голос: «Роберт Арутюнович? Надо поговорить. Я к вам с приветом от Веры Новлянской». Я подумал, почему бы не поговорить, человек знает Веру Новлянскую. «Пожалуйста, — говорю, — я готов». — «Как вы смотрите на то, чтобы встретиться завтра в час дня в ресторане «Тбилиси»?» — говорит человек. «В «Тбилиси» так в «Тбилиси». Ну, описали друг друга, он представился Вадимом Павловичем. Встретились мы в час дня в ресторане «Тбилиси».

- Вы пошли один?
- Конечно. Почему я должен был пойти не один? Здесь, в Сухуми, я никого не боюсь. Да и в «Тбилиси» меня все знают. От метра до последнего официанта.
- Значит, вы встретились, и что дальше?
- Дальше я постарался приглядеться к этому Вадиму Павловичу. Кто он, чем дышит, что собою представляет. Какое производит впечатление.
- Как же он на вас произвел впечатление?
- Серьезное впечатление. Я только посмотрел на него, и все стало ясно.
- Вы хотите сказать, Вадим Павлович был судим?
- Не знаю, был ли он судим. Но что связан с зоной — это точно.
- Это можно определить по внешности?
- Да я один взгляд его увидел и все понял.
- Если Вадим Павлович был судим — это упростит розыск. Подумав об этом, Рахманов сказал:
- Тогда, может быть, опишите его? Скажем, какой у него рост? Комплекция? Черты лица?
- Н-ну... На первый взгляд он самый обычный. На вид лет шестьдесят. Полноватый. Рост чуть выше среднего. Лицо округлое, волос на голове мало. Те же, что есть, длинные, седые, зачесаны набок. Нос, как говорят, картошкой. Глаза серо-голубые, вроде все.
- Особые приметы есть? Родинки, родимые пятна? Шрамы?
- Родинки? Нет, родинок нет. Вот насчет шрамов... Есть небольшой рубец. Вот здесь. — Азизов провел большим пальцем по правой стороне шеи. — Под подбородком. Еле заметный.
- Как он был одет? Вообще, как он одевается?
- Да так... С виду скромно. Сколько я его видел, он был одет в одно и то же. Куртка, рубашка, брюки.
- Если можно, опишите подробнее: как он был одет в последний раз?
- В синюю куртку с металлическими пуговицами. Такими, знаете, вроде оловянных. Рубашка в черную мелкую клетку. Брюки серые, то ли из тонкой шерсти, то ли из плащовки. Туфли светло-коричневые... Все такое... как бы сказать... Уже ношенное.
- Понятно. Вадим Павлович сразу заговорил о лезвиях?
- Не сразу. В первый день он вообще ничего о лезвиях не говорил. Просто сказал, что есть крупное дело. Ну и «пощупали» мы друг друга. Тут я и понял, что он очень хорошо знает Веру. Он был посвящен во все наши контакты. Предыдущие.
- Острый дефицит? Вы это имеете в виду?
- Да, в том числе и это. Короче, я понял: слов на ветер этот человек не бросает. Верить ему можно. Договорились встретиться дней через десять для конкретного разговора. Ну и за эту неделю я узнал: Вадим Павлович сам решил меня проверить.
- Вас? Каким образом?
- Простым. Есть у нас в Сухуми такой Люка... Ларион Рогова. Недавно вышел. За что он сидел последний раз — не знаю. По-моему, что-то связанное с машинами. Короче, мне передали: Вадим Павлович приходил к Люке за информацией, кто я та-

кой, насколько кредитоспособен. Вообще, можно ли мне доверять.

— Интересно. Люка сам вам об этом сказал?

— Сам. Хотя сначала наложил полные штаны. Испугался Вадима Павловича. Но и со мной не хотел портить отношения. Короче, связался с Дереником. В смысле — с Аракеляном. А Дереник уже рассказал мне.

— Вы считаете, Люка знает Вадима Павловича, если так испугался?

— Люка объяснил, что самого Вадима Павловича он не знает. Но по разговору Вадим Павлович — деловой из деловых. Во всяком случае, знает всех Люкиных дружков. В зоне и на свободе.

— Что же сказал Люка Вадиму Павловичу? О вас?

— Сказал, кто я есть. Другого он сказать и не мог...

— То есть информация Вадима Павловича удовлетворила?

— Наверное. Потому что через десять дней мы снова встретились. Там же, в ресторане «Тбилиси». Ну и договорились конкретно. О лезвиях.

— В чем состоял договор?

— В том, что его люди привезут мне лезвия. Когда — он уточнит по телефону. По телефону же он уточнит и количество «товара». Чтобы я знал, сколько готовить денег. Кроме того, мы обговорили некоторые детали.

— Какие?

— Место встречи. Как мои ребята узнают его ребят, Как будет производиться расчет.

— Как же все должно было делаться?

— Очень просто. После звонка Вадима Павловича я должен был ждать его здесь, в Сухуми, по условному адресу. Если вас интересует — Батумская, 18. Фамилия хозяина — Самвелян. После появления Вадима Павловича нам остается ждать, когда подъедет машина с лезвиями. Седьмого июля Вадим Павлович позвонил по междугородной и сказал, что лезвия прибудут в Сухуми десятого. Сам он приедет в Сухуми десятого днем. Имея водителей и номер машины сообщит, когда приедет. Десятого днем Вадим Павлович приехал на Батумскую. Сказал: «КамАЗ с полуприцепом подъедет сегодня вечером, если, конечно, ничего не случится в пути. Водителей зовут Юра и Женя». Мы стали ждать. Около семи позвонил Дереник и сказал: «На условном месте остановился трейлер с московским номером. В кабине два человека, им около тридцати лет. Один блондин с длинными волосами, второй с короткими темными волосами и залысинами».

Интересно, подумал Рахманов. По описанию это Ключев и Шитиков. Но Ключева зовут Виктор, а Шитикова — Николай.

— А что было дальше?

— Вадим Павлович попросил назвать номер машины. Дереник назвал. Ну и все сошлось.

— Сами-то вы помните этот номер?

— Помню. Полуприцеп номер шестьдесят шесть — пятьдесят. Сходится?

— Сходится. Что было дальше?

— Как только «товар» был принят, Дереник отнес водителям

пятьдесят тысяч. И два билета. Они переночевали в гостинице «Тбилиси». И уехали в Москву утренним поездом.

— А трейлер?

— Трейлер... — Азизов усмехнулся. — Трейлер разобрали и выбросили на свалку.

— На свалку?

— Да. Есть тут у нас за городом свалка металлолома.

Допрос можно заканчивать, подумал Рахманов. Все показания Азизова еще предстоит проверить. Но, похоже, подследственному не имело смысла что-то скрывать. Просмотрев протокол допроса и подождав, пока Азизов поставит подпись, произнес:

— Роберт Арутюнович, вы обещали показать, где находится свалка. Готовы поехать прямо сейчас?

— Пожалуйста. Готов.

— Отлично. Тогда выезжаем через десять минут.

Вызвав конвоира, Рахманов попросил его подождать вместе с Азизовым в коридоре. Набрал по коду Москву. Услышав голос Инчутина, сказал:

— Леша, привет. Это Рахманов. У меня мало времени, поэтому давай коротко. Как дела? Что-нибудь новое есть?

— Ну по мелочам есть кое-что. Но если вы насчет Росгалантерей, там все глухо. По-прежнему.

— Ясно. Возьми ручку, карандаш и записывай. Записываешь?

— Записываю.

— Новлянская Вера. Была женой министра. Работала в Министерстве легкой промышленности и в Минторге. В частности, в Росгалантерее. Богатая и известная в Москве женщина. Возраст неопределенный. Как говорится, средних лет. Запиши телефон... Определись с этой Новлянской. Выясни, кто такая, где живет, кем работает и где находится в настоящее время. И вот что: отправь сейчас с нарочным вызовы на завтра Ключеву и Шитикову. Ключеву — на четырнадцать, Шитикову — на шестнадцать. Если ничего не случится, мы прилетим завтра утром. Причем с конвоем. Так что подготовь встречу. Все понял?

— Все. Не волнуйтесь, Андрей Викторович, все выполню.

— До встречи. К концу дня я еще позвоню.

Освещенная ярким полуденным солнцем свалка была забита отслужившими свое металлом, пластиком и тряпьем.

Попросив понятых быть наготове, Рахманов дал знак Жильцову, Саенко, инспектору ГАИ и эксперту спускаться вслед за ним. Путь до места занял примерно столько же, сколько проезд от города до свалки; из-за боязни зацепиться за торчащие отовсюду ржавые прутья и листы жести спускаться приходилось чуть ли не на ощупь. Все же все они добрались до перевернутого трейлера, ухитрившись при этом сохранить костюмы в целости.

Остановившись, Рахманов увидел: место на заднем борту, где обычно пишется номер, тщательно замазано белой нитрокраской. Саенко постучал по борту:

— Если скрести, работы часа на два.

Весь процесс осмотра трейлера был сфотографирован, занесен в протокол и заверен подписями понятых.

Выбравшись наверх, Рахманов подумал: если Ключев и Шитиков будут опознаны Аракеляном и Азизовым — а в этом он теперь был уверен, — выявление исполнителей можно считать делом решенным. Но где искать главного организатора преступления, он так и не знает.

По дороге в город Рахманов попросил завезти его в республиканское МВД. Ему нужно было срочно поговорить с важными свидетелями: Люкой и двумя проводниками вагона СВ поезда Сухуми—Москва, на который сел или мог сесть вечером 10 июля Вадим Павлович.

Габелая, в кабинете которого сидел Рахманов, тяжело вздохнул:

— Люка. Он же Ларион Рогава. Что вам про него сказать... Известен, как кидала¹. Балуется машинами. В ноябре прошлого года освобожден по амнистии, отсидел пару лет по сто пятьдесят третьей². Сейчас как будто поутих. Но вообще парнишка прибалтенный. Как говорят, набушмаченный.

— Какие у вас с ним отношения?

— Люку я хорошо знаю. Он меня, впрочем, тоже. Вызывать его повесткой бессмысленно — не придет. Или вообще уедет из Сухуми. Ищи потом его, свищи... Приводом тоже нежелательно. Если Люка обидится, ничего не скажет.

— Что же остается?

— Звонить по всем возможным телефонам. Если застану, постараюсь уговорить. Важно, чтобы он не очень испугался.

Габелая снял трубку городского телефона. Начал методично набирать номера. Похоже, полковник в самом деле хорошо знал места, где можно найти Рогаву. После нескольких безуспешных попыток выяснить, где сейчас Люка, товарищ Рогава, Ларион или Ларион Гизоевич, и, наконец, услышав очередной отзыв, Габелая вдруг сказал заговорщицки:

— Люка, никак ты? Угадай, генацвале... Голос знакомый? Знакомый, знакомый. Габелая беспокоит. Помнишь такого? Точно, Заурбек Владимирович. Бандер, бандер³, все правильно. Да нет, батона Ларион, ничего не случилось. Послушай, какая академия⁴? Сейчас объясню, зачем звоню. Надо встретиться. Для короткого разговора. Совсем короткого. Объяснить не могу. Знаю, не привык к нам приходить. Если хочешь, можем встретиться где-нибудь в городе. Но пойми сам: еще неизвестно, где мы спокойней поговорим — в городе или у меня. В городе нас могут увидеть. А здесь — скажешь, вызывали. Нет, на завтра нельзя. Только учти, Люка, об этом тебя прошу я, Заурбек Габелая. Да никто на тебя не гонит шары⁵. Честное слово. Максимум минут на двадцать. Второй этаж, седьмая комната. Скажешь, ко мне, тебя пропустят. Минут через сорок? Хорошо, до-

¹ Кидала (жарг.) — мошенник. Как правило, кидалами называют тех, кто специализируется на перепродаже автомашин.

² Ст. 153 УК Груз. ССР — «Мошенничество».

³ Бандер (жарг.) — начальник угрозыска.

⁴ Академия (жарг.) — тюрьма.

⁵ Гнать шары (жарг.) — подбирать обвинительный материал.

говорились. Жду. — Габелая положил трубку. — Думаю, придет. Ссориться со мной ему невыгодно. — Услышав гудок селектора, нажал кнопку: — Да?

Голос секретарши сказал:

— Заурбек Владимирович, проводник здесь.

— Пусть заходит. Мы ждем.

Первые ответы проводника сводились примерно к следующему: он, Шарабидзе Родин, действительно вышел на работу вечером 10 июля. Вместе с напарником Майсуром Челия они должны были обслуживать рейс Сухуми—Москва. Никаких особых происшествий в рейсе не было. В Москву прибыли, опоздав всего на двадцать — двадцать пять минут, точно он не помнит. Наконец Рахманов задал вопрос по интересующей его теме:

— Десятого июля в ваш вагон должен был сесть мужчина лет шестидесяти, одетый в синюю куртку с металлическими пуговицами и серые брюки. Пассажир с черным чемоданом. Вы помните этого пассажира?

— Очень хорошо помню. Он ехал в купе один. Поэтому я его и запомнил.

— Он объяснил, почему один занимает целое купе?

— Объяснил. Сказал, он человек больной и пожилой. Поэтому специально взял два билета, чтобы его никто не беспокоил.

— Его действительно никто не беспокоил? Не подсаживался? Или, может, кто-то вызывал в коридор?

— Насколько я помню, нет. Пассажир почти все время сидел в купе. Вечером десятого я подал ему чай. Одиннадцатого днем Челия, мой напарник, по просьбе пассажира сходил в ресторан за едой. Вечером одиннадцатого и утром двенадцатого я снова подал ему в купе чай. Все. Больше мы его не беспокоили.

— В Москве этого пассажира кто-нибудь встречал?

— Никто. Я никого не видел. Он вышел, и все.

— С чемоданом? Тем же самым?

— Да, с чемоданом. Тем же самым.

— В пути этот пассажир разговаривал с вами или с напарником?

— Нет.

— Пожалуйста, опишите внешность этого пассажира. Волосы, глаза, нос, рот, подбородок. Какого он роста, какой комплекции.

— Волосы седые, редкие. Зачесаны набок, чтобы прикрыть лысину. Глаза голубые. Нос такой, если можно так сказать, бугристый. Рот и подбородок вроде обычные. Рост — выше среднего. Вообще, солидный такой человек. Внушительный.

— Особые приметы? Родинки, родимые пятна? Шрамы, рубцы?

— Особые приметы? — Шарабидзе задумался. — Нет, родинок у него не было. А вот шрамы... По-моему, вот здесь, под подбородком, у него был рубец. Такой, чуть заметный. Розоватый.

— С какой стороны был этот рубец? С правой? С левой?

— Сейчас. Он сидел по ходу поезда... Рубец был с ближней стороны. Значит, с правой. Да, с правой.

Это показание Шарабидзе было важно, потому что подтверждало показание Азизова. Задав еще несколько вопросов, Рахманов понял: ничего ценного проводник ему больше не скажет. Прочитав протокол и подтвердив свои показания подписью, Ша-

рабидзе ушел. Почти тут же секретарша сообщила о появлении Люки.

Внешне Ларион Рогава был типичным хозяином жизни: высокий, голубоглазый, с ежиком русских волос, одетый в обтягивающий мускулистый торс тонкий серый свитер и модные брюки.

Войдя, Люка прежде всего настороженно посмотрел на Рахманова. Спросил, крутанув брелок с ключами:

— Заурбек Владимирович, я что, помешал? Вы заняты?

— Нет, нет. Давай, Ларион, проходи. Вообще, будь как дома. Вот стул, садись. Чаю хочешь? — Нажал кнопку селектора: — Калбатону Этери, дайте нам чайничек. И три стаканчика.

— Насчет чая спасибо, Заурбек Владимирович, — Люка сел на стул. — Не хочу. Вы сказали, есть короткий разговор. С вами? Или с товарищем?

— Со мной и с товарищем. Кстати, познакомься: Андрей Викторович Рахманов. Следовательно по особо важным делам. Из Москвы.

— Чем это я мог заинтересовать следователя по особо важным делам? Да еще из Москвы?

— Ничем. Просто нам нужно выяснить пустяковую деталь.

— Что ж, слушаю про пустяковую деталь.

— О том, что ты нам скажешь, никто не узнает.

— Что же вам нужно выяснить? От меня, бедного?

— Пустяки. Масть¹. Масть человека, который летом наводил у тебя справки об Азизове.

Люка покачал головой:

— Не пойму, Заурбек Владимирович, о чем вы? Какая масть, какой человек? Простите, но никто никаких справок у меня не наводил. Тем более об Азизове.

— Вот что, Люка... — Габелая подождал, пока поставившая на стол поднос с чаем секретарша уйдет. Взял свой стакан, отхлебнул. — Как ты думаешь, откуда мы знаем про этого человека? И про то, что он наводил у тебя справки об Азизове?

— Заурбек Владимирович, я вообще не знаю, о чем вы говорите.

— Решил отпираться. Боишься?

Взяв стакан, Люка посмотрел чай на свет.

— Ну а вот так, честно, вы сами бы не боялись? Ведь за это, знаете, что бывает? — пригубив, Люка поставил стакан.

— За что «за это»?

— Ясно, за что. За заклад². Мы же не дети.

— Верно, не дети. Но ведь ты сам не знаешь, кто к тебе приходил, чтобы узнать об Азизове?

Люка хмыкнул:

— Знаю, не знаю — мое дело.

— Может, это просто был черт³, который взял тебя на гецилло⁴?

— Ничего себе черт!

¹ Масть (жарг.) — специализация преступника.

² Заклад (жарг.) — выдача.

³ Черт (жарг.) — в данном случае человек, не относящийся к преступному миру.

⁴ Взять на гецилло (жарг.) — взять на мушку.

— Значит, не черт? Ну тогда ты ведь его уже заложил. Раз все рассказал Азизову.

Скривившись, Люка сделал вид, что изучает что-то в окне. Сказал, не поворачиваясь:

— Кто докажет?

— Доказывать не нужно. У нас есть протокол показаний Азизова. Хочешь почитать? — Поскольку Люка не ответил, Габеля добавил: — Точнее, ты рассказал об этом не Азизову, а Деренику Аракеляну. Чтобы тот передал Азизову. Ты ведь не хотел ссориться с Робертом Арутюновичем Правильно?

— Ладно. — Покрутив брелок, Люка спрятал его в карман. — Ладно, Заурбек Владимирович, ваша взяла. Спрашивайте.

— Спросим. Только зря ты насчет «ваша взяла». Что он к тебе-то пошел? Он же гопник¹. Разгонщик² стопроцентный. Должен же он в масть разбираться? А, Люка? Тем более просить близец³ на Азизова? На своего же? И у кого, у тебя?

— Заурбек Владимирович, я же сказал: спрашивайте.

— Сейчас. Только спрашивать будет Андрей Викторович. Не возражаешь?

— Мне без разницы. Пусть спрашивает.

— Когда это было? — спросил Рахманов.

— Где-то в середине мая. После праздников.

— Как этот человек вышел на вас?

— Очень просто. Утром... Да, утром, часов в одиннадцать, подхожу я к своей тачке. А он уже тут, около дома, на скамейке. Я на него внимания сначала не обратил, мало ли кто может сидеть. Сел в тачку. Смотрю он подходит.

— Вы сказали: «мало ли кто может сидеть». То есть вы этого человека не узнали?

— Да я вообще его не знал. В первый раз увидел.

— Опишите, как он выглядел.

— Немолодой. Лет под шестьдесят. Волос почти нет. Остатки набок зачесаны. Беки⁴ светлые. Нос не большой, не маленький, Такой — кругляшкой. Губы тонкие. Подбородок обычный.

— Во что он был одет?

— Одет... Значит, на нем была куртка. Такая синяя — «прошай, молодость». С алюминиевыми пуговицами. Мосшвейпром. И брюки серые, по-моему. Да, серые. Светлая рубашка то ли в полоску, то ли в клеточку. Ну и туфли. Все брон-ю⁵.

— Вы заметили какие-нибудь особые приметы? Родинки? Шрамы?

— Наколок у него нет. Родинок тоже. Шрамы... — Рогава прищурил один глаз. — Вот здесь. — Провел ладонью по правой стороне шен. — То ли пописали⁶ его когда, след слабый остался. Я ведь сидел в тачке. Ну и заметил.

¹ Гопник (жарг.) — преступник, занимающийся вооруженным разбоем. В том числе и убийствами.

² Разгонщик (жарг.) — то же самое, что гопник, а также рэкетир.

³ Близец (жарг.) — наводка.

⁴ Беки (жарг.) — глаза.

⁵ Брон-ю — у спекулянтов вещь не первой свежести.

⁶ Пописать (жарг.) — нанести ранение бритвой.

— Значит, этот человек подошел, когда вы сели в машину?
— Да. Подгреб, остановился. Ну и так, с подначкой: «Люка, привет. Как жизнь?» Я сначала не врубился. Смотрю на него: что за лох? Нормально, говорю, жизнь, только вот чем обязан? Ну а он: «Привет тебе от Додона».

— Додон — это кто? — спросил Рахманов.

— Додон? Мой ближайший кореш. Самый ближайший.

— Додон, он же Гела Алексидзе, — пояснил Габелая. — В настоящее время находится в Кулунде. В ИТК строгого режима. Все по той же сто пятьдесят третьей.

— Значит, этот человек сказал, что знает вашего друга, — напомнил Рахманов. — Дальше?

— Я спросил его кое-что про Додона.

— Что именно?

— Ну... ничего особенного. Кто он есть? Какая у Додона масть? Как выглядит? Где сейчас?

— Не спрашивал, где они познакомились?

— Спрашивал. Ну а он: мы с детства знакомы. Вы же знаете, деловые об этом никогда не говорят.

— Понятно. Ну а на остальные вопросы он ответил?

— Ответил. Причем все «в лист». Так, будто они братья. Ну и... я уже думать стал: откуда он знает Додона? И вообще, кто он. Он же... смотрит на меня с улыбочкой. Я, говорит, могу еще пару приветов передать. Только, может, разрешишь сесть рядом? Я прикинул: по виду и разговору вроде деловой. Пожалуйста, говорю, садитесь. Он сел, ну и я сразу просек, что — куда. Понял, кто это и как вести с ним толковищу¹.

— Что же вы поняли?

— Понял, что это зычара². Блатняк³, каких в зоне раз-два — и обчелся. Он все знает, вы поняли? Все — от и до. У меня сразу язык отсох. И очко заработало⁴.

— Почему? — спросил Габелая.

— Да потому, что кто его знает, что он сделает. Вынет волюну⁵ — и все. Прощай, мои семнадцать лет...

— Он как-нибудь назвал себя? — спросил Рахманов.

— Назвал. Говорит: знать тебе меня не нужно, главное — я тебя знаю. Для разговора называй «Вадим Павлович». Сейчас же — довези до аэропорта. Я, конечно, повез, куда деться. Ну и в пути он спрашивает: знаю ли я Азизова? Мне деться некуда, ведь не скажу же я — не знаю. Ну а он начал: что, куда, почему? Что за человек, есть ли бабки, не связан ли с конторой⁶. Конечно, я особо не раскалывался. Но в общем объяснил. Да тут и объяснять нечего. Азизова все знают. Крутизна⁷.

— Раньше вы никогда не слышали этого имени — Вадим

¹ Вести толковищу (жарг.) — выяснять отношения, разговаривать.

² Зычара (жарг.) — человек, пользующийся воровским авторитетом.

³ Блатняк — имеет то же значение, что зычара.

⁴ Очко заработало (жарг.) — испугался.

⁵ Волюна (жарг.) — пистолет.

⁶ Не связан с конторой — может ли сообщить в милицию.

⁷ Крутизна — богатый человек.

Павлович? Скажем, от того же Алексидзе? Еще от кого-нибудь?

— Никогда.

— Этот человек интересовался еще чем-нибудь, кроме Азизова?

— Больше ничем.

— К какому именно месту в аэропорту вы его подвезли?

— К площади. Там, где стоянка такси.

— Что Вадим Павлович сделал дальше? После того, как вы подъехали?

— Как что? Вышел. Стал ждать, пока я уеду.

— У Вадима Павловича был какой-нибудь багаж? Чемодан, сумка? Что-нибудь еще?

— Когда он садился в тачку, нет.

— Больше он к вам не обращался? После этого случая?

— Нет.

— Сами вы пытались выяснить, кто это был? Скажем, у Алексидзе.

— Как я это выясню, если Додон в зоне? Сами понимаете, писать Додону об этом я не буду.

— А у других не интересовались?

Помедлив, Люка снова достал брелок с ключами.

— Да нет. Спрашивать у других — пустой номер.

— Вы сказали, это произошло в середине мая? После праздников? То есть после девятого?

— Да. После девятого. Кажется, это было одиннадцатого.

— Все же попробуйте вспомнить, когда это было точно? Может быть, не одиннадцатого, а десятого? Или двенадцатого?

— Десятого — нет. Двенадцатого, может быть.

— А тринадцатого?

— Тринадцатого. Да нет, тринадцатого тоже исключено. Все же скорее одиннадцатого или двенадцатого.

— Какой это был день? Будний или выходной?

— По-моему, будний... Да, точно будний. — Вздохнул: — Гражданин следовательно, если нет больше вопросов, может, я пойду?

Рахманов прикинул: мог ли Люка что-то утаить? Похоже, нет. Из слов Люки следует, что, выяснив все об Азизове, Вадим Павлович в тот же день улетел из Сухуми на самолете. Конечно, поездка с Люкой в аэропорт могла быть отвлекающим моментом. Люди вроде Вадима Павловича стараются избегать услуг Аэрофлота. Но если Вадим Павлович все же рискнул сесть на самолет, в документах Сухумского аэропорта вполне могут остаться его следы. Немаловажно также, что Люка упомянул о Додоне — Алексидзе, который наверняка знает о Вадиме Павловиче больше, чем сам Люка. Да и описание внешности Вадима Павловича, изложенное Люкой, полностью подтверждается показаниями Азизова и Шарабидзе. Прикинув все это, Рахманов сказал:

— Лично у меня вопросов больше нет. Может, у Заурбека Владимировича?

Габелая покачал головой:

— У меня тоже. Спасибо, Ларион.

После разговора с Люкой Рахманов попросил Жильцова срочно вылететь на Алтай, чтобы узнать у отбывающего наказание

в ИТК Алексидзе хоть что-то о Вадиме Павловиче. В аэропорт поехали все трое. Жильцов улетел, Рахманов же вместе с Саенко занялся изучением списков вылетающих из Сухумского аэропорта 11 и 12 мая. Увы, искали они тщетно. Выявленные в списках Вадимы Павловичи к человеку, разговаривавшему с Люкой, не имели никакого отношения, это было установлено с документальной точностью. С такой же точностью было установлено, что 11 и 12 мая никто не вылетал из Сухумского аэропорта по фальшивым или чужим документам. Значит, паспорт у Вадима Павловича оформлен по всем правилам, но имя-отчество, вписанное в паспорт, звучит по-другому. Либо 11 или 12 мая человек, интересовавшийся Азизовым, выехал из Сухуми каким-то другим транспортом.

Вечером Рахманов позвонил Инчутину, подтвердив, что завтра они вылетают в Москву вместе с арестованными Азизовым и Аракеляном. Инчутин, в свою очередь, сообщил: личность Веры Николаевны Новлянской им установлена. Все предварительные данные, сообщенные Рахмановым о Новлянской, в основном подтвердились. Сама Новлянская находится сейчас в Москве и, насколько известно Инчутину, уезжать никуда не собирается.

Из Сухуми самолет вылетел в 8.30 утра. Поскольку Азизова и Аракеляна сопровождали милиционеры в штатском, Рахманов и Саенко поднялись вместе с ними в самолет заранее, минут за двадцать до посадки. В салоне, дожидаясь, пока арестованные и конвоиры займут места у иллюминаторов, Рахманов и Саенко сели с края, и Рахманов тут же перевел часы с девяти местного на восемь московского. Если полет пройдет нормально, в 14.00 они проведут опознание Ключева, в 16.00 — Шитикова. В том, что Азизов и Аракелян опознают и того, и другого, Рахманов не сомневался, да и вообще, сейчас он мечтал лишь об одном: добыть хоть какие-то сведения о главном преступнике — Вадиме Павловиче. Судя по всему, это опытный рецидивист, так называемый «вор в законе», скрывающийся под безобидной внешностью. Проверка в аэропорту показала: Вадиму Павловичу удалось обзавестись безукоризненно оформленными документами. Алексидзе почти наверняка из-за вполне естественного страха за свою жизнь будет молчать. Более реально надежда, что о Вадиме Павловиче что-то расскажет Новлянская.

В Домодедове им пришлось выходить из самолета последними. Небо было затянуто сплошной светло-серой пеленой, моросил мелкий дождь. Группу встретили две подъехавшие прямо к трапу самолета машины, зеленый «уазик» ГУВД и черная «Волга» прокуратуры. Подождая, пока Азизов, Аракелян и конвоиры сядут в «уазик», Рахманов подошел к «Волге». Инчутин открыл дверь:

— Здравствуйте, Андрей Викторович. Слава, привет. — Обменялся с прилетевшими рукопожатиями. — К сожалению, Ключев и Шитиков уже вызваны.

— Почему «к сожалению»? — спросил Саенко.

— Потому что так бы я сразу отвез вас домой, к семьям. Как там южное солнце?

— Ничего южное солнце. — Усевшись, Саенко шутливо обнял

Иичутина: — Леха, о чем ты? Зачем нам домой, наш родной дом — прокуратура.

Когда «Волга» выехала на Каширское шоссе, сидевший рядом с водителем Рахманов обернулся:

— Леша, давай новости. Пока есть время.

— Самая последняя новость: утром звонил Жильцов из Барнаула. Сказал, сегодня вылетает в Москву.

— Не объяснил, как слетал?

— Он звонил из аэропорта. Ну и... разговаривали без подробностей. Сами понимаете.

— Ясно. Что еще?

— Помните историю с контрамаркой? Ленком? Выписанной на имя некоего Лотарева?

— Помню. Выяснил, кто этот Лотарев?

— Выяснил. Лотарев Сергей Леонидович. Москвич, двадцать семь лет. Художник, окончил Суриковский институт. Член группы художников. Холост, живет один в однокомнатной квартире.

— Лицо свободной профессии?

— Совершенно верно. И знаете, что самое интересное? У этого Лотарева есть машина. Светло-серые «Жигули» шестой модели.

— Ого!

— Причем у машины, которую остановил Козлов, с этой машиной не совпадают только цифры номера.

— Как же тебе удалось вычислить этого Лотарева?

— Как только театр собрался, администратор по моей просьбе опросил труппу и выяснил: контрамарку заказывал знакомый Лотарева — Ширяев. Художник-декоратор театра.

— Как у Лотарева отношения с законом?

— Внешне все в порядке. Судим не был, в поле зрения милиции не попадал. А там не знаю.

— Вызывал его?

— Нет. Я вообще пока ничего не предпринимал до вашего приезда. Правильно?

— Правильно. Но путь здесь только один: надо срочно вызвать этого Лотарева к нам. Обычной повесткой.

— Значит, вызовем. Ну а Новлянская? Кого вызываем раньше, ее на завтра? Ее или Лотарева?

— Не имеет значения. Мы же не знаем, знакомы они или нет. Вызови Новлянскую на первую половину дня, Лотарева — на вторую.

Без пяти два Рахманов занял место в своем кабинете. В пять минут третьего в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Рахманов.

В дверь заглянул Ключев:

— Гражданин следователь, я правильно явился? — Судя по беглому взгляду вошедшего, вызов в прокуратуру его не обеспокоил. — Мне тут повестка пришла. Можно?

— Можно. Проходите, Ключев. Садитесь.

Прикрыв за собой дверь, Ключев огляделся. Придвинул стул, сел. Первым Ключев был вызван умышленно, фактор неожиданности мог подействовать на него скорее, чем на более опытного

Шитикова. Но сработать этот фактор мог лишь при одном условии: если оба не знают о поездке следственной группы в Сухуми. Сделав вид, что поправляет разложенные на столе бумаги, Рахманов спросил:

— Вы готовы к опознанию?

Похоже, Ключев ждал обычного рутинного допроса. Вопрос об опознании явно застал его врасплох. Несколько секунд он медлил с ответом. Наконец, будто что-то решив, бросил небрежно:

— Пожалуйста. Мне все равно.

Рахманов набрал номер подготовленной для опознания комнаты, продолжая незаметно наблюдать за Ключевым. Было видно: тот напряженно вслушивается. Услышав Саенко, Рахманов нарочито бесстрастным голосом предупредил, что сейчас он зайдет вместе с опознаваемым. Положил трубку. Похоже, Ключев в самом деле не знает, кто будет участвовать в опознании. Но раз Ключев ничего об этом не знает, значит, он не знает и о поездке в Сухуми.

Пригласив Ключева пройти в соседнюю комнату, Рахманов напомнил, что среди участвующих в опознании Ключев может встать на любое место по своему усмотрению.

В комнате находились Саенко, Инчутин, понятые и «подставные». Войдя в комнату вместе с Ключевым, Рахманов попросил двух «подставных», блондинов примерно тридцатилетнего возраста, встать к стене. Предложил Ключеву занять место рядом. По знаку Рахманова Саенко выглянул в коридор и пригласил в кабинет Аракеляна. Тот остановился у двери. По предварительной договоренности конвоир в кабинет не вошел. Таким образом, Ключеву при виде Аракеляна оставалось лишь гадать: на свободе тот или арестован? Похоже, появление Аракеляна на Ключева подействовало, хотя он продолжал с легким прищуром разглядывать противоположную стену. Рахманов сказал, обращаясь к вошедшему:

— Вам предъявляются для опознания три человека. Не торопитесь, посмотрите внимательно. Время есть. Скажите, знаете ли вы кого-то из этих людей?

Аракелян подошел к выстроившейся у стены тройке. Помедлив, показал на Ключева:

— Вот... — Спокойно выдержал долгий взгляд. — Этого человека я знаю.

— Вы не ошибаетесь? — спросил Рахманов.

— Нет.

— Когда, где и при каких обстоятельствах вы его видели?

— Девятого июля. В Сухуми.

— Когда именно девятого июля? Днем, вечером?

— Вечером. Часов в семь.

— Вы заранее условились об этой встрече?

— Нет. Мне сказали встретить, я встретил.

— Зачем встретить?

— Эти ребята привезли на трейлере товар. Лезвия «Шик», пятьсот упаковок. Я сел к ним в кабину и показал, где сгружать.

— То есть в кабине этот человек был не один?

— Точно, не один. Их было двое.

— Они были знакомы?
— Судя по разговору, знакомы.
— Имена их вы знаете?
— Они сказали, что их зовут Юра и Женя.
— Как назвался человек, стоящий сейчас перед вами?
— Он никак не назвался. Но я понял, что его зовут Женя.
— Знаете, как его фамилия?
— Не знаю. Я не интересовался.
— Что было после того, как вы выгрузили лезвия?
— Ничего. Я им дал деньги, и они уехали.
— Сколько денег вы им дали?
— Пятьдесят тысяч. По двадцать пять на брата.
— Кроме этой, у вас были еще встречи? С человеком, стоящим перед вами?
— Нет. Я видел его только раз. Тогда.
— Опишите внешние признаки, по которым вы опознали этого человека.

Аракелян потер ладонью щеку. Пожал плечами:

— Да узнал я его. Вот и все. Лицо у него то же самое. Глаза, волосы. Сам из себя он тот же. Что еще надо?

— Может быть, вспомните какие-то особые приметы? В чертах лица? В сложении? В других внешних признаках?

— Особые приметы... — Аракелян довольно долго молчал. — По-моему, наколка у него была на руке.

— Наколка, то есть татуировка?

— Да. Татуировка.

Рахманов посмотрел на Ключева, обе его руки были опущены.

— На какой руке была татуировка?

— Не помню. И что наколото было, не помню. Помню только место. Вот здесь. — Подняв руку, тронул место между большим и указательным пальцами. Рахманов сказал, обращаясь к Ключеву:

— Пожалуйста, поднимите руки.

Усмехнувшись, Ключев медленно поднял руки. Между большим и указательным пальцами левой руки была татуировка: чайка, летящая под солнечным полукругом. Рахманов спросил у Аракеляна:

— Та самая татуировка?

— Да. Узнал я эту наколку. Чайка на солнышке.

— Ясно. Вы свободны.

Подождав, пока Аракелян выйдет, Рахманов вместе с понятыми подписал протокол предъявления для опознания. Затем Саенко пригласил в комнату Азизова. Азизов тоже опознал Ключева. Подписав второй протокол, Рахманов вместе с Ключевым вернулся в свой кабинет. Сел за стол. Когда сел Ключев, сказал:

— Ну что, Ключев? Расскажите, как все было?

— Гражданин следователь, но я ведь все рассказал. Без утайки. А этих, которые тут что-то наплели, я в первый раз вижу.

— Так-таки в первый раз?

— Да. Ясно, они ведь меня раньше не видели. Особенно тот, первый. Наколку даже не мог описать.

Рахманов нарочно выдержал паузу, просматривая протокол.

— Ключев, попробую объяснить некоторые тонкости. То, каким образом была опознана татуировка на вашей левой руке, лишь подтверждает точность опознания. Опознающий видел вас довольно коротко. И вряд ли мог запомнить рисунок татуировки. Опознающий запомнил лишь, что у вас на руке татуировка. Вот если бы, допустим, он с предельной точностью описал рисунок, у следствия и суда могли возникнуть сомнения.

Ключев некоторое время молчал. Посмотрел в окно:

— Этих людей я не видел.

— В таком случае придется провести очную ставку.

— С кем это очную ставку?

— С теми, кто вас опознал. Вы готовы к очной ставке?

— Допустим, не готов. Что тогда?

— Все же увидеть их вам придется. В показаниях этих людей и в ваших есть серьезные противоречия. — Сняв трубку, Рахманов попросил привести в кабинет Аракеляна. После того, как тот сел, спросил:

— Скажите, Аракелян, вы знаете этого человека?

— Знаю, — бесстрастно подтвердил Аракелян.

— А вы, Ключев, знаете этого человека?

— Нет. Узнал только сегодня.

Оба сидели, не глядя друг на друга. Рахманов сказал:

— Получается, кто-то из вас дает ложные показания.

Ключев пожал плечами. Лицо Аракеляна выражало откровенную скуку. Рахманов прервал тишину:

— Значит, будем выяснять. Аракелян, чем вы можете подтвердить, что видели сидящего перед вами человека?

— Я могу подробно описать кабину, в которой он сидел. Того, второго, который с ним приехал. Их одежду. Все остальное.

— Если вам предъявят второго, вы сможете его опознать?

— Смогу. Так же, как и этого.

— Чем еще вы можете подтвердить, что знаете сидящего перед вами человека?

— Чем... Гражданин следовательно, я ведь не только его видел. Я заплатил ему серьезные деньги. Двадцать пять тысяч. И доказать, что он был в Сухуми и общался со мной, мне раз плюнуть. Я его устроил в гостиницу. Нашу, сухумскую, «Тбилиси».

— Сами?

— Сам я его туда не возил. Но это подтвердит дежурная. Я купил ему билет СВ до Москвы. Можете допросить проводников. Наконец, я навел его на шабашников. Которые разобрали и оставили на свалке его машину.

Ключев посмотрел на Аракеляна в упор. Аракелян хмыкнул.

— Смотреть на меня не нужно. Колись, парень. Колись.

Ключев выдавил сквозь зубы:

— Сучара.

Аракелян недобро усмехнулся:

— Придет время, я тебе эту «сучару» в глотку вобью. Понял?

Ключев отвел глаза. Аракелян добавил:

— Учти на будущее: порченный товар в Сухуми возить не нужно. Там этого не любят.

Рахманов посмотрел на Ключева:

— То есть вы признаете, что видели этого человека?

Важный момент. Причем сейчас, на первых порах, сам Ключев может и не оценить важности признания в том, что он был в Сухуми. Впрочем, Ключев себя уже выдал. Довольно долго он сидел молча. Наконец сказал, не глядя на Аракеляна:

— Признаю.

— Точно признаете? Отказываться не будете?

— Признаю. Только врет он насчет двадцати пяти штук. Не давал он мне столько.

— Сколько же он вам дал?

— Штуку дал. Одну.

Ясно, Ключев всеми правдами и неправдами постарается отказаться от полученных в свое время двадцати пяти тысяч. Ведь в противном случае ему будет очень трудно отвести от себя обвинение в убийстве Дегтярева. Рахманов спросил спокойно:

— Аракелян, сколько вы дали этому человеку? Тысячу, как он говорит? Или двадцать пять тысяч?

Сейчас он понимал: что бы Ключев ни говорил, как бы ни занижал полученный «гонорар», факт, что Ключев и Шитиков пригнали трейлер в Сухуми, рано или поздно приведет к их полному изобличению. Неизбежно. Признание в знакомстве с Аракеляном практически означает признание и в остальном. Впрочем, сам Ключев может этого и не понимать.

Аракелян молчал, разглядывая потолок. Наконец усмехнулся:

— Я дал ему ровно двадцать пять штук. По договоренности. Он это знает. И люди, которые его прислали, тоже это знают.

— Но вы сами слышали: Ключев утверждает, что вы дали ему только тысячу.

— Он может говорить, что хочет. Это его проблемы.

Рахманов посмотрел на Ключева:

— Ключев, так сколько все же вы получили от Аракеляна?

— Тысячу, — упрямо сказал Ключев.

Рахманов подытожил, понимая, что дальнейший спор ни к чему не приведет:

— Хорошо. К выяснению истины мы еще вернемся. Аракелян, попрошу подписать протокол. — Подождав, пока Аракелян поставит подпись, кивнул: — Вы свободны. Вы же, Ключев, оставайтесь.

Когда Аракелян вышел, спросил:

— Ключев, я правильно понял, вы решили рассказать правду?

— Куда деться, гражданин следователь. Решил.

Помедлив, он посмотрел на Рахманова:

— Ну, все было, как я раньше рассказывал. В тот день мы в самом деле решили съездить на толкучку.

— Мы — это кто?

— Ну мы... Я и Шитиков. Мы стали ловить на Можайке машину, еще не зная, куда поедет. То ли в Вязьму, то ли в Смоленск. Ну и никто не ехал. А потом остановился этот мужик. На серых «Жигулях». Хорошо, говорит, поедет. Только, говорит, сами машину водить умеете? Хотите по штуке заработать? Ясно, кто же не хочет по штуке заработать... Мы говорим: хотим. Он: «Тогда садитесь». Сели. Ну и поехали по Минке¹. Мужик говорит: «Видите впереди трейлер?» Впереди как

¹ Минка (разг.) — Минское шоссе,

раз шел трейлер. Он говорит: «Надо этот трейлер довести до Сухуми. Я вам дам аванс, пятихатку. И там получите по штуке. Согласны?» Ну, мы согласились. Как говорится, бес попутал.

Помедлив, Рахманов спросил:

— Как же вы пересели на этот трейлер?

— Ну, мы долго за ним ехали. Смоленск проехали. Потом повернули направо. Трейлер встал на стоянку. Мы подождали. Снова поехали за ним. Потом догнали. Стали махать из окна: мол, колеса горят. Он встал. Мужик нам говорит: «Подождите, ребята, я сейчас». Поставил «Жигуленок» перед трейлером. И пошел разбираться с водителем. Мы видели, как они смотрели задние колеса. Потом этот мужик вернулся. Все, говорит, можете садиться.

— А водитель? Куда он делся?

— Не знаю. Как они с этим мужиком ушли, мы больше водителя не видели.

— Но вы с Шитиковым хоть поинтересовались: где водитель?

— Спросили. Мужик сказал: «С водителем я договорился. И вообще, вас это не касается. Держите пятихатку и гоните трейлер в Сухуми. Встанете в условленном месте. К вам подойдет человек, назовется Ашотом. Он скажет, куда подогнать трейлер. Как только товар разгрузят, получите по штуке».

— Вы так и сделали?

— Так и сделали. Этот мужик дал нам два паспорта, чужих. И накладные. Ну и мы погнали в Сухуми. Доехали за полтора дня. Подошел этот... Ашот. Выгрузил товар. Дал нам по штуке. И еще два билета на поезд до Москвы. На ночь устроил в гостинице. Мы переночевали. И утром уехали.

— А трейлер?

— Мужик сказал: «Как только товар сгрузят, трейлер нужно разобрать и оставить на свалке». Мы так и сделали.

— Сами?

— Ну, нам там помогли. Шабашники приезжие.

— Что вы везли в трейлере? Какой товар?

— В накладных было написано — импортные лезвия. А что там было на самом деле, нас это не касалось.

— То есть в кузов вы не заглядывали?

— А зачем? Товар не наш. Да и к чему нам лишние хлопоты? Мы сделали, что нас просили. Отогнали трейлер в Сухуми. И все.

Клюев с безмятежным видом посмотрел на Рахманова. Ясно, только что изложенная версия детально согласована с Шитиковым и разработана до мелочей. Себе Клюев и Шитиков отвели в этой истории безобидную роль перевозчиков. Вина же за остальное, в том числе и за убийство Дегтярева, теперь перекладывалась на водителя светло-серых «Жигулей». Но, как бы ни преуспели Клюев и Шитиков в согласовании подробностей, абсолютно все детали выдуманного события предусмотреть невозможно. И если Клюев и Шитиков врут, в их показаниях неизбежно окажется множество расхождений.

— Выходит, человека, который предложил вам перегнать трейлер в Сухуми, вы раньше не знали?

— Точно, не знали.

— Может, хоть что-то о нем слышали?

— Ничего не слышали. Увидели в тот день в первый раз.

— В таком случае ~~ваша~~ версия не проходит. Посудите сами: в трейлере, который вы привели в Сухуми, находилось товара больше чем на миллион рублей. Двум незнакомым людям перевозку таких ценностей никто не доверит. Разве что сумасшедший. Может, он и был сумасшедшим?

— Скажете тоже, сумасшедший... Он не сумасшедший.

— Я тоже так думаю. Человек, о котором вы рассказали, на сумасшедшего не похож. Наоборот, судя по его предусмотрительности, он все продумал. Такой человек рисковать не будет. И не доверит вам товара на миллион рублей, если вас не знает.

— Так, гражданин следовательно, поэтому он и взял именно нас.

— Что же это заставило его взять именно вас?

— То, о чем вы только что сказали. Не хотел рисковать. Мы его не знаем, значит, не сможем и заложить. Что же до трейлера... Он нам сказал: «Вот вам, ребята, маршрут в Сухуми. Езжайте строго по нему. Свернете куда или, не дай бог, трейлер попытаете увести, пеняйте на себя».

Клюев по-прежнему смотрел на Рахманова твердо и невозмутимо. Кажется, он, Рахманов, недооценил способностей Юры и Жени, Клюев улыбнулся:

— Так что, гражданин следовательно, проходит моя версия. Да и не версия это. Сами видите, это чистая правда. Во всем.

«А ведь точно, — подумал Рахманов, — история до удивительного похожа на правду». Но тогда ему остается одно: твердо придерживаться намеченного плана. Выжать как можно больше информации. Сначала из Клюева, потом из Шитикова. И если в показаниях окажутся разночтения, уличить каждого во лжи.

Продолжив допрос, он постарался выяснить все о поездке Клюева. Но нет, Клюев отвечал уверенно, без сбоев. Больше того, иногда он добавлял подробности от себя, будто действительно хотел помочь следствию. Предложив Клюеву подписать каждую страницу протокола и просмотрев еще раз показания, Рахманов понял: опровергнуть изложенную версию будет очень и очень непросто. Особенно если они так и не найдут водителя светло-серых «Жигулей».

— Клюев, вы знаете, что стало с водителем трейлера? Который вы с Шитиковым перегнали в Сухуми?

Клюев довольно искусно изобразил недоумение:

— Да нет. Откуда мне это знать? Я же сказал: не знаю.

— Его убили.

— Надо же... Хотя мужик тот мог. Вполне мог.

— Не знаю, кто мог. Но сами понимаете: у нас есть серьезные основания подозревать в этом убийстве вас. И Шитикова.

Клюев пригнулся, всматриваясь в Рахманова:

— Нас? Но мы-то здесь при чем?

— При том, что убийство произошло там, где остановились «Жигули». У обочины шоссе Олыша — Велиж. Девятого июля.

— Так мало ли кто его убил... Я же сказал: мы сидели в машине. И никуда не выходили.

— В момент убийства вы находились рядом с убитым.

— Ну и что? — Следующий монолог Клюев произнес, до-

вольно точно разыграв невинность, протяжно, монотонно, жалобным голосом: — Может, тут целая мафия орудует? Что же, мы должны отвечать? Ясно, на нас свалить легче легкого. Вы найдите этого мужика. И спрашивайте с него.

— Постараемся. Пока же, до выяснения всех обстоятельств, вынужден вас задержать.

— За что? Что я такого сделал? Я же дал подписку!

— Подписка была с вас взята раньше. Теперь же ее недостаточно. По вашим же показаниям, вы нарушили несколько статей.

— Интересно, какие это?

— Девяносто восьмую и сто девяносто шестую УК РСФСР. Использование подложных документов и уничтожение госимущества. Кроме того, как я уже сказал, вы подозреваетесь в совершении более тяжкого преступления. Убийства.

Рахманов вызвал конвоира, и Ключева увели. Через пять минут, ровно в четыре, в кабинет вошел Шитиков. С ним сначала все происходило так же, как с Ключевым. Но, как только Шитиков понял, что следственная группа побывала в Сухуми, он тут же заявил о желании рассказать всю правду. И слово в слово изложил уже знакомую Рахманову версию... Во время допроса Рахманов задавал точно такие же вопросы, которые он только что задавал Ключеву. Но, не считая редких сбоев, ожидаемых серьезных противоречий в ответах не было.

На сообщение о задержании Шитиков прореагировал еще спокойней, чем Ключев, что было вполне естественно. Ведь если не удастся опровергнуть их версию, оба отделаются сравнительно легким наказанием. Не больше года лишения свободы. Срок, предусмотренный за использование подложных документов.

После того как Шитикова увели, Рахманов подвел итоги.

Несмотря на почти полное совпадение в показаниях, он по-прежнему не считал, что Ключев и Шитиков говорили правду. Но понимал: это лишь его личное ощущение. Ведь он по-прежнему ничего не знает о водителе светло-серых «Жигулей».

И все же кое-какой улов у него был. Ключев и Шитиков назвали одинаковый номер — «я 26—14 МО». Судя по показаниям Козлова, запомнившего первую букву «я» и цифры «2», «4» и «6», он видел именно этот номер. Затем было уточнено имя, которым назвался водитель «Жигулей» — Игорь Кириллович. И внесены новые штрихи в его словесный портрет, совпадающий со словесным портретом, составленным со слов Козлова.

Это было важно. Водитель светло-серых «Жигулей» и Вадим Павлович не могут быть одним и тем же лицом. По показаниям, которые вполне можно считать объективными, ясно: Игорь Кириллович внешне сильно отличается от Вадима Павловича. К тому же Игорь Кириллович лет на десять-пятнадцать моложе.

В дверь постучали, вошел Жильцов.

Тридцатидвухлетний Жильцов, сухощавый, подтянутый, всегда был энергичным. Вот и сейчас никто бы не сказал, что за два дня майор успел объехать три города да еще поколесить по Кулундинской степи. Поймав взгляд Рахманова, майор широко улыбнулся:

- Как вы тут?
- Нормально. А ты? Устал?
- Да мне ничего не делается. Я суворовский солдат.
- Что с Алексидзе?
- Ничего.
- Допросил?
- Два раза. Вчера, как приехал. И сегодня утром.
- Ну и? Алексидзе не знает Вадима Павловича?
- Да. Или не хочет выдавать.
- Все же первое или второе?

Жильцов поерошил волосы:

— Андрей Викторович, что я только не делал! И угрожал, и обещал. Матерью клянется. Детьми. Всем, чем хотите. Мол, не знаю такого, и все.

— А твое мнение? Что, Додон действительно не знает Вадима Павловича?

Жильцов пожал плечами:

— Трудно сказать. Вообще-то этот Алексидзе тот еще волк. Что у него за душой, понять невозможно. Он нам ничего не скажет, это уж точно.

Новлянская была вызвана к половине десятого. Поэтому на следующее утро Рахманов вошел в свой кабинет ровно в девять.

Не спеша подготовил бумаги. Конечно, он понятия не имел, что собою представляет Вера Николаевна Новлянская. И как может повернуться разговор. Поэтому позвонил в следственный изолятор и попросил организовать доставку в прокуратуру арестованного Азизова. Азизов должен быть под рукой на случай, если его показания и показания Новлянской разойдутся.

Новлянская опоздала минут на пятнадцать. Собственно, Рахманов был готов к этому опозданию. После подробной информации Инчутина он, как ему казалось, был готов ко всему. Но, когда перед его столом на стул опустилась красивая, строго одетая женщина лет тридцати, он невольно покосился на перекидной календарь. Среди набросанных наспех анкетных данных там значилось: возраст — пятьдесят один год.

Сделав вид, что не замечает произведенного впечатления, Новлянская протянула повестку:

— Я правильно вошла? Второй кабинет? Вот повестка...

— Правильно. Вера Николаевна Новлянская?

— Вера Николаевна Новлянская. Простите, а как зовут вас?

— Рахманов Андрей Викторович. Следовательно по особо важным делам.

Новлянская улыбнулась:

— Очень приятно...

Рахманов вынужден был признать: Новлянская действительно красива. Одета просто. Толстый серый свитер, спортивные брюки и кроссовки. Никаких украшений.

Начинать надо сразу, без раскачки. Подумав об этом, Рахманов спросил:

— Вера Николаевна, вы знаете Азизова? Роберта Арутюновича?

Вопрос Новлянскую не смутил.

- Азизов... По-моему, он живет в Сухуми? Да?
- Совершенно верно. В Сухуми.
- Знаю. Правда, лет пять его не видела.
- Вы давно с ним знакомы?
- Около десяти лет.
- При каких обстоятельствах вы познакомились?
- Когда-то я работала в Министерстве торговли. В Союзгалантерее. И в Росгалантерее. Азизов же товаровед. Он не раз приезжал в Москву. Договариваться о поставках. Вот так мы с ним и познакомились.
- Простите, Вера Николаевна, у вас было только деловое знакомство?
- Что значит прокуратура. Здесь можно спросить даже об этом.
- Хороший выпад. Впрочем, его это не смутит.
- Вера Николаевна, я извинился. И все же, какой характер носило ваше знакомство с Азизовым?
- Служебный. Не более того. Других отношений у нас не было.
- Вы помогали Азизову доставать товары?
- Ну... в той мере, в какой это было можно. Собственно, в этом ведь и заключалась тогда моя работа в Союзгалантерее. Обеспечивать ассортимент поставок в различные регионы.
- В том числе и поставок дефицита?
- Новлянская внимательно посмотрела на Рахманова. Уголки ее губ дернулись:
- Андрей Викторович, вот уж не ожидала. Неужели прокуратура решила уличить меня в незаконных поставках?
- Да нет. Пока я не собираюсь обвинять вас в чем-то незаконном. Просто спрашиваю: вы помогали Азизову в поставках дефицитных галантерейных товаров в Сухуми?
- Я этого уже не помню. Когда это было... Да и потом, я тогда просто подписывала бумаги. Строго согласовывая каждую с начальством. Да и вообще, торговля в курортной зоне имеет свою специфику. Если хотите знать, для Сухуми любой галантерейный товар дефицит. От футляра для зубных щеток до детского мыла. Так что я в высшей степени удивлена.
- Вера Николаевна, может, вы и не считаете, что помогали Азизову доставать дефицит. Но Азизов считает. О чем и заявил.
- Интересно. Он что... написал в прокуратуру?
- Нет. Показал на допросе. Азизов арестован. Может быть, скажете что-то по этому поводу?
- Сказать по этому поводу мне нечего. За что он арестован, я не знаю. И знать не хочу... Просто... я очень удивлена. Получается, он начал валить на всех. В том числе и на меня. Действительно, не знаешь, откуда ждать.
- Вера Николаевна, вы знакомы с неким Вадимом Павловичем?
- Вадимом Павловичем? Первый раз слышу.
- Подумайте. Может быть, вы все же знаете человека, имя-отчество которого — Вадим Павлович?
- Новлянская потерла лоб:
- Ну... Не знаю... А как его фамилия?
- К сожалению, фамилия этого человека пока неизвестна.

Могу описать внешность. Ему лет шестьдесят. Выше среднего роста. Полный. Лысоват. Остатки волос — седые. Зачесаны набок. Глаза светлые. Под подбородком с правой стороны, вот здесь — розоватый шрам. Одевается скромно. В частности, в его туалет входит синяя куртка отечественного производства. С металлическими пуговицами. И серые брюки. По некоторым данным, этот человек ранее был судим. Очень прошу подумать.

— Вадим Павлович... Сейчас попробую вспомнить...

Новлянская задумалась. Потом улыбнулась:

— Нет. Извините, Андрей Викторович, но ничего не припомнится. Таких знакомых у меня нет. Точно. А в чем дело?

— В мае этого года человек, которого я вам описываю, при встрече с Азизовым отрекомендовался вашим хорошим знакомым. Факт знакомства он подтвердил знанием, скажем так, довольно мелких деталей вашей личной жизни. И, кроме того, подробно описал период вашего общения с Азизовым. Касающийся, как вы выражаетесь, «обеспечения ассортиментом».

— И для чего ему все это было нужно? Этому... Вадиму Павловичу? Так, кажется?

— Так. Вадиму Павловичу это было нужно, чтобы Азизов ему поверил. И вошел с ним в сговор для совершения особо опасного преступления. В данный момент я возглавляю бригаду, которая это преступление расследует. Вера Николаевна, я не хочу вас обижать. Но согласитесь: если ваше имя служит паролем для сговора двух преступников, это что-то значит.

Новлянская долго ничего не отвечала. Наконец улыбнулась:

— Андрей Викторович... Сначала попробую объяснить свою позицию. Так сказать, с предельной ясностью. Никаких противозаконных поступков, а уж тем более преступлений, я не совершала. Моя совесть абсолютно чиста. Я вполне допускаю, что некий Вадим Павлович, входя в сговор с Азизовым, использовал факты моей личной жизни. Эти факты, кстати, не являются военным секретом. О любой женщине, в том числе и обо мне, наверняка много судачат. Ну и что? Разве я в этом виновата?

Взгляд Новлянской казался совершенно искренним. Но Рахманов ему не верил, он прекрасно знал, каким может быть взгляд женщины, особенно пытающейся скрыть свои чувства, и особенно такой, как Новлянская.

— Нет. И все же вынужден предложить вам очную ставку с Азизовым. Чтобы устранить расхождения в показаниях. Вы готовы?

— Пожалуйста. Для этого не нужно быть готовой.

— Сейчас его приведут из соседней комнаты. — Снял трубку. Услышав голос Жильцова, сказал: — Виталий, мне нужен Азизов.

Войдя в кабинет, Азизов увидел Новлянскую. Кивнул. Новлянская ответила легкой улыбкой. Рахманов показал на стул:

— Роберт Арутюнович, садитесь. Вы приглашены для очной ставки с Верой Николаевной Новлянской. Вы ведь ее знаете?

— Знаю. — Усевшись, Азизов приложил руку к сердцу: — Вера, рад видеть.

Новлянская снова слабо улыбнулась. Рахманов сказал, разгладив протокол:

— Роберт Арутюнович, в показаниях Веры Николаевны и ва-

ших, касающихся известного вам Вадима Павловича, возникло некоторое несоответствие.

— Несоответствие?

— Да. По словам Веры Николаевны, она не знает никакого Вадима Павловича.

— Я сам не знаю, Вадим Павлович ли он. Я же объяснил.

— Вера Николаевна вообще не знает человека, описанного с ваших слов. Шестидесяти лет, выше среднего роста. Полного, со светлыми глазами. И шрамом под подбородком. Как это объяснить?

— Ну... — Азизов отвернулся, делая вид, что разглядывает что-то в окне. Поймав взгляд Новлянской, Рахманов сказал:

— Хотите что-то спросить?

— Хочу.

— Пожалуйста. Вообще, можете поговорить друг с другом. Я мешать не буду.

Новлянская сказала мягко:

— Вот уж от кого не ожидала, Роберт Арутюнович, так это от вас. Навязываете мне какого-то Вадима Павловича.

— Верочка... Я никого вам не навязываю.

— Навязываете. Мало того, впутываете в какую-то историю. За что? Объясните.

— Вера, клянусь, я вас никуда не впутываю. Просто... меня самого впутали.

— Вас впутали, но я-то здесь при чем?

— Вы ни при чем.

— Тогда в чем же дело?

— Верочка. Ну, встаньте на мое место. И представьте: ко мне приходит человек. Передает от вас привет. Когда я начинаю его расспрашивать, выкладывает все.

— Что «все»?

— То, что может знать только ваш хороший знакомый. Кто вы, что вы. Где работали. Ну и остальное...

— Что «остальное»? Например?

— Например, какие были привычки у вашего мужа. Или какую номенклатуру вы мне отпускали. В свое время. И так далее.

— Потрясающая осведомленность.

— Да... — Азизов явно был не в своей тарелке.

— И чего же этот человек от вас добивался? Говорят, вы вошли в преступный сговор. Причем поводом для этого послужила ссылка на меня. Я не ошибаюсь, Роберт Арутюнович?

Азизов промолчал. Новлянская посмотрела на Рахманова:

— Андрей Викторович, вы слышали сами. У Роберта Арутюновича нет ничего другого, кроме неких подробностей обо мне. Которые ему рассказал некий человек. Ну и, раз вы следовательно, разберитесь. Очень вас прошу.

— Постараюсь разобраться. И все же, может, вы от кого-то слышали об этом человеке? Скажем, краем уха? Случайно?

— Нет. Говорю это со всей ответственностью. Не слышала. Не видела. Не знаю. И прошу установить истину раз и навсегда.

В кабинете наступила тишина. Новлянская прищурилась:

— Роберт Арутюнович, и все же вы поступили некрасиво.

Погорели, так не нужно впутывать знакомых. Вы меня замарали. Понимаете? Ни за что ни про что.

— Вера, вы же не знаете, что было...

— Не знаю. И знать не хочу. Но есть правило: трудно, отбивайтесь сами. Будьте женщиной.

— Верочка... Клянусь, я этого не хотел.

— Хотели, не хотели, уже не имеет значения. Не будем больше говорить на эту тему. Андрей Викторович, я еще нужна?

Рахманов медлил. Конечно, все это могло быть инсценировкой. Но могло быть и правдой. Новлянская демонстративно посмотрела на часы. Рахманов улыбнулся:

— Нужны на два слова. Роберт Арутюнович, подпишите протокол. И можете идти.

Азизов подписал протокол и вышел. Рахманов не спеша перелистал дело. Нашел фото Ключева и Шитикова. Положил на стол перед Новлянской:

— Посмотрите. Может быть, вы кого-то из них видели? Скажем, мельком? У кого-то из знакомых. Не спешите. Это очень важно.

Новлянская довольно долго изучала фото. Покачала головой: — Никого из них никогда не видела. Даже мельком.

Новлянскую можно отпускать. Правда, у него был еще один вопрос, который ему самому казался шальным. Впрочем, что он теряет? Спросил, спрятав фото:

— Вера Николаевна, среди ваших знакомых нет такого Лотарева?

Интересно... Новлянская явно медлит с ответом. Вот те на... Неужели она знает Лотарева? Сказал, небрежно закрыв папку:

— Если вам трудно вспомнить, могу помочь. Молодого художника Лотарева. Выпускника Суриковского института.

Новлянская знает Лотарева. Точно. Она в растерянности. Поправила волосы:

— Вы спрашиваете меня о Лотареве в связи с Азизовым?

— Пока нет. Как хорошо вы знаете Лотарева?

— Ну... знаю. Более или менее. Я покупала у него картины.

— Понятно. И давно вы знакомы?

— Точно не помню. Года два. Может быть, два с половиной.

— И каким образом состоялось знакомство?

— Ну... Я отмечала день рождения. В ресторане. По-моему, в «Белграде». Да, это был «Белград». И Лотарев пришел с кем-то из приглашенных.

— С кем именно, не помните?

— Нет. Но если надо, могу уточнить. С кем-то из молодежи...

— Вообще, вы часто встречались с Лотаревым?

— Крайне редко. И то главным образом как заказчица.

— И сколько картин Лотарева вы приобрели? Всего?

— Сейчас... Сразу не вспомнишь. По-моему, четыре картины.

— Последняя покупка была давно? — Этот вопрос Рахманов задал на всякий случай. Новлянская долго молчала. Сказала:

— Последняя месяца три назад. Летом.

— Летом, в каком месяце?

— По-моему, в июле. Да, в июле.

Интересно. Может быть, Новлянская купила картину Лотарева 9 июля? Спросил:

— Какого июля, не помните? Хотя бы в начале или в конце?

— Что, это может иметь значение?

— В какой-то степени может. Так в начале? Или в конце?

— В начале. Могу даже сказать точно. Восьмого июля.

Восьмого июля... Что ж, цифра Рахманова вполне устраивала. Каждый его вопрос будто нарочно ложится точно в «десятку».

— И где произошел акт купли-продажи? У Лотарева? Или у вас?

— Нет. Восьмого июля я устраивала ужин для друзей. В ресторане «Континенталь». Лотарев привез картину прямо туда.

— И вы с ним там же расплатились? Во время ужина?

— Нет. Лотарев куда-то уезжал. И оставил картину... для ознакомления. Я расплатилась, когда Лотарев вернулся.

— Когда? Можете назвать точную дату?

— Он вернулся дня через три-четыре. Я помню день недели. Понедельник.

— Понедельник был двенадцатое.

— Значит, двенадцатого.

— Опять же где это было? У вас? Или у Лотарева?

— У меня. Лотарев заехал ко мне в первой половине дня. И я с ним расплатилась.

— Сколько вы ему заплатили?

— Пятнадцать тысяч.

— Серьезная сумма.

Новлянская усмехнулась:

— Серьезная. Но и Лотарев серьезный художник.

— Что, у него и другие покупают картины?

— Понятия не имею. Честно говоря, меня это не интересует. Картины Лотарева мне нравятся. Это настоящее искусство. Ну а остальное... преходящее. На мой взгляд.

— Что же это была за картина? Пейзаж? Натюрморт?

— Женский портрет.

— Ясно. Вера Николаевна, вы случайно не знаете, куда уезжал Лотарев на эти четыре дня?

— Не знаю. Мне Лотарев сказал, что ненадолго уедет. И все.

— Давно вы видели Лотарева? Последний раз?

— В последний раз я видела его именно тогда. Когда расплатилась за картину.

— То есть после этого дня вы его ни разу не видели?

— Ни разу.

— Но перезванивались?

— И не перезванивались. Зачем?

— Понятно. Вера Николаевна, сейчас я вам опишу человека. Попробуйте вспомнить, нет ли такого среди ваших знакомых. Ему лет сорок пять — пятьдесят. Выше среднего роста. Моложавый. Носит короткий седой бобрик. Загорелый. С легкими дефектами кожи. Глаза светлые. По некоторым данным, его зовут Игорь Кириллович. Фамилия начинается на С. У него может быть машина, «Жигули» шестой модели светло-серого цвета. Может быть, вы встречали такого человека?

Подумав, Новлянская покачала головой:

— Игорь Кириллович... Да еще с фамилией на С... Нет. Среди моих знакомых такого нет.

Поставив «шестерку» на свое место во дворе, я на несколько секунд задержался в темной кабине. Часы на приборной доске показывали четверть двенадцатого.

Посидев, выключил мотор. Вышел, запер машину. Алены не будет еще неделю. Сейчас она вместе с курсом на картошке, где-то под Шатурой. В двух присланных за это время открытках Алена, кроме прочего, предупредила: там, где они копают картошку, дорог практически нет, так что любые мои попытки приехать к ней лучше оставить.

Осмотрев ночной двор и ощутив осенний холод — все-таки конец сентября, — я пошел к дому. Войдя в подъезд, остановился перед лифтом. Пошарил в кармане, нашел ключи. Открыл почтовый ящик, достал газеты.

В квартире первым делом полез в холодильник, вытащил бутылку молока, яблоко, сел за стол и только тогда заметил лежащий на столе серый листок. Налив полную чашку и сделал глоток, я подумал: листок был вложен между газетами и сейчас выпал. Обычно так выглядят уведомления о посылках или телеграфные переводы. Подтянув бумажку к себе, вчитался. Ну и ну... Такого я еще не получал. Повестка в прокуратуру на завтра.

Помедлив, я нажал кнопку стоящего на столе «Филипса» и нашел тихую мелодию. Прихлебывая молоко, стал не спеша изучать бумажку. В ней сообщалось: завтра в четырнадцать ноль-ноль мне, Лотареву С. Л., надлежит явиться в Прокуратуру РСФСР к некоему «след. Рахманову А. В.», то есть к следователю.

Повестка меня не обрадовала, но и не вызвала особых опасений. Перебрав все, что произошло со мной за последние полгода, я вспомнил два более-менее серьезных происшествия, случившихся на моих глазах. Драку в ресторане и автокатастрофу. Мысль же о поездке в Смоленскую область с Юрой и Женей я старался отогнать как можно дальше. Не может быть, чтобы меня вызывали сейчас именно из-за этого. Ведь с того дня прошло больше двух месяцев. Все же на всякий случай я набрал Сашкин номер, но Сашки не было дома. Решив позвонить позже, я прихватил «Филипс» и перешел в комнату. Сел в кресло, нарочно не зажигая света. Тихая мелодия настраивала на воспоминания. Естественно, я сразу же вспомнил Алену. С момента, когда я получил неожиданный гонорар, мы с Аленой почти не расставались. Сначала побывали в Дагомысе, потом перелетели на Рижское взморье. Потом довольно долго жили у Сашки на даче. Нам было так прекрасно друг с другом. В последний день августа я отвез Алену домой. Помню, было около часа ночи, Алена поцеловала меня на прощание. Вышла из машины. У подъезда обернулась, махнула рукой и исчезла. Тогда, пытаясь разглядеть в темноте ее силуэт, я подумал: вот и хорошо. Мы должны отдохнуть друг от друга. И, как только хлопнула дверь, с легким сердцем развернул машину. И вот сейчас я не могу представить, как дотяну эту неделю без Алены.

Вспомнив про листок, я набрал Сашкин номер. Сашка оказался дома, после третьего гудка мембрана шелкнула; сонный Сашкин голос спросил:

— Ал-ло... Кто это?

— Сань, извини, это я.

— А... — Сашка помолчал. — Что-нибудь случилось?

— Не знаю. Может, случилось, может, нет. Мне пришла повестка в прокуратуру. На завтра. На два часа дня. Вот я и решил позвонить.

— Там написано, в качестве кого?

— Написано. В качестве свидетеля.

— Подожди, дай соображу. Надо встретиться.

— Давай встретимся.

— Вот только когда? Сейчас уже ночь. Давай завтра утром? Часов в десять? Устроит?

— Конечно.

— Тогда завтра к десяти подходи к нашему месту, у булочной. Я буду на своей машине.

Утром, в десять, я подошел к булочной. «Девятка» стояла на привычном месте. Я сел рядом с Сашкой, Сашка подмигнул мне.

— Повестку захватил?

Я протянул бумажку. Сашка изучил повестку, вернул.

— Понятно. Как ты вообще? Не паникуешь?

— Почему я должен паниковать?

— Ну, мало ли.

— Да нет. Не паникую.

Мы посидели молча. Наконец Сашка потер шею:

— Правильно. Паниковать нечего. Но с другой стороны... У тебя ведь не было серьезных происшествий за это время?

— Вроде нет. Если не считать, что на Рижском взморье мы с Аленой были свидетелями большой драки в ресторане «Юрас перлас».

— Сам-то ты в ней не участвовал?

— Нет. Но потом туда приехала милиция и записала фамилии нескольких свидетелей, в том числе и наши с Аленой.

— Драка в ресторане. Да нет. Не будем обольщаться. Драками занимается милиция. Вызов же у тебя в прокуратуру. Это значит, здесь что-то серьезное.

— Серьезное?

— Да. Вообще прокуратура занимается убийствами.

— Саня, может, все же скажешь, кто этот Вадим Павлович?

— Кто? Блатняга, от которого можно ждать всего. Знаешь, как я с ним познакомился?.. Сделал ему пластическую операцию. Левую. За бабки. Ну и... Попал. Ни за что ни про что. Этот Вадим Павлович держит теперь меня мертвой хваткой. Тебе же сейчас это сказал, потому что впутал в это дело. Но даже если допустить... Даже если допустить самое серьезное, скажем, что эти ребята тогда, летом, кокнули водителя — нашей вины здесь нет. Ни твоей, ни моей. Мы ведь понятия не имели, чего они хотят.

Я сидел молча, разглядывая пустой переулок. А что... Ведь эти Юра и Женя запросто могли убить водителя трейлера. В кустах. Если так, получается, 9 июля я подвез двух убийц. Но, может, я все это придумал? Я посмотрел на Сашку.

Мне нужно было осмыслить все, что я только что услышал. Побарабанив пальцами по приборной доске, Сашка сказал:

— Ладно, давай не будем гадать. Если вызов в прокуратуру

не относится к той поездке, хорошо. Если же относится, старайся говорить им правду. Правду, за исключением одного дня. Того самого. Девятого июля. Понимаешь, почему?

— Почему?

— Каждое твое показание все равно будет проверено. Что же касается девятого июля... Если Юра и Женя действительно убили водителя и залетели, ГАИ наверняка сразу же начала искать твою машину. По настоящим номерам, которые запомнил тот гаишник. И нашла, если тебя вызывают в прокуратуру. Но у тебя есть алиби, проработанное до последней детали. Восьмого вечером ты уехал на Сенеж. На этюды. Машину оставил в Москве. Что с ней было — не знаешь. Ибо, вернувшись в Москву утром двенадцатого июля на электричке, ты нашел ее на обычном месте. Под своими окнами. Тебя не должны связывать с Вадимом Павловичем. У тебя угнали машину и, используя, вернули. К Вадиму Павловичу ты не имеешь никакого отношения. Даже теоретически. Но к этому выводу прокуратура придет лишь в одном случае. Если в твоих показаниях не всплыву я. Именно поэтому ты и должен сказать, что двенадцатого вернулся в Москву на электричке. И на Сенеже жил не у меня на даче. А просто на свежем воздухе. Причем пару ночей переночевал на базе «Рыболов Сенежья». За забором. Если с Юрой и Женей замели и Вадима Павловича, прокуратура выйдет и на меня. Из-за пластической операции. Но совсем с другого бока. Так что ты здесь будешь ни при чем. Ну а я... Я как-нибудь отобьюсь.

— Что, я вообще не должен говорить, что знаю тебя?

— Зачем? То, что мы знакомы, все равно ведь не скроешь. Допустим, если тебя спросят в лоб, скажи: знакомы. Еще по школе. Изредка встречаемся. И все. Тебя вызвали на два часа?

— На два часа. К четырнадцати ноль-ноль.

— Тогда я еду на работу. С тобой же встретимся часов в шесть. У «Форума». Расскажешь, что и как.

Оставив машину возле здания Прокуратуры РСФСР, я получил пропуск. Поднялся на второй этаж, постучал в 202-й кабинет. Услышав «Да, войдите!», вошел. В конце узкого и длинного кабинета сидел человек с полным, добродушным лицом. Он что-то писал. Увидев меня, кивнул:

— Слушаю? Вы ко мне?

— Не знаю. Меня вызвали к Рахманову А. В. Вот повестка. Человек отложил ручку.

— Простите, ваша фамилия?

— Лотарев.

— Я как раз вас жду. — Показал на стул. — Садитесь. Рахманов А. В. — это я. А проще — Андрей Викторович.

Довольно долго этот Рахманов разговаривал со мной как будто бы ни о чем. И вдруг спросил:

— Сергей Леонидович, вы часто ходите в театр?

— Иногда бываю.

— Вспомните, в каких театрах вы были в конце прошлого сезона?

Особенно напрягать память не пришлось. Я был всего в трех театрах, на спектаклях, которые отлично помнил.

— Во МХАТе. В Театре миниатюр. И в Ленкоме.

— И что вы там смотрели?

— Во МХАТе — «Дядю Ваню». В театре миниатюр — «Школу клоунов». В Ленкоме — «Гамлета».

— И когда, например, вы были в Ленкоме? Постарайтесь вспомнить точно.

Вообще-то я не особый любитель ходить в театры, но тот день помню отлично. Мы только что познакомились с Аленой. Алена изъявила желание сходить в театр на хороший спектакль.

— Точно не помню. В пятнадцатых-двадцатых числах мая.

— В репертуаре «Гамлет» в Ленкоме стоял восемнадцатого.

— Значит, восемнадцатого.

— Ну и трудно было достать билеты?

— Нет. В Ленкоме у меня работает приятель. Ширяев. Евгений Ширяев. Мы вместе учились в институте.

Кажется, с этим спектаклем Рахманов связывает какое-то событие. Имеет ли это событие отношение к моей поездке?

— И Ширяев достал вам билеты?

— Контрамарку. На два лица.

— То есть вы пошли с кем-то вдвоем?

— Да, вдвоем. С девушкой, своей приятельницей.

— Как ее зовут?

Скрывать, что я пошел в Ленком с Аленой, не имело смысла. Тем более пока неясно, почему следователь интересуется Ленкомом. Помедлив, я сказал:

— Ее зовут Алена.

— Фамилия?

— Меднова.

— Москвичка?

— Москвичка.

— Сколько ей лет?

— Девятнадцать. Скажите, все это так важно?

— Сергей Леонидович, потерпите. Нам нужно уточнить все, что связано с этим спектаклем. Ваша приятельница... Алена Меднова, учится? Или работает?

— Учится на третьем курсе иныза.

— Какие у вас с ней отношения?

— Отношения у нас очень хорошие. Этого достаточно?

— Вполнѐ. Вы могли бы назвать домашний телефон Медновой?

Я назвал номер. Записав его, Рахманов спросил:

— Скажите, где вы были в июле?

Вот оно... Сашка был прав. Если следователь по особо важным делам спрашивает, где я был в июле, значит, он имеет в виду мою поездку. Ту, июльскую, вместе с Юрой и Женей. Непонятно только, при чем тут театр Ленкома. Я ответил небрежно, но стараясь при этом не переигрывать:

— В июле я был в Москве. Иногда выезжал за город. В конце месяца уехал в Дагомыс. Вроде все.

— За город в какие места вы выезжали?

— На озеро Сенеж. Под Солнечногорск.

— У вас что, там дача?

- Нет. Просто я люблю Сенеж.
- Выезжали на машине?
- Когда как. Когда на машине, когда на электричке.
- Но вообще у вас есть машина?
- Есть.
- Какой марки?
- «Жигули». «Шестерка».
- Простите за чрезмерное любопытство. Но ваша машина меня интересует. Какого она цвета? Какой номер?
- Светло-серого. «о 79—82 МО».
- У вашей машины есть какие-нибудь особые приметы? Скажем, нестандартная отделка? Заделанные вмятины?
- Вроде нет. Из нестандартной отделки только магнитофон. Со скрытыми колонками.
- Некоторые украшают машины выпелами. Игрушками. Может быть, у вас есть что-то похожее?
- Ни выпелов, ни игрушек в моей машине нет. Вообще не люблю излишеств.
- В июле, когда вы выезжали на Сенеж, вы все время находились там? Может быть, оттуда выезжали еще куда-нибудь?
- У вопроса был скрытый смысл, который я отлично понял.
- Да нет. Зачем мне куда-то выезжать? На Сенеж я всегда беру этюдник. И пишу.
- Ну а, допустим, вы случайно не выезжали в июле в Смоленскую область?
- Я изобразил спокойное недоумение:
- В Смоленскую область?
- Да? Пусть даже ненадолго?
- Да нет... В июле я был только на Сенеже. И в Дагомысе.
- Ну а где вы были, скажем, девятого июля?
- Девятого июля? Именно в этот день?
- Да. Именно в этот день. Постарайтесь вспомнить. Девятого июля была пятница.
- Я поглядел на потолок. Перевел взгляд на Рахманова;
- Вообще-то в эти дни я должен был выезжать на Сенеж.
- Вы не ошибаетесь?
- Нет. Я вспомнил, девятого я был на Сенеже.
- Ну а, скажем, днем раньше? Восьмого?
- Рахманов меня ловит. Что ж, пусть ловит. Если он захочет, я распишу ему день восьмого июля по минутам. Ведь помнить этот день у меня есть все основания, восьмого я передал Вере картину, которую она затем купила.
- Восьмого июля я был в Москве. Точно.
- Почему вы в этом так уверены?
- В этот день у меня купили картину. Причем за довольно приличный гонорар.
- Несколько секунд Рахманов разглядывал стол. Поднял глаза:
- И сколько же составил этот гонорар?
- Пятнадцать тысяч.
- Солидно.
- Есть такая Вера Николаевна Новлянская.
- Эта Новлянская — любитель живописи? Коллекционер?
- Можно сказать и так, картин у нее много. Всяких.
- И когда же состоялась эта продажа? Восьмого июля?

— В Совинцентре. В ресторане «Континенталь».

— Что, в другом месте нельзя было продать картину?

— Ну... Новлянская устраивала что-то вроде приема. И попросила подвезти картину туда. Правда, в тот день я только передал картину Новлянской. Деньги получил позже. Дня через три. Когда вернулся с Сенежа.

— И что собою представляла картина?

— Женский портрет. Масло.

Рахманов поправил лежащие на столе бумаги.

— Хорошо, вернемся к Сенежу. Вы сказали, что уехали туда восьмого?

Я вдруг понял: я не знаю, что ответить. Восьмого вечером я уехать не мог, на ночь без машины, с рюкзаком и этюдником никто на природу не выезжает. Но ведь мою «шестерку» со стоянки восьмого днем увел тот тип из очереди. Я и не знал, что будет так трудно. Ведь теперь я должен взвешивать каждое слово.

— Вообще-то, строго говоря, я уехал девятого. Рано утром.

— Наверняка задержались на банкете?

— Задержался.

— Простите, с банкета вы уехали один?

— Нет. Я и на банкете был не один. А со своей приятельницей, той самой Аленой Медновой.

— Ясно. Вы ее проводили?

— Проводил. Потом вернулся домой и лег спать.

— Где оставили машину? В гараже?

Этот Рахманов цепляется к каждой мелочи. Ладно, детали ведь я могу и не помнить. Если он узнает, что меня подвез Сашка, прикинусь, что забыл, кто именно меня подвозил.

— Гаража у меня нет. И туда, и обратно меня и мою девушку подвезли знакомые. Я знал, что придется чуть-чуть выпить. Поэтому машину оставил.

— Оставили где именно?

— На обычном месте. Во дворе, около подъезда.

— Когда вы вернулись домой, вы видели свою машину?

— Не помню. Честно говоря, в ту сторону я даже не посмотрел.

— Ясно. Значит, вы легли спать.

— Лег спать. Встал рано. В начале пятого. И уехал на Сенеж. На первой электричке.

— Девятого, когда вы вышли из дома, машина была на месте?

— Опять не помню. Может, была, может, нет. Вы так спрашиваете, будто кому-то нужна моя машина.

— На Сенеже у вас определенное место? Или дача?

— Да... Там есть такая... база отдыха. Называется «Рыболов Сенежья». Около нее я и расположился.

— Поставили палатку?

— Зачем. Погода была отличной. Положил вещи. Надул матрац. Поставил этюдник. И все.

— Место не меняли?

— Нет. Правда, на ночь я перелезал через забор и спал на территории базы. Для спокойствия.

— И вас кто-нибудь видел? В эти дни?

— Наверное. На базе есть сторож. Вообще там много отдыхающих в выходные.

Об инциденте со сторожем я умолчал умышленно. Сторож сам все расскажет, если они решат меня проверить.

— Сколько вы пробыли на Сенеже? В тот раз?

— Дня три. Да, три дня. До понедельника.

— Почему до понедельника? Вы ведь не ходите на работу?

— Не хожу. Но в понедельник должно было решиться с картиной. Мы так условились с Новлянской.

— Сергей Леонидович, нет ли среди ваших знакомых некоего Игоря Кирилловича?

Все. Они вышли на мою «шестерку». И на меня в образе Игоря Кирилловича. Помедлив, я переспросил:

— Игоря Кирилловича?

— Да. Может быть, его зовут и по-другому. Приметы: ему около пятидесяти. Выше среднего роста. С коротким седым бобриком. Светлоглазый, загорелый. На коже лица небольшие дефекты. Этого человека видели в машине «Жигули» шестой модели светло-серого цвета, очень похожей на вашу.

Я изобразил раздумье, уставившись на ноги. Пожал плечами:

— Нет. Не знаю никого с таким именем и с такой внешностью.

— Может быть, вы просто видели где-нибудь такого человека? Случайно? Около дома? У своей машины?

— Нет. И не видел.

— Может, у кого-то еще, кроме вас, есть ключи от машины?

— И ключей ни у кого нет.

— Д-да... — Рахманов почесал затылок. Довольно долго мы сидели молча. Наконец Рахманов открыл папку. Положил передо мной две фотографии: — Случайно вам не знакомы эти люди?

Это были Юра и Женя. Я сделал вид, что вглядываюсь. Покачал головой:

— Нет. Этих людей я не знаю.

— Ну а может, вы знаете Вадима Павловича?

Вадима Павловича... Человека, по просьбе которого я подвез Юру и Женю. Наконец-то выплыл и он.

— Нет. Никогда о таком не слышал.

— Может быть, вы видели этого Вадима Павловича? — спросил Рахманов. — Среди окружения Веры Николаевны Новлянской? На вид ему лет шестьдесят. Он выше среднего роста. Полный. Волос мало. Те, что есть, зачесаны набок. Глаза светлые. С правой стороны, под подбородком, розовый шрам. Одевается скромно. Чтобы вам легче вспомнить, в его гардеробе есть синяя куртка с металлическими пуговицами. И серые брюки. — Он внимательно посмотрел на меня. — Не встречали такого?

Я сделал вид, что вспоминаю. Покачал головой:

— Не встречал. Но почему вы меня об этом спрашиваете? Рахманов достал что-то из папки. Протянул:

— Посмотрите. Вам знакома эта бумажка?

Я взял у него из рук небольшой бумажный квадратик. Вгляделся. Бумажка была изрядно потертой. Ну и ну... Ведь это же моя контрамарка. Точно. В Ленком, которую я получил

благодаря Женьке Ширяеву. По этой контрамарке мы с Аленой 18 мая прошли в Ленком. На «Гамлет». Цифры «6 — 7, 8». Все правильно, шестой ряд, седьмое и восьмое места. Но как же эта чертова контрамарка оказалась у Рахманова? Ясно, они ее где-то нашли. Но где? Где-то в Смоленской области? Или по дороге к ней? Ну да, эта контрамарка лежала в кармане моего пиджака. Тогда, собирая вещи для поездки, я схватил первый попавшийся пиджак, не подумав, что это пиджак от того самого костюма, в котором я с Аленой был на «Гамлете». Идиот! Надо было хотя бы проверить карманы. Впрочем, думать об этом уже поздно. Да и не нужно затягивать молчание. Я сказал небрежно:

— Кажется, это контрамарка, по которой я ходил в Ленком.

— Правильно. Вспомните, куда вы потом дели эту контрамарку?

— Понятия не имею. Выбросил. Это же делается машинально. Да и разве это так важно?

— Представьте, важно. И не в последнюю очередь для вас, Вспомните, куда вы выбросили контрамарку?

— Не помню. Совсем не помню.

Рахманов долго смотрел в окно. Повернулся:

— Сергей Леонидович, эта контрамарка найдена недалеко от места преступления, на шоссе в Смоленской области. Оказалась она там тогда же, когда было совершено преступление. Примерно девятого июля. Причем, по нашим данным, к месту преступления преступники подъехали на машине, похожей на вашу. На светло-серых «Жигулях» шестой модели. Поскольку, как вы говорите, девятого июля вы были далеко от Смоленской области, мы с вами должны выяснить это несоответствие и понять, откуда оно взялось.

— Андрей Викторович, вот уж не знаю.

— И я не знаю. Ведь соединяются два фактора. Ваша контрамарка и машина, похожая на вашу. Вряд ли это совпадение.

Я молчал, обдумывая ситуацию. Я уже примерно представлял, где могла выпасть контрамарка, на обочине, когда, съев последний бутерброд, я выкинул за окно бумагу. Тогда, пошарив в кармане, я собрал все бумажки, которые там были, и тоже выкинул. Но особой беды в этом нет. Если следовать версии с угоном машины, контрамарку могли найти те, кто угнал машину. И подбросить на обочину, чтобы навести след на меня. Сказал безразлично:

— Андрей Викторович, добавить мне абсолютно нечего. Я рассказал все, как было.

Рахманов внимательно посмотрел на меня.

— Что ж, Сергей Леонидович, будем выяснять. Учтите, мы можем вас вызвать еще. Из Москвы никуда не собираетесь?

— Пока нет.

— Очень хорошо. И если вам вдруг что-то вспомнится или придет в голову какие-то соображения, позвоните. Телефон в повестке. Вы хоть знаете, какое преступление было совершено?

— Откуда я могу знать, какое?

— Было совершено разбойное нападение. Убит человек и похищено ценное государственное имущество. Если у вас появятся какие-то сведения об этом, очень прошу сообщить.

После ухода Лотарева Рахманов вызвал в кабинет Саенко, Инчутина и Жильцова. Подождал, пока все ознакомятся с показаниями. Сказал:

— Любопытный материал?

— Любопытный, — Саенко аккуратно сложил листки. Рахманов посмотрел на Жильцова.

— Виталий, работы у тебя будет много. Причем срочной. Сразу прикинь, справишься ли.

— Андрей Викторович, не справлюсь, попрошу помощи. Думаю, МВД мне не откажет.

— Я тоже так думаю. Значит, первое: Новлянская. Дама серьезная. Заявляю со всей ответственностью. Тщательно проверь все ее связи, даже случайные, и попробуй найти выходы на двух человек: Вадима Павловича и Игоря Кирилловича.

— Заодно и на Росгалантерею, — добавил Инчутин.

— На Росгалантерею само собой, — сказал Рахманов. — Но Росгалантерея не убежит в любом случае. А вот Вадим Павлович и Игорь Кириллович — увы. Пока убежали.

Жильцов кивнул:

— С Новлянской понятно. Что еще?

— Лотарев. Человек он совсем другой. Не из той обоймы. Не знаю, на самом ли деле его картины стоят таких денег. Но то, что он действительно художник, видно невооруженным глазом.

— Это еще ничего не значит, — сказал Инчутин. — Художники бывают разные.

— Именно поэтому показания Лотарева надо проверить тщательным образом. Так что, Виталий, возьми в МВД людей побольше и займись домом Лотарева. Опроси всех, кого можно. Надо выяснить, что было с машиной Лотарева, начиная с восьмого июля

— Ясно, — сказал Жильцов.

— Работы на эти дни тебе хватит. Нам же... — Посмотрел на Инчутина и Саенко. — Леша, ты пока продолжай разборку с Росгалантереей. Я поеду на Сенеж. Славе остается Меднова, которая была с Лотаревым в театре и в «Континентале».

— Меднова — значит, Меднова, — сказал Саенко.

— Учти, я совсем не исключаю, что эта Меднова тоже связана с Новлянской.

— Чувствуется, тут тот еще клубок, — заметил Инчутин.

Выйдя из прокуратуры, я сразу же сел в машину.

Около минуты сидел, бессмысленно разглядывая двор и пытаюсь прийти в себя. Двор густо усажен деревьями. На асфальте и земле полно палых листьев. Черт... Ну и вляпался же я! Хотя вроде бы все сошло удачно. И все же я вляпался. Чем бы все ни кончилось, вляпался. Я подвез двух убийц. Сам того не желая. От этого мне никуда уже не деться. Никуда.

Помедлив, подумал: ладно. Я подвез двух убийц, зато спас Сашку от этого Вадима Павловича.

К «Форуму» подъехал без четверти шесть. Без пяти в зеркале возникла Сашкина «девятка». Выбравшись из машины, Сашка обошел мой багажник, сел рядом. Посмотрел испытующе:

— Серега, ну как?

— Вообще, Сашка, я понимаю, тебе сейчас тяжело. И все же мне многое неясно. Я хотел бы кое-что выяснить.

— Что именно выяснить?

— Что происходит во всей этой истории. С Вадимом Павловичем. Юрой. Женей. И... остальными.

— Ты говоришь так, будто я пытаюсь что-то скрыть. Я ведь как раз и хочу выяснить все. Вместе с тобой.

— Что-то я этого не заметил. Во всяком случае, раньше.

— А где ты был сам раньше? В Дагомысе? На Рижском взморье? Хоть раз ты пытался завести об этом разговор? Как ты выражаешься, раньше?

Сашка абсолютно прав: до сегодняшнего дня вся эта история меня не интересовала. Я лишь посмотрел на него и промолчал. Ответить мне было нечего. Сашка побарабанил пальцами по колену:

— Если бы ты поинтересовался, я мог бы кое-что сообщить.

— Например?

— Например, Вадим Павлович не оставил меня в покое. И вряд ли оставит. Он мне несколько раз звонил. В эти месяцы. И, кстати, сегодня. Как они на тебя вышли?

— Из-за контрамарки.

Я подробно изложил все о контрамарке, включая и предположение: скорее всего контрамарка пролежала в кармане моего пиджака еще с мая. И выпала, когда я выбросил бумагу.

Вслушав мой рассказ, Сашка посидел в задумчивости. Сказал:

— Надо же. Я думал, ты засветишься из-за номеров.

Отметив, что Сашка не упрекнул меня за контрамарку, я спросил:

— Какая разница, из-за чего я засветился?

— Разница есть. Контрамарка потянула за собой Алену. Но это ладно... Понимаешь, этот мерзавец, Вадим Павлович, просто поймал меня на противоходке. Года три назад, я как раз только начал работать, он остановил меня около института и попросил изменить ему внешность. Естественно, левым путем. И естественно, за большие бабки. Ясно, я был уже не мальчиком и понимал: если человек с такими бабками просит сделать полную перетяжку, это человек не простой. Даже очень и очень не простой. Но все ж я был еще зеленат. Да и в деньгах нуждался. Операция мне удалась, практически я сделал ему новое лицо. Здесь он меня и купил. При расчете. За операцию по договору он должен был мне семьсот. Он их дал. А потом сказал: «Саша, если нужны еще деньги, не стесняйтесь. Хотите, дам вам десять штук сверху? Причем не будем даже считать это долгом. Просто... будет у вас возможность оказать мне услугу, вы мне ее окажете. Не будет, считайте эти десять штук подарком».

Сашка помолчал, потом продолжил:

— Конечно, не нужно было ничего у него брать. Он просто хотел меня повязать... этими десятью штуками. Но тогда я подумал: чего мне терять? Деньги же были нужны: я как раз нацелился на дачный кооператив. В общем, десять штук я взял. Этим летом он мне о них напомнил, попросив подвезти Юру

и Женью. Естественно, я был уже не тот, что три года назад. Ну и подумал: зачем я буду с ним связываться. Лучше отдам ему эти десять штук и пошлю к черту. Но было уже поздно. Я уже был прихвачен, взят за горло. Хотя сам этого еще не понимал. А сейчас может быть кое-что похуже.

Мы посидели молча. Сашка встряхнулся:

— Знаешь, как берут за горло? Такие, как Вадим Павлович?

— Не знаю. Как?

— Сейчас объясню. — Он поправил на стекле карточку техосмотра. — Когда Вадим Павлович мне позвонил... в июле... и сказал, что ему нужна услуга, мы договорились встретиться. Он изложил свою программу: ему нужно подвезти двух человек на приличное расстояние. Может быть, ехать придется несколько часов. Но он гарантирует: в этой поездке все будет чисто. В смысле уголовного. Везти этих людей нужно в определенный день. Когда — он сообщит заранее. Если я соглашусь и отвезу их, мы будем квиты. То есть будет считаться: десять штук я отработал.

Сашка помолчал.

— Конечно, я понимал, что это не просто поездка, если Вадим Павлович готов скостить за нее десять штук. Но когда я начал качать права, мол, что будет, если я вам сейчас отдам десять штук и мы разойдемся? Вадим Павлович кое-что мне объяснил. Популярно. Он сказал, что если я хочу отдать ему долг, я должен учесть: за это время на долг набегали проценты. Обычные пять рублей с сотни или пятьсот с десяти штук в месяц. Так что сейчас я должен ему уже не десять, а около тридцати штук. И если он захочет, он из меня эти тридцать штук выбьет. Но ему, мол, эти тридцать штук не нужны. Ему нужна услуга, о которой мы договаривались три года назад. Ему все равно, кто будет отвозить этих людей. Но я ведь понимал: после этой поездки и я, и любой мой знакомый будет уже повязан с Вадимом Павловичем. И тут я подумал: ведь выход есть. Поедет кто-то из нас. Ты или я — неважно. Но под другой внешностью. Если надо будет ехать в выходные, поеду я. Если в будни — ты. Ведь о том, что мы с тобой знакомы, да и вообще о твоём существовании Вадим Павлович ничего не знает. Ну и, главное, я действительно могу тебе доверять. Когда же кто-то из нас, вернувшись, примет прежнюю внешность, все концы будут спрятаны в воду. Оставалось только решить: как лучше изменить внешность? Сам понимаешь, при желании все можно было сделать. Достать парик и сшить накладной живот — пустяки. Решающим моментом была мазь, над которой мне пришлось посидеть. Но в общем-то и в этой мази для косметолога нет ничего особенного. Смесь банальная: салициловая кислота, деготь и кое-какие добавки, чтобы действие было коротким. Я заранее достал на толкучке права. Два номера. Чистый техпаспорт. Вадим Павлович позвонил седьмого июля и сказал, что выезжать нужно девятого. То есть в пятницу, в будний день. Восьмого утром я позвонил тебе. Ну а остальное ты знаешь.

Час назад, в «Эрмитаже», мне вдруг показалось: в нашей дружбе возникла некая напряженность, связанная с неясностью в поведении Сашки. Сейчас же почувствовал облегчение. Я был

рад, что Сашка все это рассказал. И я по-прежнему могу считать его другом. Причем сейчас, после Сашкиного объяснения, мне открылась подоплека, и стало понятно, почему Сашка погорел с Вадимом Павловичем.

О том, что это блатняк и зычара, я от Сашки уже слышал. Но теперь, когда я знал, что стоит за поездкой в Смоленскую область, я достаточно отчетливо представлял, что это за человек. Ведь я несколько часов провел с его шестерками, Юрой и Женей, убившими водителя трейлера.

Обдумав все это, я спросил:

— Ну а при чем тут «похуже»? Ты сказал: «Здесь может быть кое-что похуже»? Что это значит?

— Это значит, нам с тобой грозит опасность.

— Опасность? И с чем это связано?

— Я ведь тебе сказал, мне несколько раз звонил Вадим Павлович.

— Сказал. Я помню.

— Последний раз он мне звонил сегодня утром.

— Но ведь утром мы с тобой уже виделись?

— Виделись. После этого он и позвонил. Как только я приехал на работу. — Сашка явно тянул с объяснением.

— И что ему нужно? — спросил я.

— То же, что было нужно все эти два месяца. Игорь Кириллович.

Сначала я не понял, в чем дело. Посмотрел на Сашку:

— Игорь Кириллович?

— Да. Ну не сам Игорь Кириллович. Его адрес. Телефон. Любые позывные. Проще говоря, наводка. Понимаешь?

— Понимаю. — Сказав это, я посидел, обдумывая услышанное. Вадиму Павловичу нужен Игорь Кириллович. Ясно, Вадиму Павловичу нужен не собственно Игорь Кириллович, а человек, подвозивший Юру и Женю. Даже не человек, а наводка на этого человека. Вадиму Павловичу нужна наводка на меня. Значение слова «наводка» я отлично понял. Игорь Кириллович, то есть я, не должен знать, что кто-то его ищет. Помедлив, я спросил:

— Что же ты раньше ничего не говорил?

— Не говорил, поскольку думал, что отобьюсь. Ну а сегодня он мне поставил ультиматум: или я даю ему наводку на Игоря Кирилловича, или он из меня эту наводку выбьет. Насколько я понял, вчера или сегодня у Вадима Павловича что-то произошло. И теперь Игорь Кириллович нужен ему позарез. Так что он от меня не отстанет.

— Ну и что ты собираешься делать?

Сашка посидел, закусив губу. Пожал плечами:

— Зачем Вадиму Павловичу Игорь Кириллович — двух мнений быть не может. Игорь Кириллович — свидетель, совершенно не нужный Вадиму Павловичу. Так что, как только Вадим Павлович выяснит, кто такой Игорь Кириллович, узнает или поймет, что это ты, он постарается как можно скорей тебя убрать.

— Приятная перспектива.

— Называй, как хочешь. Но в этой ситуации есть еще один нежелательный свидетель.

— Кто же это?

Сашка провел ладонями по лицу, будто умываясь.

— Я. Твой покорный слуга. Александр Чирков. Вадим Павлович отлично понимает: человек, подвозивший Юру и Женю, наверняка все мне рассказал. Так что в принципе я знаю примерно то же, что и он. То есть ты. Но пока я могу спать спокойно. Моя очередь послз тебя. Мной Вадим Павлович займется, только когда я выдам ему Игоря Кирилловича. Так что мы должны держаться друг за друга.

— Может, он не займется? Ни мной, ни тобой?

— Займется. Похоже, на этом трейлере он заработал огромные бабки. И терять их из-за каких-то вшивых свидетелей вроде нас с тобой ему нет смысла.

— Но ведь есть еще свидетели Юра и Женя.

— Юра и Женя не свидетели, а сообщники. Это во-первых. Во-вторых, они никогда не выдадут Вадима Павловича.

— Считасшь, не выдадут?

— Тут считать нечего. Они ведь знают: если они это сделают, им крышка. Срока Юра и Женя не боятся. А вот Вадима Павловича очень даже. Потому что он и его кореша такого не простят. Найдут их на дне морском и устроят хакари.

Некоторое время Сашка бесстрастно разглядывал толкучку у касс кинотеатра.

— Так что Юра и Женя будут молчать. А вот будем ли молчать мы с тобой... В смысле — буду ли молчать я и Игорь Кириллович, он не уверен. Поэтому и сказал сегодня: если я не дам ему наводку на Игоря Кирилловича, я должен готовиться к худшему.

— Что это значит — «готовиться к худшему»? Он расшифровал?

— Расшифровать его слова нетрудно. Я должен его ждать, начиная с этой ночи. Одного. Или с бомбардирами. Ну и там они посмотрят, что лучше с мной сделать. На первый раз.

— Ну а что они могут с тобой сделать?

— Не знаю. В виде первого предупреждения могут прострелить ногу. Или отбить почки.

Я посмотрел на Сашку. Он сидел, не глядя на меня, откинувшись на сиденье. В серьезности его слов я не сомневался. Поэтому спросил после короткой паузы:

— Но тогда надо же что-то делать? У тебя самого есть какие-то мысли?

— Есть. Но сначала предлагай ты.

Я посидел, прикидывая, что же здесь можно сделать. Ясно, силы в этой ситуации явно не равны. Нам с Сашкой противостоит не только Вадим Павлович, но и его кореша. Причем наверняка у каждого из этих блатняков есть шестерки, готовые сделать все, что им прикажут. Прострелить ногу. Отбить почки. Просто убить.

Но, с другой стороны, ведь нас с Сашкой тоже так просто не возьмешь. В конце концов у нас есть друзья, среди которых попадаются довольно крепкие ребята. И если дело дойдет до сшибки, они сами могут кому угодно отбить почки.

Впрочем, посидев еще, я понял: надеяться, что от Вадима Павловича нас могут защитить друзья, глупо. Любой из дру-

зей придет нам на помощь, если, допустим, мы ему позвоним. Но никто из них не сможет постоянно находиться с нами рядом. Значит, рассчитывать мы можем только на себя.

Что ж, подумал я, ведь мы с Сашкой сами по себе тоже кое-что значим. В конце концов у нас ведь есть машины. Если Вадим Павлович хочет кого-то из нас подловить, пусть ловит. В случае необходимости у меня найдется множество адресов, по которым мы с Сашкой можем ночевать круглый год. И где нас не найдет никакой Вадим Павлович. Кроме того, не нужно забывать, Вадим Павлович сам скрывается от милиции и прокуратуры. Так что еще неизвестно, кого раньше подловят. Подумав об этом, я сказал:

— Саня, я правильно понял: Вадим Павлович объявил нас с тобой вне закона?

— В общем правильно.

— Так давай и мы объявим его вне закона? Допустим, почему бы нам просто-напросто не заявить о нем в милицию?

Сашка посидел в задумчивости.

— В милицию... — Кажется, он в чем-то сомневался. — В милицию... Ну, в принципе мысль правильная.

— Что, у тебя какие-то сомнения?

— Никаких сомнений у меня нет. Сдать Вадима Павловича в милицию — единственное наше спасение. Иначе нам крышка. Рано или поздно он нас достанет. Но как это сделать? — Сашка посмотрел на меня. — Выйти и из автомата позвонить в милицию?

— Н-ну, хотя бы.

— Хорошо, мы сейчас позвоним в милицию. И что мы им скажем? Мол, нам угрожает бандит? Поймайте его?

Я промолчал. Лишь сейчас до меня дошло, что имеет в виду Сашка. Сашка вздохнул:

— Не так все просто. Мы должны его сдать. Но сдать, не заявляя в милицию. Лично я никаких позывных Вадима Павловича не знаю. Где он может быть, для меня полная тайна. Ну и как только мы позвоним в милицию, нас спросят: ребята, а вас-то что связывает с этим человеком? Почему он выбрал именно вас? Ну и начнется раскрутка. Причем раскрутка солидная.

Мы посидели молча. Сашка прав: звонить самим в милицию, во всяком случае сейчас, бессмысленно. Вадима Павловича наверняка давно уже ищут. И не могут найти. Если мы позвоним, нас тут же вызовут и начнут допрашивать. Не знаю, как Сашка, но лично я совсем не рвусь еще раз встретиться со следователем.

— И что ты предлагаешь?

— Надо хорошо продумать, как сдать Вадима Павловича, не заявляя при этом в милицию.

— Но если мы сдадим Вадима Павловича, он ведь может тебя заложить?

Сашка потер подбородок:

— Ты имеешь в виду пластическую операцию?

— Да. Он запросто может расколоться, если его прижмут.

— Сомневаюсь насчет того, что Вадим Павлович может расколоться. Но дело даже не в этом. Раньше, чем он, расколуюсь я. Все равно ведь от этого никуда не деться. Рано или поздно

мне придется все рассказать милиции. Сама по себе такая операция уголовным деянием не является. Я ведь не знал, с какой целью пациент хочет изменить внешность.

Мы посидели молча. Сашка тронул меня кулаком в плечо:

— Насчет же твоей поездки... мне кажется, все чисто. Они тебя больше не вызовут. Но если вдруг они что-то пронюхают, учти: ты ведь тоже не знал, кого и зачем отвозишь. Так что если тебя очень уж прижмут, смело можешь все рассказать.

— Ну а поддельные документы?

— Объяснишь, что использовал их вынужденно. Поскольку не желал в дальнейшем связываться с подозрительными личностями.

— Но все же должна же быть какая-то статья? За использование поддельных документов?

— Есть такая статья. Сто девяносто шестая. По ней тебя должны оштрафовать на тридцать рублей. И все. С этой статьей я сталкиваюсь чуть ли не каждый день. По роду работы.

— Значит, нам нужно бояться только Вадима Павловича?

— И его нам не нужно бояться. Вернее, не нужно было бы, если бы не Вера и ее возможная связь с Вадимом Павловичем. Ведь это путает нам все планы. — Сашка потер лоб. — Серега, я немного подумаю. Ты не против?

— Ради бога. Думай, сколько хочешь.

Сашка сунул руки в карманы и застыл на сиденье. Я принялся рассматривать вечернее Садовое. Было еще светло, но уже зажглись первые фонари. Впереди, перед светофором, заворачивал и тормозил поток машин.

Наконец Сашка сказал:

— Я уже говорил, никаких позывных Вадима Павловича я не знаю. Но однажды видел его на Сенеже. Случайно. Примерно год назад. Он шел от озера к остановке автобуса.

— И что из этого?

— Ничего. Разве только то, что в дачный кооператив меня устроила Вера, у которой есть связи в Солнечногорске. Если Вера и Вадим Павлович действуют заодно, для нас это очень плохо. Потому что в таком случае получается: мы с тобой пешки. Маленькие пешки в большой игре. — Он посидел молча. — Практически Вадим Павлович обо мне ничего не знает. Только адрес и место работы. Вера же... Вера знает обо мне все. Если это так, получается, она и навела на меня Вадима Павловича.

— Понимаю.

— Значит, она в конце концов может догадаться, что Игорь Кириллович — ты.

— Может, она уже догадалась?

— Нет. Иначе бы Вадим Павлович мне сегодня не звонил. — Сашка застегнул «молнию» на куртке. — Серега, у тебя много приятелей, у которых я мог бы переночевать?

— Ну, человек десять найду сразу.

— Десять не нужно, нужен один. Но при этом он не должен меня знать, и надо, чтоб он жил недалеко от тебя.

Я попытался вспомнить знакомых, живших недалеко от меня.

— Есть такой, Володя Глинский. У него мастерская в Сокольниках,

— С телефоном?

Я подошел к телефону-автомату и набрал номер Глинского. Как я и предполагал, разговор оказался коротким: Глинский сообщил, что в мастерской у него два дивана, ночует он по-прежнему дома, так что если мы с Сашкой не брезгуем, можем приезжать. Через три дня он вообще уезжает на месяц в Прибалтику, так что может нам оставить на этот месяц свою мастерскую.

Мастерская Глинского размещалась в старом доме на Сокольнической заставе. Оставив свои машины около невзрачного деревянного подъезда, мы с Сашкой спустились в подвал и остановились у обитой оцинкованной жестью двери. Я нажал кнопку звонка, послышались шаги, стук запоров, скрежет щеколды. Наконец дверь открылась: за ней стоял Глинский, маленький, щуплый и бородатый. Мы обнялись. Пропустив нас в крохотную мастерскую, Глинский бесстрастно оглядел Сашку.

— Ночевать будете вы?

— Я. Зовут меня Саша. Фамилия Чирков.

— Раз вы друг Сержа, я обошелся бы и без фамилии. — Порывшись в карманах широкой вязаной кофты, Глинский вытащил брелок с ключами. Отцепил один. — Держите, ключ от мастерской. — Подождал, пока Сашка спрячет ключ. — Второй у меня. Приходить можете, когда хотите. Вы, вообще, рано встаете?

— Зависит от дежурства. Завтра, например, мне к девяти.

— Значит, не увидимся. Я обычно прихожу к одиннадцати. — Глинский спрятал брелок. — Все, братцы, ухожу. Располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Где, что, чего — Серж знает. Саша, у меня тут не очень. Туалет, раковина, электроплитка, и все. Горячей воды нет, холодильника тоже. Обойдетесь?

— Володя, все прекрасно. Спасибо за уют.

— Не за что. Через три дня меня здесь не будет. Так что, если необходимость в ночевках отпадет, можете просто оставить ключ на подоконнике и захлопнуть дверь. Серж, рад был тебя видеть. — Похлопав меня по плечу, Глинский открыл входную дверь. Сашка бросил вслед:

— А если позвонят или придут?

— Без звонка не придут. Если же позвонят, скажите, меня нет. И спросите, что передать. Ну, чао, ребята. Если что, я дома.

Глинский исчез. Я посмотрел на Сашку:

— Как? Подходит?

— Не то слово. Идеальный вариант. — Плюхнулся на диван. Осмотрелся. — Я предлагаю тебе пойти на риск. Ради общего дела. Если тебе моя идея не понравится, можешь отказаться.

— Объясни сначала, что за идея?

— Идея довольно простая. Заманить Вадима Павловича и сдать в милицию. Видишь ли, каждый раз, когда Вадим Павлович пытался по телефону выяснить, кто такой Игорь Кириллович, я ему вешал лапшу на уши. Мол, пляжный знакомый, точного адреса не знаю, ну и в том же духе. Сегодня я ответил ему примерно то же самое — мол, могу сообщить только

внешние данные. На это Вадим Павлович выдал прямым текстом, что если до вечера не сообщу ему все, что знаю об Игоре Кирилловиче, я горько пожалею. Как видишь, вечер наступил, скоро восемь. Вадим Павлович наверняка уже несколько раз звонил мне домой. Ну и если он меня так и не застанет, а он меня не застанет, то вполне может к ночи занять пост у моего дома.

— Но ведь он может подстеречь тебя на работе?

— Может, я об этом думал. И все же вряд ли он решится на это, ведь около моей работы слишкомлюдно.

— Значит, он будет тебя искать по всей Москве?

— Точнее — по моим точкам. Допустим, если он знает Веру, будет искать эти точки с ее помощью. Если же не знает... Что ж, попробует выследить меня самостоятельно. Естественно, не один, а с помощью шестерок. Начнут они с моей машины, тачка у меня заметная, засечь ее нетрудно. Так вот, по моему плану, каждый вечер я буду ставить тачку у твоего подъезда. Дом у тебя с галереями. Войдя вместе с тобой в подъезд и перебравшись по галерее, я затем буду незаметно выходить из другого подъезда и возвращаться сюда, в мастерскую Глинского. Ну и мы оба начинаем ждать. Ты у себя в квартире, я в мастерской Глинского. Понимаешь, почему мы должны ждать в разных местах?

— Чтобы я мог тебе позвонить в случае появления Вадима Павловича?

— Да. Но не просто позвонить, а позвонить условным звонком. Вадим Павлович хитер, как змей.

— Но он ведь услышит, как я буду набирать номер?

— Не услышит, если сразу после звонка в дверь тыпустишь воду в ванной. Или, допустим, выведешь магнитофон на полную мощность. Попросишь подождать, объяснив, что хочешь убрать звук. В этот момент подходишь к телефону и набираешь номер мастерской Глинского. Или звонишь мне на работу, если я там. И, услышав меня, стучишь пальцем по мембране.

— Ясно, — наконец сказал я. — Ну а дальше?

— Снова подходишь к двери. И как можно дотошней начинаешь выяснять, кто пришел. Короче, удерживай его около двери, чтобы успела подъехать милиция.

— Ну а если милиция начнет расспрашивать? Что говорить?

— Говори все как есть. Скрывать нам нечего.

— И про поездку с Юрой и Женей тоже говорить?

— Про поездку... — Сашка задумался. — Про поездку пока воздержись. Понимаешь, почему?

— Почему?

— Из-за Вадима Павловича. А также Юры и Жени. Если кого-то из них возьмут, а другой останется на свободе... И мы начнем их валить, они нас точно прирежут. Так что для нас будет лучше рассказать про эту поездку как можно позже. Когда мы будем знать точно: их всех взяли. Всех до одного.

Сашка замолчал. Потом встал.

— Ладно, Серый. План у нас есть. В остальном же не будем ломать себе голову.

Мысль, что Новлянская все же как-то связана с Вадимом Павловичем, не оставляла Рахманова. Но чтобы разобраться в этом, ему надо было сначала выяснить истинную роль Лотарева. Именно поэтому Рахманов решил выехать на Сенеж не мешкая и проверить алиби Лотарева лично.

Когда «уазик» ГУВД остановился у базы и Рахманов прыгнул на землю, тут же у одного из домиков раздался яростный собачий лай. Натягивая закрепленную на проволоке длинную цепь, крупный молодой пес, угрожающе рыча, бросался на сетку, вставал на задние лапы. Пес был чистокровной немецкой овчаркой.

— Эй! Есть кто-нибудь? — крикнул Рахманов.

Собака продолжала лаять и крутиться, явно пытаясь сорваться с цепи. На призывы Рахманова, повторенные несколько раз, никто не ответил. Обойдя забор, Рахманов подошел ближе к воротам. Крикнул что было сил:

— Эй, люди! Отзовитесь!

На этот раз его услышали. У среднего домика стукнула дверь, зашуршали шаги по гравию дорожки. Наконец из-за домика вышел невысокий худощавый человек, одетый в свитер грубой вязки и джинсы. На вид ему было около шестидесяти. Остановившись, человек крикнул: «Дик, молчать! А ну, кому сказали?» Тявкнув, собака замолчала. Человек посмотрел на Рахманова:

— Слушаю вас.

— Простите, можно кого-нибудь из служащих?

— Я служащий. По какому вопросу?

— Я из прокуратуры. Мне нужно с вами поговорить.

Человек подошел к сетке, блекло-серые глаза стали напряженными.

— Интересно, что это может у нас понадобиться прокуратуре?

— Ничего особенного. Просто мне нужны ваши свидетельские показания. Вы выйдете? Или я зайду? Как вам удобней?

Человек оглянулся на машину, снова посмотрел на Рахманова. Склонил голову набок:

— Ну, пожалуйста, заходите.

Пройдя в калитку у ворот, Рахманов показал удостоверение:

— Рахманов Андрей Викторович. Следователь прокуратуры.

— Голиков Николай Иванович. Работаю здесь сторожем.

Рахманов достал фотографию Лотарева. Протянул:

— Посмотрите. Может, вы видели когда-нибудь этого человека?

— Ну-ка... — Взяв фото, Голиков отодвинул карточку на расстояние вытянутой руки. Прищурился, изучая снимок. — Вообще-то лицо вроде знакомое. Где-то я его видел.

— Не ошибаетесь? — Сказав это, Рахманов подумал: кажется, алиби подтверждается.

— Да нет. На память пока не жалуюсь.

— Ну а где вы его видели?

Голиков вгляделся повнимательней. Покачал головой:

— Вспомнил. Был он здесь. Кажется, в июле.

— Когда точно?

— Помню, был конец недели. В первой примерно декаде. У нас как раз заезд бывает. В конце недели.

— Чтобы легче было определить точное число, вспомните, может быть, в тот день что-то произошло?

— Произошло, — помолчав, сказал Голиков. — Мой зав. Иван Федорович ушел в отпуск седьмого. Седьмого была среда. Восьмого рано утром Иван Федорович собрал манатки и уехал.

— И когда же появился этот парень?

— Девятого.

— Почему именно девятого?

— Ну, в четверг и пятницу я закрутился без Ивана Федоровича. К заезду. А с пятницы на субботу как раз застукал этого парня на участке. Ночевать он к нам залез. Здесь же все закрыто, можно спать спокойно.

— Ну а до этого, в пятницу, он был здесь?

— Вроде был.

— Вроде или точно?

— Я ведь не фотографировал его. Да и лежка у него была основательной. Трава так и не поднялась. Значит, спал всю ночь. Он и потом здесь торчал, дня три. За забором. На пляже.

Из девятнадцати отдыхающих, находившихся на базе «Рыболов Сенежья» с 9 по 12 июля, Рахманову и Инчутину на следующий день удалось разыскать восьмерых. В течение двух дней каждый из этой восьмерки был допрошен. В итоге выяснилось: с 9 по 12 июля во время своего пребывания на базе допрошенные, так же как и Голиков, видели человека, изображенного на снимке. По словам допрошенных, все три дня этот человек почти неотлучно находился на пляже возле базы.

Рахманов еще позвонил в организацию, ведающую штатами базы «Рыболов Сенежья», в отдел кадров Мосстроя. Там ему сообщили: заведующий базой отдыха «Рыболов Сенежья» Шеленков Иван Федорович ушел в отпуск 7 июля этого года, на что есть соответствующий приказ. Таким образом, показания Голикова нашли еще одно документальное подтверждение. Записав номер приказа, Рахманов поинтересовался уже из чистого любопытства: почему отпуск заведующего базой длится почти три месяца? Беседовавший с ним инспектор отдела кадров ответил, что Шеленков уже второй месяц не возвращается из отпуска. Если он не даст о себе знать в самое ближайшее время, они будут вынуждены уволить его как злостного прогульщика. Подумав, Рахманов на всякий случай записал на перекидном календаре: «завбазой — прогул — выяснить». И решил, как только выдастся свободная минута, попросить Солнечногорскую райпрокуратуру выяснить, чем вызвана задержка с возвращением из отпуска Шеленкова.

Судя по всему, 9-го днем Лотарев действительно был на озере Сенеж.

Вывод был вскоре подтвержден Жильцовым, закончившим вместе со специально созданной опергруппой проверку обстоятельств, связанных с машиной Лотарева. Им были опрошены жильцы дома, владельцы машин и стоящих во дворе гаражей. Согласно этим показаниям утром 8 июля Лотарев вышел из подъезда и, усевшись в подъехавшую к дому машину «Жигули» 2109 золотистого цвета, укатил в неизвестном направлении. За рулем машины сидел парень, с которым, по словам

жильцов дома, Лотарев находится в приятельских отношениях. Имени, фамилии, места жительства и работы этого парня жильцы не знают, однако много раз видели, как он подъезжал к дому на той же самой машине. Появлялся или нет после этого Лотарев дома, жильцы сообщить не смогли. Однако его машина, «Жигули» шестой модели светло-серого цвета с номером «о 79—82 МО», осталась стоять на своем обычном месте перед домом. Днем к ней подошел человек, которого никто в доме не знает. Среднего роста, без особых примет. На вид человеку было около пятидесяти лет. Открыв дверь машины своим ключом, человек сел за руль так, будто это его машина, и уехал. На свое место машину Лотарева поставили на следующий день, в пятницу, 9 июля, поздно вечером. Сделал это человек тоже лет пятидесяти, напоминавший, по описаниям некоторых жильцов, Игоря Кирилловича. Сказать, похож ли этот человек на человека, который увел машину накануне, жильцы затрудняются. Однако все они, в том числе и соседи Лотарева по подъезду, заявили: человека, поставившего машину на место, они возле своего дома также ни разу не видели. После того как этот человек ушел, машина простояла на своем обычном месте до понедельника. В понедельник 12 июля, в первой половине дня, в машину сел появившийся наконец Лотарев.

На следующий день вернулся Саенко, ездивший в Шатуну допрашивать Меднову. Усевшись за стол, Саенко сказал:

— Андрей Викторович, Меднова при допросе все показания Лотарева подтвердила. Но, понимаете, при этом она сказала, что девятого июля Лотарев звонил ей по междугородной, причем из Смоленской области.

Рахманов посмотрел на Саенко; тот устало усмехнулся:

— Интересная новость. Да?

Новость действительно была неожиданной, тем не менее Рахманов сказал спокойно:

— Что это точно было девятого, ты проверил?

— Проверил. На междугородной сказали: звонок зафиксирован девятого июля, в семнадцать сорок. Звонили из населенного пункта Бараново Сафоновского района Смоленской области.

Некоторое время Рахманов раздумывал. Похоже, все его прежние выводы никуда не годятся и все надо начинать заново.

— Где это Бараново, ты выяснил?

— Выяснил. Сафонов примерно в четырех часах езды от Смоленска, в сторону Москвы. Поселок Бараново недалеко от трассы. В двух километрах.

— Ну а междугородная зафиксировала, кто звонил?

— Фамилия говорившего не зафиксирована.

— То есть что это звонил Лотарев, сказала сама Меднова?

— Сама Меднова.

Рахманов посмотрел на Жильцова.

— Виталий, завтра утром выезжаешь в Бараново. Примерную задачу представляешь?

— Представляю. Поработать в переговорном пункте?

— Да. Нам нужны свидетели. Причем чем больше ты их доведешь, тем лучше,

Услышав звонок междугородной, Рахманов снял трубку.

— Слушаю? Привет, Виталий. Что там у тебя? Что-нибудь нашел?

— Кое-что. По описаниям телефонистки и свидетелей, девятого июля Медновой звонил Игорь Кириллович.

— Интересно. А Лотарев? Был он там?

— Лотарева здесь никто не видел.

Выяснив у Жильцова детали, Рахманов положил трубку. Посмотрел на Инчутина и Саенко:

— Слышали?

— Слышали, — сказал Инчутин. — Насколько я понял, Медновой звонил Игорь Кириллович?

— Точно. Игорь Кириллович собственной персоной.

Сейчас Рахманов и сам не понимал, кто же в действительно-сти звонил из Баранова. Сказал, обращаясь к Саенко:

— Интересно, завтра Меднова еще будет на картошке?

— Ну, гарантий нет. Но вообще-то должна быть.

— Значит, завтра с утра поедешь за ней.

— Завтра? Может, лучше сегодня? Для верности?

— Ни в коем случае. Если ты привезешь ее сегодня вечером, она за ночь сговорится с Лотаревым. Нужно привезти завтра. Причем желательно между двумя и тремя часами дня. Лотарева мы вызовем на два.

На третье утро после того, как Сашка переехал к Глинскому, я работал дома над незавершенным эскизом. Вдруг позвонили в дверь. Я отлично знал, что сам я никакого интереса для Вадима Павловича не представляю, и все же, выведя на всякий случай магнитофон на полную мощность, подошел к двери и пригнулся к глазку. Мне достаточно описывали Вадима Павловича. Вглядевшись, я понял: похоже, что сейчас за дверью стоит именно он. На человеке был серый плащ, в правой руке он держал бумажку. Магнитофон ревел во всю мощь, и, стараясь перекрыть его, я завопил:

— Кто там?

Человек давно уже видел, что я его разглядываю. Услышав мой крик, он сказал спокойно:

— Телеграмма.

Мне показалось, в его голосе прозвучала особая интонация, нечто среднее между уверенностью и безразличием. Может быть, почтальоны ведут себя именно так, но мне эта интонация не понравилась. Чуть выждав, я сказал:

— Кому телеграмма?

— Лотареву.

Откуда он знает мою фамилию? Узнал у соседей? Или у Веры? Вдруг я понял: меня охватывает страх. В том, что это Вадим Павлович, я уже не сомневался.

— Подождите! — крикнул я. — Я не слышу. Сейчас уберу звук!

Вадим Павлович не отреагировал. Собственно, он и не должен реагировать, подумал я, ведь он играет роль почтальона. Вернувшись в комнату, я снял трубку. Хорошо бы, чтобы Сашка был на месте. Он бы все понял. И все же, если Вадим Павло-

вич узнал мою фамилию у Веры, он запросто может меня сейчас пришить. Да и наверняка он пришел не один, а со своими шестерками. Им ничего не стоит выломать дверь и прирезать меня, пока Сашка будет раскачиваться со своей милицией.

Наконец трубку сняли, спокойный Сашкин голос сказал:

— Вас слушают.

Я осторожно щелкнул по трубке пальцем. Тут же услышал Сашкин голос:

— Серега, все понял. Постарайся задержать его подольше, хотя бы минут на десять. Не бойся, все будет в порядке.

В трубке раздалась гудки. Выключив магнитофон, я прислушался: на лестничной площадке тихо. Вернувшись к двери, прильнул к глазку. Вадим Павлович стоял на том же месте. Да, точно, он определил, что я и есть Игорь Кириллович. Продолжая смотреть в глазок, я спросил:

— Товарищ, вам что нужно?

Вадим Павлович приподнял руку с бумажкой:

— Вам телеграмма, распишитесь. У меня нет времени.

Сашка прав, вид у Вадима Павловича самый что ни есть заурядный. Впрочем, плавать я хотел на его вид, я должен его перехитрить, и только.

— Подождите секунду, я не одет. Сейчас переоденусь и открою.

— У меня нет времени. Пожалуйста, поскорей. — Вадим Павлович сказал это с абсолютно точной интонацией; именно так говорят почтальоны.

Отойдя к кухне, я посмотрел на часы: начало одиннадцатого. Проследив за секундной стрелкой, крикнул:

— Подождите, я сейчас!

Подожел к двери, посмотрел в глазок — никого нет. Попытался заглянуть вбок, забыв, что в смотровой глазок можно смотреть только прямо. Наконец крикнул:

— Эй, почтальон! Почтальон! Где вы?

Постояв еще с полминуты, я наконец понял: на лестничной клетке стоит мертвая тишина. Черт, неужели я его спугнул? Впрочем, Вадим Павлович и те, кто с ним пришел, могли просто-напросто затанцевать, рассчитывая ворваться в квартиру, как только я открою дверь. Что ж, пусть ждут, милиция должна вот-вот приехать. Что касается меня, я открывать дверь не собираюсь, во всяком случае, до момента, когда подъедет Сашка.

Наконец тишина на площадке сменилась звуками. Сначала я услышал, как едет лифт, потом из галереи донеслись мужские голоса. Приложившись к глазку, я увидел двух человек, вышедших на лестничную площадку, одного в милицеской форме, второго в штатском. Милиционер что-то сказал человеку в штатском, тот кивнул и побежал наверх. Открылась дверь лифта; из нее вышли Сашка и еще один милиционер. Я открыл дверь.

— Ну как? — спросил Сашка.

— Никак. Если ты о нем, он ушел.

Сашка чуть отодвинулся. Невысокий полный лейтенант кивнул:

— Участковый инспектор Шубин. В отделении мне сказали, у вас тут что-то происходит, К вам кто-то приходил?

— Да. Якобы почтальон с телеграммой, но он тут же ушел. Вы как, пройдете в квартиру?

Шубин посмотрел на второго милиционера и человека в штатском, который уже спустился.

— Ребята, можете идти. Я справлюсь один.

Двое уехали, мы вдвоем прошли в квартиру. Шубин присел в кухне на стуле, положил перед собой папку.

— Что ж, напишите объяснительную. Для начальства. И расскажите коротко, как все происходило.

Я начал рассказывать, Шубин делал вид, что слушает внимательно, но я видел: участковый всеми силами пытается скрыть смертельную скуку. Все понятно, для нас с Сашкой появление Вадима Павловича означало серьезную опасность, для Шубина же — совершенно неоправданный вызов. После того как я написал объяснительную, Шубин вложил ее в папку.

— Если случится что-то подобное, сообщите в отделение дежурному. Если я что-то узнаю, тоже вам сообщу. До свидания.

После ухода Шубина Сашка некоторое время сидел молча. Наконец сказал:

— Один раз милиция приехала. Ну а второй... Второй может и не приехать.

Мы посидели молча. Наконец Сашка встал.

— Ладно. Поеду на работу. У тебя дома все есть? Из еды? Сегодня тебе не нужно никуда выходить. До моего приезда.

Я посмотрел Сашке в глаза, он усмехнулся:

— Может, конечно, он еще и не просек, что ты Игорь Кириллович, но лучше подстраховаться. На всякий случай. Понял?

— Понял. Хорошо. Буду тебя ждать.

Сашка вернулся часов в семь. Спросил, войдя в комнату:

— Ну как, тихо?

— Тихо. А у тебя?

— У меня пока тоже. Честно говоря, я бы что-то съел.

— О чем разговор! У меня есть все для чая с бутербродами.

— Отлично. — Сашка прошел в кухню. Налил в чайник воды, взял спички. Достал заварку. Поставил чайник на конфорку, присел на подоконник. И в этот момент в дверь позвонили.

Сашка посмотрел на меня. Сказал шепотом:

— Спокойно. Проверь, кто это. А потом думать будем.

Я подошел к двери на цыпочках, прильнул к глазку. За дверью стоял парень лет двадцати восьми — тридцати. Обычный парень, среднего роста, среднего сложения, в куртке и водолазке.

Сашка тоже начал изучать парня в глазок. Шепнул мне на ухо:

— Спроси, что ему нужно.

— Кто там? Что вам нужно? — громко спросил я.

— Лотарев Сергей Леонидович здесь живет?

— Здесь. Что вам нужно?

Порывшись в кармане, парень достал какую-то бумажку.

— Вам повестка в прокуратуру. Меня просили передать.

Парень показал бумажку. Внешне она выглядела как повестка. Изучив в глазок бумажку, Сашка потер щеку:

— Ладно, приоткрой ему дверь, но не впускай.

Я приоткрыл дверь. Парень протянул бумажку:

— Вот. На корешке нужно расписаться, — Подождал, пока я

распишусь. Оторвав корешок, спрятал его в карман. — Извините, что побеспокоил. До свиданья.

Парень вызвал лифт и через несколько секунд уехал.

На бумажке было написано то же, что в первой повестке, полученной несколько дней назад. Что я, Лотарев С. Л., должен завтра, в четырнадцать ноль-ноль, явиться в Прокуратуру РСФСР. К следователю Рахманову.

Сашка постоял, что-то насмешливо. Сел верхом на стул.

— Серега, мне кажется, это знак судьбы. Нам надо покаяться. В прокуратуре. Поскольку к нам домой Вадим Павлович больше не придет, а попробует изловить на улице. Боюсь, то, что он сегодня к тебе пришел, было проверкой. По твоей реакции он понял, ты, а точнее — мы боимся. Насторожены. Поэтому он так быстро и смылся. Может, он уже просек, кто ты. Но дело не в этом. Главное — своими силами Вадима Павловича мы в милицию уже не сдадим. Остается одно: выложить прокуратуре все, что мы знаем. Чтобы они на него поскорее вышли.

— Выложить впрямую?

Сашка закрыл глаза руками. Посидел молча.

— Ты прав, сделать это нужно по-умному. Вообще-то более справедливым было бы, чтобы обо всем рассказал один я. Без тебя. А ты бы остался в стороне. Но, боюсь, практически это уже невозможно. Впрочем, давай договоримся так... Мы ведь не знаем, зачем они тебя вызывают?

— Не знаем.

— Вот и ладушки. Завтра ты туда пойдешь и посмотришь, что почем. Зачем они тебя вызвали. Ну и все остальное. И если увидишь: они пытаются что-то из тебя выжать, постарайся продать это подороже. У тебя есть козырь: полная затемненность. Утверждать, что Юру и Женю отвозил ты, прокуратура не может. Нет улик. И не будет, пока ты сам об этом не расскажешь. Алиби у тебя железное. Так вот, держись за него, как говоришься, зубами, ну а потом... Перед уходом прикинься, что у тебя возникли сомнения. Скажи: хочешь подумать. И приезжай ко мне. Ну и мы им позвоним. Уже вместе.

На следующий день я вышел из квартиры в половине второго дня.

Сашка уверял, что Вадим Павлович ко мне больше не придет. И все же, усевшись в машину и захлопнув дверцу, я почувствовал огромное облегчение. Похоже, Вадим Павлович меня всерьез напугал. Собственно, чего я боюсь? Выстрела? Того, что на меня внезапно налетят несколько человек? Но откуда они возьмутся? Ведь обстановка вокруг самая мирная. Играют дети, сидят бабушки и мамы. Я же все время настороже.

В прокуратуре Рахманов предупредил, что хочет восстановить кое-какие мои показания. И скучнейшим голосом начал расспрашивать, что я делал с 8 по 12 июля. При этом он заставлял меня описывать даже мельчайшие детали. Так, что я был вынужден рассказывать, что случилось в тот или иной день чуть ли не по минутам.

Наконец, когда стало ясно, что ничего нового я не сообщу, Рахманов замолчал. Поправил очки на маленьком носу, утонув-

шем в толстых щеках. Поморгал голубыми глазками, сказал: — Сергей Леонидович, мне кажется, у нас с вами сложились не такие уж плохие отношения. Давайте будем откровенны?

Я был спокоен. Ведь мы с Сашкой все уже решили. Сначала я «держусь зубами». Потом обещаю «подумать». Может, именно сейчас Рахманов и предоставит мне эту возможность?

— Ну, давайте.

— Тогда вспомните: девятого июля вы звонили Медновой? По междугородному.

Черт, как они это раскопали? Я действительно звонил Алене. Причем именно девятого. С дороги, из какого-то села. Я и названия его точно не помню. Барабаново? Бараново? Что-то в этом роде... Помедлив, я переспросил:

— Медновой по междугородному?

— Медновой по междугородному. Девятого июля. Звонили?

Я попытался понять: откуда они это узнали? Перебрав все варианты, подумал: им вполне могла сказать Алена. Ну да, если они к ней поехали. Хорошо хоть о том, где я был, Алена ничего не знает. Она уверена, я выезжал на халтуру. Значит, им это сказала Алена. Но ведь Алена могла и ошибиться, заявив, что ей звонил я. Там, в этом чертовом селе, я не оставил никаких координат. Главное — меня там не видели. То есть видели не меня, Сергея Лотарева, а некоего Игоря Кирилловича. Вот пусть и разбираются с этим Игорем Кирилловичем. Телефонные переговоры не фиксируются, это точно. Так что доказать, что звонил именно я, невозможно.

— Нет. Девятого Медновой я не звонил. Я был на Сенеже.

— Странно. А вот Меднова утверждает: вы ей звонили.

Я изобразил недоумение:

— Интересно. Что, она в самом деле это утверждает?

— В самом деле. Вот ее показания. — Рахманов взял со стола листок и протянул мне. — Ознакомьтесь, если хотите.

Значит, они ездили к Алене. В Шатуру. Я улыбнулся:

— Андрей Викторович, я верю, что Меднова могла это сказать. Но тем не менее она ошиблась. Девятого июля я ей не звонил. И десятого не звонил. И одиннадцатого. Потому что все эти дни был на Сенеже. Извините, но я даже не буду смотреть показания.

Рахманов внимательно взглянул на меня. Положил листок на прежнее место.

— Что ж. Раз вы считаете, что Меднова ошиблась, надо это выяснить.

Значит, им придется подождать, пока Алена приедет в Москву. Мне она наверняка позвонит раньше, чем им. Впрочем, может, они уже вызвали Алену в Москву?

Пусть. Мне и это не страшно. В любом случае в конце допроса я заявлю, что «подумаю». Алена же меня поймет. Даже если я буду настаивать на ее «ошибке».

Рахманов снял трубку, набрал номер. Сказал:

— Пригласите ко мне Меднову... Хорошо, жду... — Положил трубку. — Сейчас мы проведем очную ставку между вами и Медновой.

Алена уже здесь. Прекрасно. Уверен, она все поймет по одному взгляду.

Мы посидели с минуту. Наконец постучали в дверь, и вошла Алена. В своем сером спортивном костюме она была прекрасна. Глаза Алены немного сузились. И губы сделали нарек на движение, чуть заметный, предназначенный только мне. Это означало: будь спокоен. Я сделаю все, чтобы тебе помочь.

Алена села. Улыбнулась Рахманову:

— Добрый день.

Рахманов кивнул:

— Добрый день.

Посмотрела на меня:

— Здравствуй, Сережа.

— Здравствуй, — сказал я. — С приездом.

Дежурно улыбнулась, сделала вид, что изучает новую обстановку. Рахманов спросил, обращаясь к Алене:

— Вы знаете сидящего перед вами человека?

— Знаю. Это мой хороший знакомый. — Изобразила светскую улыбку. — Очень хороший. Сергей Лотарев.

Выяснив у Алены, давно ли мы знакомы и какие у нас отношения, Рахманов те же вопросы задал мне. После этого, сообщив, что между нами проводится очная ставка и за ложные показания мы будем привлечены к ответственности, тем же скучнейшим голосом поинтересовался: когда она последний раз со мной виделась, если мы с ней куда-то вместе ездили, куда и на чем, если находились врозь, каким образом общались. Убаюканная скучными вопросами, Алена подробно рассказала о моем звонке. Записав ее показания, Рахманов посмотрел на меня:

— Сергей Леонидович, что вы скажете по этому поводу?

— То же, что уже сказал. Меднова ошиблась. Я ей не звонил.

Алена без всякого интереса посмотрела на меня. Отвела глаза в сторону. Посидев так, сказала:

— Знаете, я сейчас подумала. Пожалуй, я действительно ошиблась. Это звонил не Лотарев.

Молодец, Алена. Если б я мог, я бы ее сейчас расцеловал. Хотя ее жертва напрасна. Все равно ведь я во всем признаюсь, Рахманов внимательно посмотрел на Алену.

— Не Лотарев?

— Не Лотарев.

— Выходит, вы отказываетесь от своих показаний?

— Отказываюсь. — Улыбнулась. — Я ошиблась. Мне звонил совсем другой человек.

Рахманов довольно долго смотрел в окно. Повернулся:

— Что ж, в таком случае очная ставка закончена. Пожалуй-ста, подпишите протокол. — Подождал, пока Алена подпишет протокол. — Посидите в холле. У меня будет к вам несколько вопросов.

Алена вышла, выразительно глянув в мою сторону. Рахманов снял очки, протер стекла.

— Сергей Леонидович, до очной ставки у меня были еще некоторые сомнения относительно вашей искренности. Но теперь... Теперь мне абсолютно ясно: девятого Медновой звонили вы. И сейчас вводите следствие в заблуждение. — Помедлив, Рахманов надел очки. — Вы ведь понимаете, что значит для следствия чистосердечное признание? — Он положил передо мной бумажный квадратик. — Узнаете?

Вглядевшись, я узнал квитанцию, которую когда-то заполнил, заказывая разговор с Аленой.

— Вам знакома эта квитанция?

— Нет, — автоматически сказал я. Тут же добавил: — То есть не знаю. Может, и знакома.

Казалось, голубые глаза Рахманова всего лишь рассматривают стену за моей спиной. Но я уже понял: безобидность этого взгляда кажущаяся. Взяв квитанцию, Рахманов вложил ее в папку.

— Учтите, квитанция будет отдана на почерковедческую экспертизу. Так что самое для вас благоразумное рассказать все.

— Андрей Викторович, разрешите немного подумать?

— Немного, это сколько?

— Ну, хотя бы несколько часов.

— Пожалуйста. Но не затягивайте раздумье.

Подписав мой пропуск, Рахманов встал. Выйдя вместе со мной, сказал сидевшей в кресле Алене:

— Елена Владимировна, я сейчас. Посидите еще немного.

Спустившись вместе со мной, Рахманов кивнул. Я ответил тем же и вышел на улицу. Сел в машину. Подумал: хлопот у меня явно прибавилось. Прежде всего надо срочно ехать к Сашке. Потом — Алена. Здесь, у прокуратуры, Вадим Павлович может не появиться. Но в городе? Ведь если он связан с Верой, то мог узнать, где учится Алена. Правда, вероятность, что Вадим Павлович будет ждать меня у иняза, мизерная. Уж тем более у Алениного дома. И все же... На всякий случай я внимательно осмотрел двор. Не заметив ничего подозрительного, стал ждать.

Минут через двадцать в подъезде прокуратуры показалась Алена с дорожной сумкой. После того, как она села рядом, я спросил:

— Ты что, прямо с картошки?

— Ну да. Следовательно ко мне приезжал позавчера. И вот сегодня снова появился. Привез прямо сюда. На машине из Шатуры. Представляешь?

Мы посидели молча, разглядывая осенний двор. Вдруг Алена уперлась лбом мне в плечо:

— Знаешь, мне почему-то кажется, что ты мне не рад.

— Еще как рад...

— У тебя серьезные неприятности?

Серьезные неприятности... Да на меня объявлена настоящая охота. Единственное, что меня сейчас занимает, это как подавить страх. Я боюсь и ничего не могу с этим сделать. Но вместо того чтобы объяснить все это Алене, я лишь прикоснулся губами к ее виску:

— Никаких неприятностей. Просто временные трудности.

Алену я высадил у ее подъезда. Нарочно подождал, пока она махнет мне с балкона. И поехал к Сашке в клинику.

Пропустив меня в свой кабинет и войдя следом, Сашка прикрыл дверь. Повернул торчащий в скважине ключ. Подождал, пока я сяду на стул. Сам уселся на медицинскую кушетку. Выслушав мой рассказ, несколько секунд молчал. Потом сказал:

- Серый, надо звонить в прокуратуру и сознаваться во всем.
- Надо — значит надо.
- Тогда так: звони сейчас своему Рахманову. Сообщи, что хочешь приехать к нему со своим другом Чирковым Александром Александровичем и рассказать все, ничего не скрывая. При этом учти: разговаривать вместе в прокуратуре не дают. Выслушивают каждого отдельно. Так что поставим друг другу одно условие.
- Какое?
- Условие простое: мы перестаем темнить. Говорим в прокуратуре все как было. Сдать в милицию Вадима Павловича можно только так. И не иначе. Давай проявим при этом элементарную щепетильность. Хорошо? Договоримся не впутывать в это дело лишних людей. И в первую очередь твоего друга Володю Глинского. Человек отдал нам мастерскую. Вообще, доверился. Думаю, вряд ли ему доставит удовольствие таскаться на допросы. Ну и все остальное. Согласен?
- Согласен. Собственно, я сам хотел тебе это сказать.

В прокуратуре, получив пропуска, мы поднялись к Рахманову. Войдя в кабинет, я первым делом представил Сашку:

— Андрей Викторович, вот Чирков Александр Александрович. Мой друг. О нем я вам говорил.

— Очень приятно. Садитесь. Я слушаю.

Мы уселись. Сашка посмотрел на меня.

— Андрей Викторович, Сергей объяснил мне, в чем дело. В общих словах. Хочу сказать сразу: во всем виноват я.

— В чем, во всем?

— В том, что я попросил Сергея отвезти этих двух ребят. Куда они скажут.

— Двух ребят, каких?

— Сергей сказал, что их зовут Юра и Женя.

— Юра и Женя... — Рахманов посмотрел на стол. — Зачем вам это было нужно — чтобы Лотарев отвез Юру и Женю?

— Мне это совсем не было нужно. Это было нужно... одному человеку.

— Какому человеку?

— Н-ну... я знаю только, что его зовут Вадим Павлович.

— Вадим Павлович... Это что, ваш знакомый?

— Нет. Года три назад я ему сделал операцию. Пластическую.

— Вы изменили ему внешность?

— Совершенно верно. Изменил внешность.

Рахманов замолчал, на этот раз надолго. Снял трубку, набрал номер телефона. Сказал:

— Алексей Михайлович, зайдите ко мне. Да, прямо сейчас.

Через минуту в кабинет вошел невысокий худой человек. Одна рука у него была скрючена.

— Алексей Михайлович... — Рахманов кивнул на Сашку: — Этот молодой человек — Александр Александрович Чирков хочет кое-что рассказать. Пожалуйста, допросите его.

Когда они вышли, Рахманов посмотрел на меня.

— Сергей Леонидович... Насколько я понял, вы тоже хотите что-то рассказать?

— Хочу.

Я рассказал все, что скрыл от Рахманова раньше.

Когда я сказал, что после ночевки на базе ко мне утром подошла собака, Рахманов вдруг оживился:

— Вы говорите, собака стояла рядом с вами и смотрела, как вы рисуете?

— Да. Стояла и смотрела. Можно сказать, любовалась.

— Странно. Даже не сделала попытки зарычать? Или уку-
снуть?

— На отдыхающих она не бросается.

— Ну а как же ночью? Когда вы перелезали через забор?

— Ночью ее привязывают. Я лез с другого конца. Так что меня она только услышала. Потявкала и замолчала.

— Понятно. Скажите, вы не помните ее кличку?

— Кличку... — Я попытался вспомнить, как же называл собаку сторож. — Кажется, Дик. Да, точно, Дик.

— Дик. Собаку зовут Дик.

— Правильно, Дик. И все же странно. На меня, например, этот пес бросался как бешеный.

— Что, прямо на территории базы?

— Нет, когда я стоял у сетки. Но на территории базы Дик тоже все время скалился. Думаю, если бы не хозяин, он бы меня наверняка разорвал.

— Странно. Хотя... — Я вспомнил, как Дик бросился на меня при попытке сложить и убрать этюдник. В последний день, когда за мной заехал Сашка, Рахманов поправил очки:

— Да? Хотя?..

— Ну... Этот Дик вообще странная собака.

— Что значит «странная собака»?

— Так, ни с того ни с сего на меня набросился. Хотя все дни до этого относился дружески.

— Интересно. Как же это было? И когда?

— В последний день. Двенадцатого июля. Когда все уехали.

Я рассказал, как Дик чуть не сорвался с цепи, пытаясь помешать мне убрать этюдник. Выслушав, Рахманов хмыкнул:

— Забавно. Только почему вы раньше об этом не рассказали?

— Что тут рассказывать? Подумаешь, собака взбесилась. Да и рассказывать об этом не было повода. Я ведь только сейчас сообщил, что уехал не на электричке, а на машине с Чирковым.

— Понятно... — Взяв ручку, Рахманов начал ее изучать. Положил. — Может, этот Дик на вас бросался, потому что не обучен?

— Не знаю... Вообще-то это матерая псина.

— Уж матерая... Спорить готов, ей не больше трех лет.

— Не знаю. Мне показалось, собака взрослая. Вообще, какое это имеет значение?

— В данном случае, наверное, вы правы. Никакого. Что ж, перейдем к вашей поездке в Москву.

Рахманов продолжил допрос. Причем в том же духе. Записывал каждое слово, уточнял детали. Наконец, закончив, передал мне протокол.

Когда я его подписал, попросил подождать в коридоре.

Выйдя, я сел в кресло. Минуты через три из соседней двери вышли Сашка и Алексей Михайлович. Алексей Михайлович кивнул:

— Ребята, подождите немного. Сейчас мы все с вами решим.

Запер дверь и прошел в кабинет Рахманова, Сашка сел рядом.

— Допросил он тебя?

— Допросил.

— Ну и как он с тобой?

— Я рассказал все, что знал. Он же, как всегда, цеплялся к каждому слову. А твой?

— Мой тоже. Я ему все выложил. Нарисовал даже два портрета Вадима Павловича. До и после операции.

Из двери кабинета Рахманова выглянул Алексей Михайлович:

— Ребята, зайдите.

Мы вошли и сели. Рахманов посмотрел на нас.

— Ну что, примем меры по обеспечению вашей безопасности. Сами же будьте предельно осторожны. Из Москвы в ближайшую неделю постарайтесь не выезжать. Если возникнет острая необходимость, командировка или что-то еще, предупредите. Естественно, если заметите что-то подозрительное, связанное с Вадимом Павловичем, тут же сообщите. Телефоны у вас есть.

— И долго оно будет? — спросил Сашка. — Обеспечение безопасности?

— Пока неделю, а там посмотрим. Одна просьба: никакой самодеятельности.

Сразу после того, как ушли Лотарев и Чирков, в кабинет Рахманова зашли Жильцов и Саенко.

— Виталий, ну что? — спросил Рахманов. — Проверил?

— Проверил, — сказал Жильцов. — Они действительно вызывали милицию. Начальник отделения был предупрежден. Ну и по звонку Чиркова сразу послал троих.

— Кто приходил, они не выяснили?

— Нет. Выяснили только, что никакой телеграммы в адрес Лотарева не поступало. Ну а так, они ведь не знали, что такой этот Вадим Павлович.

— Хорошо бы спрашивать жильцов. Может, кто-то из них его видел. Тем более у нас теперь есть его портреты, выполненные Чирковым. До и после операции. Леша, продемонстрируй.

Инчутин пустил по кругу два карандашных наброска. Подождав, пока Саенко и Жильцов их рассмотрят, Рахманов сказал:

— Оба рисунка нужно размножить. Виталий, тебе придется поехать по старым адресам.

— Понятно, — сказал Жильцов. — Додон и Люка?

— Да. Возмешь наброски и сегодня же вылетишь. В Сухуми и Кулунду. В Сухуми, кроме Люки, покажешь рисунки и остальным. Проводникам поезда, дежурным гостиниц. Не забудь и аэропорт. Леша, Слава, вы сегодня же покажите рисунки Ключеву, Шитикову, Азизову, Аракеляну. Вызовите на завтра Новлянскую, пусть посмотрит и она. Оба рисунка надо направить в ГИЦ.

— И в Солнечногорск, — сказал Инчутин.

— Ну, Солнечногорском займусь я. У меня там свои счета.

— Насчет Лотарева и Чиркова. Нужно ведь наблюдение? — заметил Саенко.

— Наблюдение уже есть, — сказал Рахманов. — Я позвонил в МВД. Но боюсь, наблюдение ничего не даст.

— Считаете, Вадим Павлович, знает, что Лотарев и Чирков были у нас? — сказал Саенко.

— Дело не в этом. Зачем ему лезть в петлю? Ведь в кармане у него семьсот тысяч. Лучшее, что он может сейчас сделать, — лечь на дно. И не дышать, пока все не успокоится.

— Тогда наше дело глухо? — спросил Инчутин.

— Ну есть еще варианты. Во-первых, Новлянская. Ей лечь на дно трудней. Во-вторых, версия, которой придерживаются Шитиков и Клюев, что главный организатор преступления Игорь Кириллович. Если мы с вами знаем, кто этот Игорь Кириллович, то Шитиков, Клюев и Вадим Павлович могут не знать.

— Значит, могут спать и видеть, как бы им добраться до Игоря Кирилловича, — сказал Саенко. — И, пришив его, снять все вопросы.

— Не исключено, что Вадим Павлович поэтому и пришел к Лотареву, — заметил Жильцов. — Для проверки. Иначе бы он не стал рисковать.

На Сенежское озеро Рахманов выехал следующим утром, на том же «уазике» и с тем же шофером. Он уже знал результаты опознания по рисункам, полученные от арестованных накануне вечером. Вадима Павловича, каким, по утверждению Чиркова, он был до пластической операции, не признал никто. Что касается второго рисунка, Азизов и Аракелян без колебаний опознали в нем Вадима Павловича. Шитиков же и Клюев заявили: людей, изображенных на обоих рисунках, они не знают.

На Сенеже «уазик» прежде всего подъехал к местному отделению милиции. При появлении Рахманова начальник отделения вызвал в кабинет двух участковых.

Когда Рахманов показал им перефотографированные рисунки, сделанные Чирковым, первый, изображающий Вадима Павловича до операции, после беглого осмотра был отложен. Изучив второй, старший лейтенант сказал:

— Ну-ка, ну-ка. Никак заведующий базой отдыха. А?

— Базой отдыха? — спросил Рахманов.

— Да. Как же она называется эта база... «Рыболов Сенежья». Сейчас скажу... его фамилия... Зовут-то его Иван Федорович, а вот фамилия... Как же фамилия... На «шэ»...

— Шеленков?

— Шеленков. — Участковый положил снимок. — Занимаетесь им?

— Пока нет. Но, похоже, буду. Давно он здесь у вас?

— Года два. Раньше работал на дальнем конце озера. В пансионате. На «Рыболов Сенежья» перебрался прошлой осенью.

— И что вы можете о нем сказать?

— Что о нем скажешь... Вроде тихий человек. Занимается своим делом. Спокойный, обходительный. Пьяным я его не ви-

дел. Насчет браконьерства тоже не замечен. Вообще-то он пожилой.

— Семья?

— Одинокий. Знаю точно, поскольку он там и прописан. На базе.

— Давно его видели?

— Признаться, давно. Последний раз, чтобы не соврать, кажется, в июле. Да, в июле. Тогда он в отпуск уходил.

— Насколько я знаю, там есть еще сторож. На этой базе.

— Есть. Голиков Николай Иванович. На Сенеже лет десять, если не больше. Еще и базы не было, а он уже работал.

— Также одинокий?

— Да нет. Правда, жена у него умерла. Но здесь, в Солнечногорске, дети, внуки. Так что живет он на два дома. Зимой в Солнечногорске, остальное время здесь, на озере. У вас что, подозрения? Насчет Голикова?

— Если честно, больше подозрений у меня набирается насчет Шеленкова. Что же касается Голикова... Меня интересует, могли ли он войти в сговор с особо опасным преступником?

— Этот особо опасный преступник... Уж не Шеленков ли? А? — Может, и Шеленков.

— Ну, да, ясное дело. Раз его портрет размножается.

— Так что вы думаете насчет Голикова? Можно ему верить?

— Не знаю. — Участковый хмыкнул. — Вообще-то Голиков — человек честный. Да и у всех на виду. Думаю, вряд ли он пойдет на сговор с преступником.

— Какие у вас с ним отношения?

— Нормальные. Все ж какой год толчемся рядом. На Сенеже.

— Мне с ним нужно сейчас поговорить. Поможете?

В «уазике» участковый сообщил Рахманову, что зовут его Михаилом Маркиным. Минут пять проехав вдоль берега, машина затормозила у ворот «Рыболова Сенежья». Когда Рахманов вместе с Маркиным подошли к забору, на них, как и в прошлый приход Рахманова, бросилась немецкая овчарка. Вглядевшись, Рахманов узнал старого знакомого, Дика. Посмотрел на Маркина:

— Собачка-то злющая. А?

— Раньше здесь другая была собака. Та зря не бросалась. Обучена была специально для базы.

— Куда ж она делась?

— Николай Иванович жаловался, пристрелили ее. — Маркин вгляделся. Крикнул: — Эй! Есть кто?

Собака, охраняющая «Рыболов Сенежья», интересовала Рахманова и раньше, но лишь из-за поисков несоответствий в показаниях Лотарева. Теперь же выясняется, собака здесь новая. А старую пристрелили. Интересно, когда и почему?

— Пристрелили?

— Ну да. Летом. — Маркин посмотрел на Рахманова. — Да у нас тут бывают такие вещи. Люди ж разные.

Послышались шаги, из-за домика вышел Голиков. Увидев Рахманова и Маркина, крикнул:

— Дик, лежать! — Кивнул: — Проходите. Ворота открыты.

— Как жизнь, Николай Иванович? — спросил Маркин. — Никто не обижает?

— Кто меня обидит? Я сам кого хочешь обижу. Проходите, проходите, здесь поговорим.

На территории базы Голиков сказал:

— По-моему, Андрей Викторович? Не ошибся?

— Не ошиблись.

— Давайте сядем вон на ту скамейку. Вы ведь наверняка снова что-то хотите узнать?

— Верно, хочу.

— Я, наверное, на бережку посижу, — сказал Маркин. — У причала. Если что, позовете.

Маркин ушел. Усевшись с Голиковым, Рахманов спросил:

— Николай Иванович, ваш заведующий еще не вернулся?

— Заведующий? — Не дождавшись ответа, Голиков поднял камешек. Швырнул. — Пока нет.

— Вы ведь хорошо его знаете?

— Ну, знаю. Год все же вместе. Часом, с ним не случилось ли чего? Он ведь третий месяц из отпуска не выходит.

— А я у вас хотел спросить: почему он не выходит? Не знаете?

— Да нет. Пропал с концами. Я уже беспокоиться начал.

— Вообще-то вы могли сказать мне о пропаже Шеленкова раньше. При нашем первом разговоре.

— Раньше? — Голиков покачал головой. — Вы же в прошлый раз ни словом не заикнулись о Шеленкове. Интересовались каким-то художником. Что ж мне лезть, если меня не спрашивают?

— Ну все же, пропал человек. Я бы побеспокоился.

— Теперь и я беспокоюсь. Тогда же думал, обойдется.

— Расскажите, что это за человек?

— Шеленков-то? — Голиков задумался. — Ну, в общем, человек он неплохой. Правда, молчун. Бывает, за весь день слова не вытащишь. В душу зря не лезет, дело свое знает. И главное — от работы никогда не отлынивает.

— А что входит в его обязанности? Как заведующего?

— Это только так... звучит громко: заведующий. У нас же здесь, на базе, вся работа поровну. Неважно, кто ты: сторож, заведующий. Ну что мы здесь делаем... Принимаем отдыхающих. Следим, чтобы всюду был порядок. Инвентарь бережем, причал, лодки, все остальное. Чистоту поддерживаем. Так что с Иваном Федоровичем мы всегда честно делили все трудности. Без обмана.

— Что, Шеленков прямо тут и живет? На базе?

— Да. В этом самом домике. Справа моя комната, слева — его. Тут у него все: дом, работа, имущество. Вон его окно, видите?

— Вижу. Какие-нибудь родственники у него есть?

— Никого. Круглый бобыль. Он мне рассказывал: жена его лет пять назад умерла.

— Где, не знаете?

— Где-то на Севере. Детей у них не было. Так он говорил.

— Хоть письма-то ему приходят?

— Нет. За весь этот год ни одного.

— Ну а знакомые? Приезжал к нему кто-нибудь?

— Да нет. Я не видел. Здесь уж точно все его знакомые, отдыхающие. С ними Иван Федорович и занимается.

— Здесь... А в Москве?

— В Москве... Вообще-то несколько раз он оставался в Москве. С ночевкой. Утром уедет, вечером следующего дня придет. Если он у кого-то ночевал, значит, этих людей знал.

— Вам он не говорил, у кого ночевал? Хотя бы намеком?

— Нет. Да и я у него никогда не спрашивал. Все равно бесполезно. Отмолчится.

— Ну а бывало, что он уезжал дня на три? На неделю?

Голиков задумался.

— Вы что-то вспомнили? — добавил Рахманов.

— Тут такое дело... Иван Федорович страдает радикулитом. Ну и этой весной, в мае, у него было обострение. Он и попросил меня по-дружески отпустить его подлечиться дней на десять. Нашел он какого-то чудо-врача в Москве.

— Где? В какой-то больнице?

— Не знаю. Знаю только, попасть к этому врачу трудно. А тут представилась возможность. Конечно, я отпустил. Работы мало, еще не сезон. А человек мучается.

— Имя, фамилию этого врача Шеленков не называл?

— Нет. Сказал только, что тот сделал ему какой-то особый массаж. И дал мазь. Он этой мазью потом нахвалиться не мог.

— И какого мая Шеленков уехал? К лекарю?

— Сейчас... — Голиков помолчал. — Уехал он, кажется, седьмого. Перед праздниками. Точно, седьмого. Вернулся же, соответственно, через десять дней. Семнадцатого.

— Не помните, когда именно? Днем, вечером?

— Вечером. Поздно вечером, часов в одиннадцать.

Все совпадает. Седьмого мая Шеленков — Вадим Павлович вылетел в Сухуми. Восьмого встретился с Азизовым в ресторане «Тбилиси». Одиннадцатого или двенадцатого проверил кредитоспособность будущего «клиента», поговорив с Люкой. Наконец, семнадцатого, после решающего разговора с Азизовым, при котором были уточнены детали, вернулся в Москву.

— Николай Иванович, сейчас я вам покажу несколько фотографий. Посмотрите их внимательно. Если кого-то узнаете, скажите.

Рахманов протянул предусмотрительно захваченные фотографии. Здесь были фото Новлянской, Азизова, Аракеляна, Клюева, Шитикова и Чиркова.

Внимательно просмотрев их, Голиков покачал головой:

— Нет. Никого из этих людей я не видел. Хотя... — взял фото Чиркова. — Это лицо вроде где-то мелькало. Но где — не помню. Случайно, он не дачник? Здешний?

— Угадали, дачник. Здешний.

— Тогда встречался. Правда, не помню где.

— А из других никого не видели?

— Никого.

— Жаль. — Рахманов спрятал фото. Кивнул: — Собачка эта у вас давно?

— Дик, что ли? — Обернувшись, Голиков посмотрел на пса, который наострил уши. — Да нет. Месяца два. В августе я его взял. Из питомника.

— А до этого здесь была собака?

— Была. Тоже Дик... Ну, тот, вообще, был не пес, а чудо. Умней человека. Все понимал.

— Какой породы? Тоже овчарка?

— Нет. Помесь лайки и южнорусской овчарки. Такой огромный был псиде. Мохнатый. Одним словом, красавец. А нюх какой!.. Своего чувствовал за километр.

— Михаил сказал, что этот ваш Дик был обучен.

— Да. Чужого мог разорвать, своего слушался. Ну а отдыхающих не трогал. Стоит человеку поселиться на базе — все. Дик даже не зарычит.

— Куда же он делся?

— А-а... Лучше не спрашивайте. Какие-то сволочи пристрелили.

— Как же это случилось?

— Вот так и случилось. Уехал я в Москву, на базе никого не осталось. Вернулся через пару дней. Ну и вижу, лежит. Как был на цепи, так и окошел. Я посмотрел — у него два пулевых отверстия. Одно на шее, другое прямо над ухом. Так только и могли его убить гады. Иначе б он не дался.

— Все же за что его так? Может, пытались ограбить?

— Да нет. Я проверил, все было на месте. Ничего не тронули. Увидели пса, стрельнули из мелкашки и ушли.

— И давно это случилось?

— В июле. Да, в июле.

— Какого июля, не помните?

— Сейчас... Четырнадцатого у нас получка... Четырнадцатого я и вернулся. А уехал на два дня раньше. Двенадцатого.

Интересно. Опять начинаются попадания в «десятку».

— Значит, Шеленкова уже не было?

— В том-то и дело. Иван Федорович ушел в отпуск восьмого. Если б на базе кто-то был, никто б Дика не тронул.

Шеленков. Почему бы и нет?.. Шеленков, он же Вадим Павлович — и убийство собаки. Здесь может быть какая-то связь. Впрочем, не какая-то, а самая прямая. После того, как операция с трейлером была закончена, главной задачей Шеленкова было скрыться, не оставив никаких следов. Но тогда вполне можно допустить, что Дик с его отличным нюхом мог представлять для Вадима Павловича реальную опасность. Допустим, собака вроде Дика могла, сама того не желая, привести к тайнику, если не привести, то помочь его обнаружить. Да мало ли что еще... Так что уничтожение Дика могло стать для Шеленкова жизненно важной задачей. Рахманов спросил:

— Николай Иванович, нет ли у вас каких-то примет, улик. Или, скажем, просто подозрений, что собаку пристрелил Шеленков?

— Шеленков? Да вы что? Никогда в жизни. Быть такого не может. Они жить друг без друга не могли. Дик и Иван Федорович.

— Это была собака Шеленкова?

— Да нет, Дик был моей собакой. Я взял его щенком, воспитал. Но когда приехал Иван Федорович, Дик случайно съел крысиную приманку. Ну и Иван Федорович его выходил. Отпанивал травами, ухаживал, как за малым ребенком. Я даже ревню-

вать начал. Иван Федорович Дика очень любил. Так что даже мысли такой не может возникнуть, что он его пристрелил. Да и ради чего? Зачем?

— Николай Иванович, а куда вы дели труп собаки?

— Ну... Так сказать, похоронил. Проще, зарыл в землю. Здесь, сразу за полянкой.

— Показать это место сможете?

— Конечно. А зачем вам оно?

— Придется извлечь труп собаки.

В распоряжении Рахманова оказался небольшой отряд из девяти человек. Разбив его на две группы, Рахманов с Голиковым, двумя конюхами и ветеринаром занялся осмотром места. Три милиционера и водитель, как более опытные, взяли на себя поиск гильз на территории базы.

Около часа обе группы ползали на четвереньках в поисках гильзы. Группа Рахманова обнаружила в песке немало окурков, спичек и даже монет. Но гильз не было. Рахманов уже подумывал о том, чтобы прекратить поиски, как вдруг услышал с территории базы крик Маркина:

— Есть гильза!

Маркин сидел на корточках у кустарника, росшего вокруг разбитой в центре базы клумбы. Посмотрев в его сторону, Рахманов подумал: если бы кто-то захотел застрелить сильную и умную собаку, лучшей точки для стрельбы он не нашел бы. Цепь позволяла собаке приблизиться до двух метров, и стрелять можно было без помех. И без промаха. Крикнул:

— Михаил, сидите там! Мы сейчас подойдем!

Пройдя на территорию базы, присел рядом с Маркиным. Вгляделся. Под кустом лежала гильза. Маркин кивнул:

— Кто-то наступил, землей была присыпана. Я наудачу пальцами землю счистил. Смотрю, она.

Гильза была небольшой, но не от малокалиберной винтовки, как думал Голиков. Скорее она подходила к пистолету. Рахманов оглядел подошедших:

— Я иду за фотоаппаратом. Остальные ищут вторую гильзу. Думаю, она где-то рядом.

Действительно, пока он ходил к «уазику» за фотоаппаратом, один из милиционеров нашел вторую гильзу. Она лежала под кустом у клумбы и также была вдавлена в землю, к тому же еще присыпана хвоей и палыми листьями. Ясно, тщательно ухаживавшему за дорожками, Голикову и в голову не могло прийти, что гильзы могут лежать именно здесь.

Вернувшись, Рахманов сделал своим «Зенитом-Е» несколько снимков гильз. После этого в присутствии понятых осторожно извлек гильзы из-под кустов.

При внимательном рассмотрении стало ясно: обе гильзы вылетели из одного и того же орудия. По виду они были близнецами. Маркировка на тыльной части подтвердила догадку Рахманова: обе гильзы калибра 6,35. Стреляли из пистолета иностранной марки.

Для Рахманова это было важно. находка опровергала мнение Голикова, что собаку убили просто так, без определенной цели.

Правда, стрелявший допустил небольшую оплошность, не подобрал гильзы. Но к этому его могли вынудить, например, спешка или темнота.

Положив гильзы в пакет, Рахманов занялся поисками убитой собаки. Место захоронения Голиков нашел быстро. Начали копать, и минут через десять в яме показался труп Дика. Вернее, то, что от него осталось.

Останки собаки были осторожно извлечены, завернуты в полиэтиленовую пленку и отвезены в отделение милиции. После вскрытия ветеринар обнаружил в голове и шее собаки две пули. Они в точности соответствовали двум найденным гильзам. Таким образом, можно было считать установленным: в собаку стреляли из пистолета калибра 6,35. Скорее всего из пистолета системы «Чешско-Збройовка». Или «Беретта».

Оформив протоколы двух осмотров и вскрытия, Рахманов вернулся в Москву.

В прокуратуре Рахманова ждали новости. Инчутин утром допросил Новлянскую. Изучив предъявленные ей два рисунка, Новлянская заявила: изображенных на рисунках людей не знает. При этом она снова категорически отвергла вероятность своего знакомства с Вадимом Павловичем. Впрочем, эта новость Рахманова не удивила, зато другая, из Кулунды, стоила многого.

Жильцов звонил днем. Слышно его было плохо, но разговаривавший с ним Саенко довольно быстро понял: изображенного на первом рисунке Вадима Павловича до пластической операции в Кулунде сразу же опознали. По утверждениям персонала Кулундинской ИТК, а также Алексидзе — Додона на рисунке был Николай Алексеевич Крыжко. Он же Крыж. Рецидивист Крыж отсидел в общей сложности в различных исправительных учреждениях, тюрьмах и ИТК около двенадцати лет. Несколько лет назад Крыж отбывал наказание здесь, в Кулунде, по статье сто третьей — за умышленное убийство. По словам работников охраны, среди заключенных ИТК Крыж был авторитетом. Крыжа боялись самые жестокие и сильные заключенные, беспрекословно выполнявшие все его приказы. При этом все знали: за Крыжом тянется «хвост» нераскрытых преступлений. В дальнейшем Крыж был этапирован из Кулундинской ИТК — в Марийскую АССР. Отсюда около пяти лет назад он совершил побег. Несмотря на объявленный вскоре всеобщий розыск, Крыжа не поймали, существовала даже версия, что он или погиб во время побега, или умер позже, ведь ему было уже под шестьдесят.

И вот след Крыжа обнаружился здесь, на Сенеже, а также в Смоленской области и в Сухуми после ограбления, принесшего Крыжу семьсот тысяч рублей. Ясно: на Сенеж он уже не вернется. Появившись у квартиры Лотарева и узнав, что отвозивший Юру и Женю пожилой человек на самом деле был приятелем Чиркова, Крыж скорее всего теперь ляжет на дно. Рахманов подумал: шансов определить место, где будет отсиживаться Крыж, у следственной группы практически нет. Пожалуй, шанс мог бы появиться лишь в одном случае: если бы ему, Рахманову, удалось доказать связь Крыжа с Новлянской.

Саенко уже успел съездить в ГИЦ и привезти несколько фотографий Крыжа.

Еще не открыв глаза, я прислушался. Стук посуды. Плеск воды. Кажется, Алена готовит на кухне завтрак. Встал с кровати, подошел к окну. Потянулся, сбрасывая сон. Интересно, какое сегодня число. Черт... Ведь сегодня восьмой день. Ну да. Восьмой день с того момента, как мы с Сашкой вышли из прокуратуры. За дни, проведенные в квартире Алены, я выучил наизусть все здешние ходы и выходы. Отсюда, с шестого этажа, этот двор отлично проглядывался. Интересно, есть ли в нем какие-то изменения после вчерашнего? Вроде нет. Стоявшие вчера под окном машины на своих местах. Вот моя, у края общего ряда, там же, где я вчера ее оставил. Убедившись в этом, я подошел к телефону, чтобы позвонить Сашке. Набрал номер, почти тут же услышал голос:

— Да?

— Саня, привет. Это я. Что у тебя?

— Пока ничего. А у тебя?

— Тоже.

— Ты все еще у Алены?

— Все еще.

— Передай горячий привет. И поцелуй за меня.

— Обязательно. Знаешь, Сань, сегодня я хочу переехать,

— Что так? Не созрел для семейной жизни?

— Не в этом дело. Просто хочу переехать. К себе или к Глинскому. — Мне показалось, что пауза затянулась, и я спросил: — Не возражаешь, если я перееду к Глинскому? В мастерскую?

— Ради бога. Это ж твой друг. Да и мне мастерская не нужна.

— Что, сам ты там уже не ночуешь?

Сашка довольно долго молчал. Вдохнул:

— Нет. Знаешь, мне кажется: Вадим Павлович отпал. Во всяком случае, на ближайшее время.

— Почему?

— Потому что он тоже ведь не дурак и давно уже все просек насчет прокуратуры. Он знает, что нас туда вызывали. Ну и наверняка давно уже смылся от греха подальше.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Ты хочешь сказать, к нам он больше не сунется?

— Не знаю, как потом, но в ближайшее время не сунется.

— Тогда я переезжаю к себе. Звони уже мне домой.

— Договорились. Созваниваемся.

Я положил трубку. И вовремя: почти тут же в комнату вошла Алена. Она была в длинном белом махровом халате, который ей очень шел, хотя и делал взрослее. Вообще, Алена сейчас выглядела потрясающе. Я сам не верил, что девушка, стоящая сейчас передо мной, может меня терпеть. И уж тем более любить.

— Привет, — сказал я. — Давно встала?

— Давно. Учти, я уже сделала гренки. И поставила омлет. Мыться пойдешь?

— Пойду. — Не удержавшись, я покосился в окно, Алена вздохнула:

— Я уже туда смотрела. Там все спокойно.

Сначала я не понял, что она хотела этим сказать.

— Что значит: «там все спокойно»?

— Ну то и значит: спокойно.

Что-то в ее голосе мне не понравилось. Будто почувствовав это, Алена улыбнулась, мягко обняла за шею, чуть пригнув голову, посмотрела в глаза:

— Не сердись, пожалуйста. Хорошо?

— Я не сержусь. Хотя я не понял твоих слов. В чем дело? Зачем ты смотрела в окно?

— Просто мне показалось: ты чего-то боишься.

— Боюсь?

— Ну, может, я не так выразилась. Остерегаешься.

— Чего остерегаюсь?

Алена отпустила мою шею, сунула руки в карманы.

— Ладно, прости, что лезу в твои дела, иди мойся. И приходи завтракать.

— Да лезь, пожалуйста. Просто ты вбила себе в голову то, чего нет.

Покончив с туалетом и одевшись, я прошел на кухню. Алена положила мне большой кусок омлета, придвинув чашку кофе. Усевшись, я спросил:

— Ты вообще как, торопишься?

— Нет. Первую пару я все равно пропустила. Так что времени вагон. Давай, а то остынет.

Мы начали есть. Завтрак проходил в молчании. Наконец после того, как мы оба закончили с омлетом, я сказал:

— Аленушка, друг мой, знаешь, я сегодня перееду к себе.

Алена поставила чашку, посмотрела исподлобья:

— Ты обиделся?

— Да нет, просто хватит мне кайфовать. А тебе пропускать первые пары. Да и вообще, надо работать, так ведь?

— Ну, так. А как же то?

— Что «то»?

Алена встала, подошла к окну. Сказала, не оборачиваясь:

— Ну... то, чего ты опасешься.

Допив кофе, я подошел к ней, обнял за плечи. Сказал, прикоснувшись губами к затылку:

— Алена, я ничего не опасюсь. Запомни это раз и навсегда.

— Опасаешься. Зачем играть в кошки-мышки? Ведь это видно невооруженным глазом. По утрам ты тщательно разглядываешь двор. Когда мы идем к машине, незаметно оглядываешься. В машине непрерывно следишь, кто едет сзади, будто чего-то ждешь. Будто за тобой кто-то гонится. Я понимаю, по каким-то причинам ты не хочешь об этом говорить.

Я молчал, не зная, что ей сказать. Алена передернула плечами:

— Сереженька, может, ты все же просветишь меня, что происходит? Я тебя очень прошу.

Я подумал: кажется, я должен наконец объяснить ей, в чем дело. Хотя бы вкратце.

— Хорошо. Если тебя это так уж интересует, последнюю неделю за мной и Сашкой охотились.

— Охотились — кто?

— Нехорошие дяденьки. Но сейчас уже они охотиться за нами не будут.

— Это какие-то бандиты? Уголовники?

— Алена, какая разница? — Я провел рукой по ее волосам. — Бандиты они, уголовники — не имеет значения.

— Сергей, ты что-то скрываешь?

— Ничего я не скрываю.

— Скрываешь. Как ты не можешь понять: я за тебя боюсь.

— И зря, ничего не бойся. Одевайся, и я отвезу тебя. А вечером позвоню, и куда-нибудь сходим.

Покончив с завтраком, я отвез Алену в институт. Потом подъехал к своему дому, оставил машину на обычном месте и поднялся к себе.

Признаться, я не исключал, что Вадим Павлович или его люди попробуют в мое отсутствие проникнуть в квартиру. Но все вещи были на своих местах. Мою квартиру никто не трогал.

Вслушав рассказ Рахманова, Жильцов спросил:

— Может, эта собака лаяла на что-то другое?

— Я думал об этом. Тогда к Лотареву на машине подъехал его приятель. Тоже наш свидетель, Чирков, в клинике которого ты только что был.

— Разве она не могла лаять на Чиркова?

— Могла. Но появление Чиркова не повод, чтобы рваться с цепи.

— Может, Лотарев все это придумал? Насчет собаки?

— Зачем?

— Когда это было? Летом? — Жильцов помолчал. — Знаешь, собака могла просто взъяриться от жары. Или по какой-то другой причине. Недаром говорят, что иногда собака лает и на собственную тень.

— М-да. — Рахманов посмотрел на Жильцова. — Может, ты и прав. — Услышав телефонный звонок, снял трубку:

— Слушаю?

Приятный женский голос сказал:

— Андрей Викторович? Это Меднова. Вы меня помните? Еще бы он не помнил Меднову... Девушка, тесно связанная с Лотаревым. Кажется, она взволнована.

— Конечно, помню. Слушаю вас.

— Андрей Викторович, вы могли бы меня сейчас принять?

— Принять? А по какому вопросу?

— Мне нужно с вами поговорить. Срочно. Очень срочно.

Да, она явно взволнована.

— Поговорить о чем?

— Это касается Лотарева. — Он помедлил, и она добавила: — Пожалуйста. Я вас очень прошу.

Вряд ли Меднова сможет рассказать ему что-то новое. Судя по ее тону, звонок вызван всего лишь беспокойством за Лотарева. Но поговорить он обязан.

— Вы сейчас где?

— Рядом с прокуратурой. На Петровке.

— Хорошо, приходите. Я предупрежу, вас пропустят.

Меднова появилась минут через пять, когда Жильцов ушел перекусить в буфет. Некоторое время она смотрела в окно, потом повернулась, уголки ее губ дернулись:

— Мне очень важно, чтобы никто не знал, что я сюда ходила. И особенно Лотарев. Я могу вас об этом попросить?

— Елена Владимировна, все зависит от предмета нашего разговора. Вообще, постараюсь сделать все, чтобы о вашем визите никто не узнал. Конечно, если это не пойдет во вред делу. Так что вы хотели сказать мне?

— Как бы вам это объяснить... — Меднова замолчала, поправила волосы. Усмехнулась: — Конечно, вы понимаете: я его люблю. Но дело не в этом. Я прошу помочь Сергею совсем по другой причине.

— По какой?

Меднова смотрела на него, нахмурившись. Да, подумал Рахманов, в убежденности ей не откажешь, он давно уже не видел такой силы в глазах.

— Лотарев большой художник. Действительно большой художник. Поверьте мне. Я в этом понимаю.

Рахманов промолчал. Она в этом понимает. С таким же успехом можно сказать: все в этом понимают. Ни одной картины Лотарева он не видел, а то, что за одну из них Новлянская заплатила пятнадцать тысяч, еще не показатель. Это могла быть всего лишь плата за услугу.

— Хорошо, я вам верю. Лотарев — большой художник. Что дальше?

— Он не только большой художник. Он еще и честный человек. Просто он попал в беду. И ему нужно помочь.

Рахманов занялся подравниванием бумаг. Сказал, закончив:

— Попал в беду. Все же, наверное, не без собственных усилий?

— Нет. Собственные усилия здесь ни при чем. Его втянули обманом.

— Втянули. Кто же его втянул?

— Люди, которые его окружают. И которым он, к сожалению, доверяет.

— Понятно. Но ведь Лотарев не мальчик. Он должен был понимать, что к чему и куда это может привести. Так ведь?

— Не обязательно.

— Не обязательно?.. — Рахманов сделал вид, что рассматривает стол. — Допустим. Ну а кто же его втянул? Конкретно?

— Всех я не знаю. Но, думаю, здесь не обошлось без этой московской гранд-дамы. Веры. Фамилия ее, кажется, Новлянская. Думаю, вы о ней слышали.

— Слышал. Все из «втягивающих»? Или есть еще?

— У Сергея еще есть друг. Саша Чирков, врач-косметолог. С Сашей они не разлей вода. Не знаю, мне этот Саша кажется ужасно скользким. Как уж.

— Кажется скользким. Согласитесь, довод довольно слабый.

— Ничего не слабый. Уверена, этот его друг, Саша, как-то использует Сергея. Причем давно.

— У вас есть конкретные факты о каких-то делах Лотарева, связанных с Новлянской и Чирковым?

— Конкретных нет. Но ведь не обязательно знать конкретные факты. Достаточно видеть, что это за люди.

Рахманов покрутил ручку. Все, как он и предполагал. Меднова обеспокоена судьбой Лотарева и хочет ему помочь. Что вполне естественно. Он же сам для себя выводов относительно Лотарева еще не сделал. Сказал, оставив в покое ручку:

— Елена Владимировна, ваше беспокойство я вполне понимаю. Ваш друг, Сергей Лотарев, как вы говорите, попал в беду. Допустим, вы правы, попал не сам, его втянули. Но ведь он от этого и немало выгадал. Сейчас у него квартира, машина, он ни в чем не нуждается. Без связи с этими людьми, с Чирковым и с Новлянской, вряд ли бы он имел все это.

Меднова покачала головой:

— Лотарев мог использовать связи, но при этом оставаться честным человеком. Закона он не преступал.

— Не знаю. — Рахманов посмотрел на собеседницу.

— Просто я хотела попросить вас о помощи. Потому что я не могу. Я боюсь. Сегодня я узнала, Сергеем угрожают какие-то уголовники. Ему и этому его другу, Саше Чиркову.

— Что, он сам вам об этом сказал?

— Разве он когда-нибудь скажет?! Строит из себя храбреца, но я ведь вижу: это всерьез. Им действительно угрожает опасность. Ему и его другу.

— Из чего вы это вывели, что им угрожает опасность?

— Ну... — Помолчала. — Сейчас я в квартире одна. Бабушка на даче. Последнюю неделю Сергей жил у меня. Мне он, конечно, ничего не сказал. Но я все поняла и так. Он все время на нервах. Перед тем как выйти, смотрит в окно. Когда едем в машине, следит, нет ли кого-то сзади. Один раз соседка в дверь позвонила, так он меня даже к двери не подпустил.

— Что, Чирков тоже себя так ведет?

— С Чирковым они сейчас не видятся, только переговариваются по телефону. Но Чирков тоже боится. Эту неделю, например, он ночевал в мастерской у Сережиного друга, Володи Глинского. Домой ехать боялся. Так что все всерьез.

Рахманов попытался вспомнить, слышал ли он от кого-нибудь об этом Глинском, у которого есть мастерская. Вроде нет.

— И долго Чирков ночевал у Глинского?

— Не знаю. Вообще-то о том, что Чирков там ночевал, я сегодня подслушала. Случайно. Они разговаривали по телефону.

— Где находится эта мастерская?

— На Сокольнической заставе. Недалеко от Сергея.

— Ясно. Скажите, Лотарев может догадаться, что вы подслушали разговор?

— Догадаться? Да нет. Он был уверен: я ничего не слышу.

Рахманов подумал: наблюдение, установленное за Лотаревым и Чирковым, было снято два дня назад. Никаких попыток с чьей бы то ни было стороны выследить их, а также напасть на того или другого замечено не было. Но, с другой стороны, Крыж или его люди могли сами заметить наблюдение и на время скрыться.

— Что-нибудь еще Лотарев вам говорил об опасности? Или об уголовниках, угрожающих ему и Чиркову?

— Сегодня у нас состоялось объяснение. Я сказала Сергее, что боюсь за него, и попросила объяснить, в чем дело.

— Это было до телефонного разговора? Или после?

— После. Сергей сказал: последнюю неделю за ним и Сашей охотились, как он выразился, «нехорошие дяденьки». Но с сегодняшнего дня опасность им уже не угрожает.

— Почему не угрожает, он не объяснил?

— Нет. Правда, раньше, когда они с Сашей говорили по телефону, Сергей назвал какое-то имя.

— Какое имя? Постарайтесь вспомнить.

— Сейчас. То ли Виктор Павлович, то ли Владимир Павлович.

— Вадим Павлович?

— Вот-вот. Вадим Павлович. Насколько я поняла, Саша сказал: этого Вадима Павловича они могут уже не бояться.

— Почему?

— Не знаю. Я слышала только то, что говорил Сергей. Сергей сказал: «Думаешь, он к нам больше не сунется?» И чуть позже: «Хорошо бы так и было». И все. Они попрощались, он положил трубку. Ну и почти тут же вошла я.

— Это имя, Вадим Павлович, вы слышали когда-нибудь раньше?

— Никогда не слышала.

— А, скажем, имя Иван Федорович Шеленков?

— Тоже не слышала.

Рахманов достал две фотографии Крыжа до и после пластической операции. Положил перед Медновой:

— Когда-нибудь видели этих людей?

Меднова посмотрела фотографии. Покачала головой:

— Нет. Никогда не видела. Это кто?

— Тот самый Вадим Павлович. Настоящее имя — Николай Алексеевич Крыжко. Опасный преступник.

— Надо же, — Меднова взгляделась. — По виду не скажешь.

Заполнив протокол допроса и дождавшись, пока Меднова его подпишет, сказал:

— Елена Владимировна, вашу просьбу о том, чтобы никто не узнал о вашем приходе, обещаю выполнить. Но в таком случае и вы не подводите меня. Не говорите никому о нашем разговоре.

Спустя три минуты после ухода Медновой в кабинет вошел Жильцов. Посмотрев на него, Рахманов сказал:

— У Лотарева есть приятель, некий Володя Глинский — художник, владелец мастерской, расположенной на Сокольнической заставе. Так вот, Меднова сообщила: в этой мастерской какое-то время скрывался Чирков, спасаясь от Крыжа.

— Интересно. Считаете, они этот факт скрыли умышленно?

— Похоже. Во всяком случае, ни в одном из показаний мастерская Глинского не упоминается. О самом Глинском тоже. Поэтому, Виталий, займись этим. Выясни, что за мастерская, что собою представляет Глинский. Причем учти: Меднова об этой мастерской узнала только сегодня. Случайно, подслушав телефонный разговор. Все понял? И еще один вопрос. Как ты думаешь, в Сухуми, во время последнего разговора, Люка не темнил?

— Люка? Вы имеете в виду с Крыжом?

— Ну, не столько с Крыжом, сколько с Шеленковым.

— Понимаю. — Жильцов помолчал. — От Крыжа Люка просто отказался. Шеленкова же Люка признал. Сказал: в машину к нему садился именно этот человек. Узнавал об Азизове, передавал привет от Додона. Ну и ответил на кое-какие вопросы. Вы считаете, Люка здесь мог темнить?

— Ну, тут есть нюанс. Мне важно знать: действительно ли Люка признал в Шеленкове зычару? Авторитета. Или Люка в этом сомневался? Тебе же наплеал для понта?

Жильцов потер подбородок. Хмыкнул:

— Люка не тот человек, чтобы сомневаться в таких вещах. На горло или на гоп-стоп его не возьмешь. Насчет же «понта», с которым он мог мне все это наплести, — не думаю. Мне ведь тоже не так просто лапшу на уши повесить. Нет, Люка не темнил. Человек, узнававший у него об Азизове, был блатняком. Люка бы и бровью не повел, если б был другой вариант.

Рахманов внимательно посмотрел на Жильцова.

— Ясно. Видишь ли, я было подумал: собака лаяла совсем на другую тень. Но, выходит, она действительно лаяла на собственную. Так вот, Виталий, есть у меня идея обыскать эту мастерскую. Как ты считаешь?

— Не знаю. У вас что, виды на нее?

— Виды могут появиться после того, как я съезжу на Сенеж с металлоискателем. Хотя могут и не появиться. С другой стороны, если упустить время, можно все прозевать.

— Давайте обыщем. Мы ведь ничего не теряем.

— Неизвестно. Может, и теряем. Ладно. Пойдем на риск. Будем обыскивать. Причем прямо сейчас. Обоснование для санкции у нас есть: разночтение в показаниях Медновой, Лотарева и Чиркова. Только не все так просто. Обыска никто не должен заметить. Как? Сумеешь?

— Андрей Викторович, постараюсь. Сделаем все тихо. А что там может быть? Хотя бы приблизительно?

— Клянусь, понятия не имею.

— Давайте сделаем просто. У них там намечается ремонт, так вот: напишем записку на имя Глинского: мол, так и так, предстоит ремонт, просим быть на месте. В противном случае будем вынуждены взломать дверь. Сунем эту записку под дверь мастерской. Если, кроме Глинского, мастерской пользуется кто-то еще, записка его насторожит. И он явится. Как?

— Ладно, действуй. А я позвоню прокурору насчет санкции.

Промчавшись по Ленинградскому шоссе и попетляв по уже знакомой Рахманову проселочной дороге, ПКЛ¹ остановилась у ворот «Рыболова Сенежья». Дик грозно залаял, гремя цепью; сидящий на скамейке у причала Маркин встал, помахал рукой.

Спрыгнув на землю, Рахманов и Пильгунов посмотрели на небо. Редкие облака, но в общем день обещал быть ясным.

— Простояло бы так до вечера, — сказал Пильгунов. — Хуже нет попасть под дождь.

— Сейчас познакомлю тебя с местным участковым. Работать будешь с ним.

— Давайте. Что, доставать металлоискатель?

— Подожди. Сначала проведем небольшой эксперимент.

¹ ПКЛ — Передвижная криминалистическая лаборатория. Располагается обычно в микроавтобусах типа РАФ.

Познакомив Пильгунова с подошедшими Маркиным и Голиковым, Рахманов обратился к сторожу:

— Николай Иванович, откуда вы взяли собаку? Из питомника?

— Из питомника.

— Значит, она обучена? Команды «Нюхай! Апорт!» знает?

— Конечно. Я и здесь ее подучиваю изредка. Чтоб не забывала.

— Отлично. Теперь покажите место, где стоял с этюдником тот парень. Молодой художник. Помните, я о нем спрашивал?

— Помню. — Голиков оглянулся. — Вон там он стоял. Сразу за забором. У воды. Показать?

— Да, пожалуйста.

Обогнув забор, сторож подошел к воде. Встал примерно в метре от сетки. Сделав несколько шагов от берега, остановился.

— Примерно здесь.

Дик сейчас стоял вплотную к сетке. Посмотрев на него, Рахманов спросил:

— Собака с наветренной стороны?

— С наветренной. Вон рябь на воде, по ней видно.

— Отсюда до собаки около метра. Если здесь будет стоять машина, в багажнике которой лежит хорошо знакомая собаке вещь, скажем, одежда хозяина, собака ее учует?

— Ну, смотря какая собака. И смотря какая вещь. Если вещь со стойким запахом и у собаки есть верхнее чутье — учует.

— У вашего Дика, того, прежнего, верхнее чутье было?

— Конечно. Я ж говорю, он своих за километр чувствовал. И у этого есть.

— Проверим? Дадим ему понюхать какую-нибудь вашу вещь и спрячем в машину. Есть у вас вещь, которую вы носите постоянно?

Голиков тронул борт овчинной безрукавки.

— Эта безрукавка подойдет?

— Вполне.

Вернувшись на территорию базы, Голиков подошел к Дик, сразу завилявшему хвостом. Снял безрукавку, дал понюхать, сказав при этом несколько раз:

— Дик, нюхай! Нюхай внимательно! Нюхай! Будешь искать!

Затем, загородив собаку, спрятал безрукавку себе за спину. Подождал, пока Рахманов ее возьмет:

— Унесите, пока он не видит. Я подержу. Дик, стоять!

Под заинтересованными взглядами Пильгунова и Маркина Рахманов положил безрукавку под заднее сиденье. Сказал водителю:

— Сейчас я подойду к забору, подайте машину туда же. Задом. Но не ближе метра. Хорошо?

— Хорошо. — Подождав, пока Рахманов отойдет к месту, показанному Голиковым, водитель подогнал туда машину. Выключил мотор. Стоящий рядом с собакой сторож крикнул:

— Начинаем?

— Начинаем, — ответил Рахманов. Сторож присел:

— Дик, апорт! Искать! Искать безрукавку! А ну, искать! Апорт!

Сообразив, что от него нужно, пес дернулся вперед. Настороженно тявкнув, повернулся. Протрусил к домику. Обернулся, глядя на сторожа, и громко залаял. Вернулся к хозяину. Посмотрел на него, высунув язык. Снова залаял.

— Апорт! — строго сказал Голиков. — Ну? Искать, кому скажали! Апорт! Ну, Дик? Не позорь меня. Искать! Где безрукавка?

Пес дернулся в одну сторону. В другую. Наконец заходил кругами. Подойдя к сетке, остановился, глядя на Рахманова.

— Дик, искать! — крикнул издали Голиков.

Постояв, собака повела носом. Пригнулась к земле и вдруг потянулась к «рафику». Яростно залаяла, глядя на то место, где была спрятана безрукавка.

— Ага! — крикнул Голиков. — Молодец, Дик! Молчать!

Подошел, оттянув на себя рвущуюся к машине собаку. Крикнул:

— Молчать! Нашел, и все!

Рахманов посмотрел на притихшего Дика. Проверка нехитрая, но результат для него был важен. Голиков кивнул:

— Ну как? Устраивает?

— Устраивает. Спасибо, Николай Иванович.

— Не за что. В этот раз вы надолго? Заходите на базу с ребятами. Чайку вскипятим, картошечки пожарим. Телевизор работает. Если что, можете переночевать. У меня ж мертвый сезон, мест полно. Миш, ты там смотри, чтоб они не стеснялись!

— Ладно, Николай Иванович! — крикнул Маркин. Подождя, пока Голиков уйдет, Рахманов повернулся к стоящим рядом Пильгунову и Маркину:

— Братцы, теперь дело за вами. Михаил, вы ведь знаете озеро?

— Я ж тут вырос, детство провел. Что нужно-то на озере?

— Нужны тихие места, на которых можно искупаться так, чтобы тебя никто не видел. Найдем такие?

— Найдем, если постараться. Будем что-то искать?

— Вы помните гильзу калибра 6,35? Которую вы нашли у клумбы? Нужно попытаться найти точно такую.

Маркин изучающе посмотрел на Рахманова:

— Что, на всем озере?

— Зачем на всем. По моим подсчетам, гильза может лежать в пределах километра. В обе стороны.

Маркин присвистнул. Оглянулся.

— Андрей Викторович, вы знаете, сколько здесь металлолома в песке? Одних ружейных гильз, наверно, с тонну. Тут же охота идет по лицензиям. Да и другого барахла... проволоки, монет, гвоздей полно.

— Михаил, ничего не поделаешь. Надо искать. Ваша задача — показать Олегу места, пригодные для купанья и скрытые от посторонних глаз.

Вслед за Маркиным и Пильгуновым Рахманов забрался в «рафик». Пока они ехали вдоль воды, он постарался получше взглядеться в берег. Сейчас он был пустынным — Рахманов увидел лишь двух удильщиков, сидящих на проложенных в воде досках.

Примерно через километр Маркин сказал водителю, с которым давно уже был на «ты».

— Алексей, давай вон к тому кустарнику. Дальше не поедem.

Когда водитель остановил машину, Маркин обернулся:

— Тут пляжик есть, в кустарнике. Я сам на нем люблю искупаться, если есть время. Может, с него и начнем?

— Давайте. — Выйдя вместе с Маркиным, Рахманов осмотрел скрытый кустарником пятачок. Несколько кочек с пожухлой травой, песок. То, что примерно отвечало его предположению, могло произойти и здесь. Но могло и в любом месте озера. Если вообще произошло...

Только сейчас, оглядывая ограниченную с одной стороны кустами, с другой камышами песчаную площадку, Рахманов осознал всю шаткость затеянного предприятия. Пожалуй, мастерство Пильгунова — единственное, на что он сейчас мог рассчитывать.

Собрав и настроив аппарат, Пильгунов поправил наушники. Встал с подножки «рафика», поднял щуп:

— Андрей Викторович, я начну?

— Давай. Удачи.

Маркин отошел к кабине. Рахманов устроился на подножке.

Некоторое время все трое — водитель, Маркин и Рахманов — наблюдали за двигающейся над кустарником полотняной кепочкой Пильгунова.

Примерно через полчаса Пильгунов вышел из кустарника, протянул полиэтиленовый пакет:

— Андрей Викторович, вот весь улов. Искомое нет. Гильзы есть, но крупные.

Рахманов изучил собранное в пакетике. Три ружейных гильзы, две пятикопеечные монеты, проржавевший рыболовный крючок с остатком лески, несколько согнутых гвоздей, куски проволоки. Посмотрел на Маркина:

— Как со следующим местом? Далеко?

— Да нет. Метров пятьдесят отсюда.

Следующее место, показанное Маркиным, было скрыто в камышах. Этот участок Пильгунов обрабатывал минут сорок, но результат был таким же.

Бесплодными оказались поиски и на других участках. Последний скрытый пляж, у самой базы, Пильгунов проверял уже в сумерках. Поскольку предстояло проделать такую же работу с другой стороны базы, Рахманов предложил сделать перерыв.

После ужина работа возобновилась, теперь уже при свете фар и карманных фонариков. Маркин работал вместе со всеми, наотрез отказавшись ехать домой. Но его самопожертвование ничего не принесло, нужной гильзы не оказалось и на втором участке.

«Рафик» снова стоял у самой базы. Рахманов сидел на подножке. Рядом, на земле, Пильгунов укладывал в футляр разобранный металлоискатель.

Было время, Рахманову самому пришлось немало поработать с металлоискателем. Поэтому он отлично знал, что это такое — провести почти весь день в наушниках. Поймав взгляд Пильгунова, кивнул:

— Как уши? Болят?

— А-а... — Пильгунов махнул рукой. — Что уши... Обидно, не нашли ничего. Может, еще поищем?

Рахманов промолчал. Вообще-то он был твердо убежден, что из пистолета калибра 6,35 стреляли не только на территории базы, у клумбы, но и на озере. Причем, похоже, стрелявший, человек опытный, гильзу не подобрал, понимая, что на таком берегу найти ее практически будет невозможно. Так что если бы им удалось найти гильзу, это было бы огромной победой. Но Пильгунов сделал, что мог. Мало ли куда могла улететь гильза. В конце концов она могла просто упасть в воду.

Неожиданно Пильгунов махнул рукой:

— А, ч-черт. Была не была. Миш, давай еще поищем? А?

— Ну давай, — не очень уверенно сказал Маркин.

Пильгунов начал лихорадочно собирать металлоискатель.

— Там же есть проплешины, в камышах. Давай, Миш? А? Сейчас я соберу пищалку, и пойдем. Хорошо? Ты уж потерпи...

Наконец металлоискатель был собран. Пильгунов залез в «рафик». Маркин кивнул:

— Андрей Викторович, подождете? Мы действительно посмотрим несколько мест. Всего-то на час работы. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо, ребята.

«Рафик» уехал. Рахманов прошел на территорию базы, вошел в домик. Сидевший у телевизора Голиков обернулся:

— Как, Андрей Викторович? Закончили?

— Почти. Сейчас ребят дождусь, и поедем.

— Садитесь, посмотрим телевизор. Как раз эстрадная передача. Отдохнете.

— Спасибо. — Рахманов сел в кресло. Он почти ничего не воспринимал — ни звука оркестра, ни того, что происходило на экране. Голиков покосился:

— Андрей Викторович, можете остаться у меня. А? Места хватит. Что вам ехать-то в ночь? С ребятами?

— Спасибо, Николай Иванович. Все же мы поедем. Дома лучше.

Минут через сорок Рахманов услышал шум мотора. Тут же звук стих. Кажется, «рафик». Вскоре раздались шаги; в дверь заглянул водитель:

— Андрей Викторович, можно вас?

Рахманов вышел из домика. Спросил, прикрыв дверь:

— Ну что? Ничего не нашли?

— Наоборот, по-моему, нашли. Они там место караулят. Просили, чтобы вы подъехали.

— Ты не шутишь?

— Какие шутки? Нашли они эту гильзу. В камышах. Просто боятся место потерять. Поедем?

— Поедем. — Рахманов сел в «рафик». Спросил после того, как Алексей повернул ключ зажигания: — Далеко это отсюда?

— Метров пятьсот. Может, чуть меньше.

Водитель дал газ. Мимо поплыли камыши. Наконец после поворота и резкой остановки фары осветили берег. Стоящий перед зарослями Пильгунов поднял руку, загораясь от света. Чуть дальше, в камышах, был виден Маркин.

Выйдя из машины, Рахманов подошел к Пильгунову. Тот полез в карман. Достав гильзу, оставил ее на раскрытой ладони. Посветил фонариком:

— Вот она, голубушка. Нашли здесь, в камышах. На пропле-

шине. По виду калибр тот самый. Да и там цифры. На ободке. Рахманов взял гильзу. Внимательно осмотрел. Достал из кармана одну из гильз, найденную у клумбы, и положил обе гильзы на ладонь. Без сомнения, это были гильзы-близнецы.

Пильгунов кивнул:

— Вон там. Где Миша стоит. Там полоска есть песчаная. Идеальный пляж. Миша сказал, он эту полоску раньше не знал. Да и там металла вообще не оказалось. Кроме этой гильзы.

— Ясно. Олег, для начала надо все сфотографировать. Ну а потом подождать утра и продолжить поиски уже при свете.

— Понятно. — Пильгунов помолчал. — Насколько я понял, вы хотите найти что-то еще? Причем не гильзу?

— Угадал. Не гильзу.

Пильгунов пошел к «рафику». Вернувшись с фотоаппаратом, снабженным «вспышкой», разложил на песке чистый холст. Снял на нем найденную гильзу сначала отдельно, потом рядом с гильзами, обнаруженными у клумбы. Затем Рахманов вместе с Пильгуновым пробрался сквозь камыши к Маркину. Пока Пильгунов снимал общие планы, осмотрелся.

Место, где нашли гильзу, было обычной песчаной полоской, со всех сторон окруженной камышами и осокой. Определить точные размеры в темноте было трудно, но Рахманову показалось: песок занимал не больше десяти метров в длину и двух в ширину. Присев и посветив фонариком, Маркин показал место, где зуммер металлоискателя изменил тон, учуяв металл. Место это, сейчас огражденное вешками, было уже в камышах. По словам Маркина, гильза была чуть присыпана песком, скорей всего нанесенным ветром. Да, работу Пильгунова можно было назвать виртуозной.

Подождав, пока Пильгунов сделает все снимки, Рахманов вместе с ним и Маркиным вернулся к «рафику». Отметив место вешками и запомнив расположение ближайших деревьев, все четверо поехали на базу.

К песчаной полоске группа подъехала в семь утра. Начинало светать, небо было затянуто тучами. Все поставленные вчера вешки на месте. Конечно, если на этой крохотной полоске песка действительно выстрелили в кого-то из пистолета калибра 6,35, этот «кто-то» скорее всего так здесь и остался. И труп лежит сейчас где-то неподалеку, возможно, в окружавших их камышах. Оглядев группу, Рахманов сказал негромко:

— Ребята, давайте за мной. Приготовьтесь, придется ползти по камышам. Пошли.

Добравшись вместе с группой до песчаной полоски, пояснил:

— Думаю, все всё понимают: раз мы нашли гильзу, значит, здесь стреляли из пистолета.

— Значит, ищем труп? — сказал Пильгунов.

— Именно. Или место, где он может быть зарыт.

Пильгунов, Маркин и водитель разбрелись в камышах. Сам Рахманов около десяти минут безуспешно продирался в зарослях; после первых же шагов и его ботинки, и нижняя часть брюк насквозь промокли. Несмотря на это, он готов был вести поиски, но его остановил крик Пильгунова:

— Андрей Викторович! Ребята! Давайте сюда!

Прокурор-криминалист стоял метрах в пятнадцати от свобод-

ного песка. Земля у его ног на небольшом участке выглядела неровной, сам участок был покрыт срубленным и позаленным камышом. Да, здесь явно поработали лопатой. От посторонних глаз место было надежно скрыто: с одной стороны сквозь осоку поблескивала вода, с другой — бесстрастно шуршала желто-зеленая стена. Пильгунов осторожно сгреб в сторону сухие стебли. Начал копать. Когда ямка достигла полуметра, остановился: из-под песка показался клочок волос.

— Михаил, давайте в Солнечногорск, — сказал Рахманов. — Срочно привезите следователя райпрокуратуры и судмедэксперта. Не забудьте понятых.

Труп был извлечен из почвы в присутствии следователя прокуратуры, судмедэксперта и двух понятых. Судя по ране в затылке, покойный был убит выстрелом, сделанным сзади в упор, что подтверждало расчеты Рахманова. Впрочем, осмотр трупа подтвердил и другие его предположения, в том числе и то, что убитый был мужского пола, высок и немолод. Наверняка труп пролежал здесь несколько месяцев, так что папилярные узоры на пальцах не сохранились. Возможность опознания затрудняло и отсутствие одежды на трупе, но для установления личности убитого методов оставалось достаточно.

После того как труп был перенесен к машине «скорой помощи», Рахманов попросил водителя съездить за Голиковым. Труп сторож рассматривал несколько секунд. Сморщился:

— Черт! Неужели это он?

Подойдя, Рахманов сказал тихо:

— Николай Иванович, убитый вам кого-то напоминает?

— Напоминает Ивана Федоровича Шеленкова.

Обнаружение трупа на озере Сенеж проливало свет на многие темные пятна, и все же главную новость Рахманов узнал, когда вернулся в середине дня в прокуратуру.

Только что закончивший допрос и вошедший к нему в кабинет Саенко сообщил, что вчера при обыске Жильцов и его группа обнаружили в мастерской Глинского в диване пистолет и пятьсот тысяч рублей. И кейс с деньгами, и пистолет Жильцов сразу после обыска положил на прежнее место, восстановив точное положение кейса с деньгами за пружинами дивана. И со вчерашней же ночи вместе со своей группой выставил у мастерской засаду.

Прижавшись щекой к стенке вагончика, Жильцов привычно взгляделся в узкую щель. Просвет позволял видеть часть двора и входную арку. Рядом сидел Юра Клычев, одетый, как и Жильцов, в грязную робу. Игорь Гнатюк, так же одетый в робу, чтобы можно было при случае пройти в вагончик, расположился на чердаке, точно над мастерской.

В вагончике было душно, пахло краской, олифой и пылью. За без малого трое суток Жильцов изучил практически каждый квадратный метр небольшого двора. Кроме того, теперь он мог безошибочно узнать в лицо всех жильцов дома. Во всяком случае, тех, кто хоть изредка выходил на улицу.

Вторым важным объектом наблюдения был подъезд дома. За ним находилась мастерская Глинского. Над дверью подъезда располагалась фрамуга, в переплете которой часть стекол была выбита, что позволяло видеть, куда направляется вошедший в подъезд человек. Пока за три дня наблюдения ни один из вошедших в подъезд не то чтобы спуститься вниз, но даже туда не смотрел. И все же Жильцов не терял надежды, ибо понимал: пятьсот тысяч рублей и пистолет бесхозными остаться не могут.

В который уже раз, прикинув расстояние от арки до подъезда, Жильцов взглянул на часы. Шестнадцать двадцать. Скоро жильцы начнут возвращаться с работы, дети выбегут во двор играть. Вполне возможно, человек, спрятавший в мастерской пистолет и деньги, придет за ними именно в это время. Впрочем, искать логику в его поступках бессмысленно. С таким же успехом он может прийти и ночью, когда все спят. Или в середине дня, когда все на работе и во дворе затишье. Клычев кивнул:

— Виталий, давай сменю. Отдохни.

Жильцов поднялся, чтобы уступить место Клычеву, и застыл. В арку вошел человек, которого Жильцов определенно знал. Искося оглядев пустой двор, человек двинулся к подъезду. Он был высок, молод и шел небрежной походкой, чуть опустив голову и сунув руки в карманы синей спортивной куртки.

В подъезд человек вошел, не оглядываясь, и направился вниз в мастерскую. Подавать любые условные знаки Жильцов запретил, полагаться участники засады могли только на собственную сообразительность, чтобы не спугнуть владельца тайника. Но Гнатюк, как и остальные участники засады, видел его фотографию, а значит, уже спустился и стоит на втором этаже, на лестничной площадке.

Не отрывая глаз от щелки в окне, Жильцов покосился: да, Клычев все понял и переместился ближе к двери. Там, у входа в мастерскую, виден лишь силуэт. Кажется, дверь открылась, человек вошел в мастерскую. Значит, записку он уже прочел. Жильцов сказал, не оборачиваясь:

— Приготовиться. Думаю, долго он там не будет.

Клычев взялся за ручку двери. В этой позе он пробыл довольно долго; Жильцов даже начал сомневаться, не собирается ли вошедший вообще остаться в мастерской. Нет, вот он вышел. Судя по движению руки, запер дверь ключом. Поднимается. Жильцов кивнул:

— Юра, пошли.

Действовали они почти синхронно: выйдя из вагончика, быстро пошли к подъезду. Скрываться теперь не имело смысла. В момент, когда человек вышел из подъезда, они преградили ему дорогу. В руке он держал кейс и на появление трех окруживших его людей почти не прореагировал. Лишь чуть обернулся на возникшего за его спиной Гнатюка. Добродушно усмехнулся:

— Ребята, что случилось? Не понял. Я вам мешаю?

— Не мешаете, — Жильцов полез в карман. Показал удостоверение: — Мы из милиции. Попрошу ваши документы.

Человек покачал головой:

— Из милиции. Так я к вам и иду. Прямо к вам и направляюсь.

— И зачем же вы к нам направляетесь? — спросил Жильцов.

— Да вот, обнаружил в тайнике крупную сумму денег. Пятьсот тысяч рублей. И пистолет. Хочу вам сдать.

Трюк, примененный человеком, был Жильцову знаком. Назывался этот трюк «успеть залегендироваться». Помедлив, Жильцов сказал:

— И где же расположен этот тайник?

— Внизу. В мастерской художника, моего приятеля Володи Глинского. Кстати, Глинский здесь ни при чем. Он ни о чем не знает. Просто он уехал и дал мне ключ на время.

— Как же вы узнали, что в мастерской есть тайник?

— Узнал, потому что на днях давал ключ от этого помещения опасному преступнику. Ну и предполагал, что этот преступник может устроить в мастерской тайник.

Жильцов постарался изобразить максимум сомнения. Посмотрел человеку в глаза. Вздыхнул:

— Понятно. Только почему, дав опасному преступнику ключ, вы тут же не сообщили об этом факте в милицию?

— По очень простой причине: боялся. Хотя вообще-то об этом преступнике я уже сообщил. Правда, не в милицию. В прокуратуру.

— Ясно. Что же это за преступник?

— Видите ли, по профессии я врач. Опасный преступник — мой бывший пациент, некто Сизов Вадим Павлович. Но, боюсь, в мою клинику он устроился по поддельным документам. Увы.

— Простите, ваша фамилия?

— Чирков Александр Александрович.

— И как давно вы отдали ключ от этой мастерской вашему бывшему пациенту Сизову Вадиму Павловичу?

— Дней пять назад.

— Где?

— На улице, в центре. Вадим Павлович мне позвонил. Сказал, ему негде переночевать. Я для верности сделал второй ключ, потом подъехал к площади Пушкина на своей машине. Ну и отдал один ключ Вадиму Павловичу.

Да, подумал Жильцов, «варианты отхода» были подготовлены Чирковым даже на этот случай. Причем вполне возможно, эти варианты могли сработать, если бы не одно обстоятельство: труп Вадима Павловича, найденный на озере.

В повестке, которую я держал в руках, на этот раз вместо фамилии Рахманов значилась другая — Саенко. С этой повесткой я поднялся все на тот же второй этаж прокуратуры. Постучал в 204-й кабинет. Именно в этом кабинете допрашивали Сашку, когда мы вместе явились в прокуратуру. Надо сказать, последние три дня Сашка куда-то исчез, дома у него никто не снимал трубку, на работе же мне ответили как-то странно: «Его пока не будет». Когда же, назвав себя, я поинтересовался, что с ним, может, он уехал в командировку или взял отпуск, мне посоветовали позвонить через несколько дней. Конечно, на крайний случай я мог набрать номер телефона Сашки-

ных родителей, но пока решил подождать. С Сашкой такое уже бывало, пусть звонит сам, когда захочет.

За дверью раздалось: «Войдите!» Я вошел. Следователя, который допрашивал Сашку, я тоже знал, именно он ездил в Шатуру за Аленой. Следователь кивнул:

— Садитесь, Сергей Леонидович. Вы приглашены для участия в очной ставке. Готовы?

— Готов. А с кем очная ставка?

— Сейчас увидите. Подождите минутку, я позвоню.

Снял трубку, набрал номер. Сказал:

— Андрей Викторович, Лотарев у меня. Да, предупредил. Хорошо. — Положил трубку. — Прощу, Сергей Леонидович. Это рядом.

Мы прошли к кабинету Рахманова. У двери стоял милиционер, посторонившийся при нашем появлении. Саенко постучал. Приоткрыв дверь, кивнул:

— Проходите, Сергей Леонидович. Без меня.

В кабинете сидели Сашка и Рахманов. Сашка кивнул, по привычке склонив голову набок. Рахманов сказал, глядя на меня:

— Вы знакомы с этим человеком?

Глупый вопрос, подумал я. Рахманов отлично знает: мы с Сашкой знакомы. Но, поскольку вопрос был задан, я ответил:

— Знаком.

— Давно вы с ним знакомы?

— Давно. С детства.

— Пожалуйста, назовите его фамилию, имя, отчество.

— Чирков Александр Александрович.

— Какие у вас отношения?

— Очень хорошие. Мы друзья.

— Пожалуйста, садитесь. — Рахманов подождал, пока я сяду. Посмотрел на Сашку: — А вы знаете этого человека?

— Знаю, — сказал Сашка.

— Давно вы его знаете?

— Так же, как и он меня. С детства.

— Назовите его фамилию, имя, отчество.

— Лотарев Сергей Леонидович.

— Какие у вас отношения?

— Ну... — Сашка помолчал. — Скажем так: считались друзьями. Вообще же отношения нормальные.

«Ничего себе, — подумал я. — «Считались друзьями...» Что с ним?»

Рахманов сказал:

— Сергей Леонидович, попрошу ответить на несколько вопросов. Возможно, на некоторые из них вы уже отвечали. Скажите, с восьмого по двенадцатое июля, когда вы ездили на Сенеж на этюды, где вы ночевали?

Я покосился на Сашку. Смотрит в окно. Непонятный вопрос: где я ночевал? Но ведь я сказал Рахманову: в те дни я ночевал у Сашки на даче. То же самое сказал своему следователю Сашка. Как мы и договорились. Ладно, скажу то же, что говорил раньше.

— В те дни я ночевал на даче. У Чиркова.

— А на чем вы уехали в Москву двенадцатого июля?

— На чем? Я же сказал, на машине Чиркова.

Сашка повернулся:

— Андрей Викторович, я беру свои показания назад. Отноительно моей дачи. И возвращения Лотарева в Москву.

Рахманов внимательно посмотрел на Сашку. Хмыкнул:

— Берете назад?

— Да. В те дни Лотарев действительно ночевал у меня на даче, как он говорит. В Москву я тоже его отвез на своей машине. Все так. Только разрешите задать Лотареву один вопрос?

Некоторое время оба, Сашка и Рахманов, неотрывно смотрели друг на друга. Наконец Рахманов вздохнул:

— Хорошо. Задавайте.

Сашка взглянул на меня в упор. Усмехнулся:

— Серега, зачем ты им сказал про мастерскую Глинского? Вопрос мне не понравился. Впрочем, мне не понравилось и то, как он был задан. Помедлив, я сказал:

— Ты что, сбрендил? Я никому не говорил про нее.

Сашка изучающе смотрел на меня. Прищурился:

— Никому?

— Никому. Вообще что за дела? Можешь, объяснить?

Сашка все еще разглядывал меня. Процедил:

— Д-да... Пожалуй, ты действительно никому про нее не говорил. Ладно. В таком случае прости.

— Может, все же объяснишь, в чем дело?

Сашка скривился:

— Серега, видишь ли, всего не объяснишь.

— Все, — сказал Рахманов. — Очная ставка закончена.

— Запомни только одно... — Сашка помедлил. — Тебе, лично тебе, при любом повороте плохо бы не было. Учти это... особенно потом, когда они тебе все объяснят. Сами. В любом случае тебе не было бы плохо. Понимаешь?

— Чирков! — строго сказал Рахманов. — Вы просили один вопрос. Все. Очная ставка закончена.

— Простите, Андрей Викторович. Молчу.

Рахманов дал мне протокол:

— Подпишите. — Подождал, пока Сашка поставит подпись. — Лотарев, теперь вы.

Я подписал. Рахманов нажал кнопку. В дверь заглянул милиционер. Рахманов кивнул:

— Уведите.

Сашка встал, скользнул по мне взглядом и вышел. После того, как дверь закрылась, я спросил:

— Что, Чирков арестован?

— Пока задержан. Но сегодня я вынесу постановление о его аресте.

Рахманов сделал вид, что поправляет лист бумаги. Поднял голову:

— Видите ли, Сергей Леонидович, Чирков здесь сказал, что мы вам все объясним. Действительно, я хочу вам кое-что объяснить.

Честно говоря, я ничего не понимал. Станным было все: от очной ставки до вопросов, где я ночевал и на чем уехал, но самым странным и непонятным был Сашкин вопрос о мастерской Глинского. Рахманов продолжал:

— Тем более сказать вам это — мой долг. Это нужно для вашей же пользы. — Помолчал. — Вы до сих пор опасаетесь, что на вас нападет Вадим Павлович?

Я посмотрел на Рахманова.

— Ну, да. Думаю, вы не хуже моего знаете, что это за человек.

— Действительно, мы это знаем. Но вы можете не опасаться. Вадим Павлович мертв. Причем уже давно. По нашим подсчетам, его убили утром восьмого июля.

То, что сказал Рахманов, было абсолютной бессмыслицей. Вадима Павловича, приходившего ко мне домой, я видел совсем недавно.

Рахманов тронул очки.

— И знаете, кто его убил?

— Н-нет. Не знаю. Кто?

— Ваш друг. Александр Чирков.

Я смотрел на Рахманова, пытаюсь осмыслить то, что он сказал. Сашка убил Вадима Павловича! Восьмого июля! Да нет, чушь! Ведь я отчетливо помню: восьмого июля утром Сашка приехал ко мне, чтобы вместе позавтракать.

— Андрей Викторович, это невозможно. Восьмого июля я провел с Чирковым весь день. Он утром заехал за мной. Мы позавтракали в ресторане «Якорь». Потом вернулись ко мне. Попросили одного человека перегнать мою машину. Я вам уже это рассказывал, так ведь? Ну и потом вместе с Аленой и Жанной, то есть Медновой и ее приятельницей, поехали в «Совинцентр», где пробыли до ночи.

— Понятно. — Рахманов помолчал. — Скажите: восьмого июля, утром, перед тем как к вам заехать, Чирков вам звонил?

— Звонил. Он меня разбудил этим звонком.

— Не помните, откуда звонил? Из Москвы? Или из пригорода?

Я посидел, стараясь вспомнить: что это был за звонок. Действительно, Сашка звонил откуда-то издалека. Его голос был еле слышен. Правда, тогда я не придавал этому значения.

— Ну, может, он в самом деле звонил из пригорода.

— Из Солнечногорска. В тот день, рано, когда только начало светать, Чирков встретился с Вадимом Павловичем на озере. Убил его. Скрыл следы преступления. Другими словами, закопал труп. Ну и позвонил вам. Во сколько примерно он вам позвонил?

— Примерно в одиннадцать.

— Все правильно. Чиркову нужно было управиться с этой «работой». Чтобы потом заняться вами. Вплотную. Думаю, сейчас вы уже понимаете, зачем были нужны Чиркову?

— Зачем? Наверное, чтобы подвезти Юру и Женю?

— Не только. Чирков предполагал: подвозя Юру и Женю, вы можете совершить какую-то оплошность. И тем самым «засветиться». Эту оплошность вы совершили, случайно выбросив старую контрамарку. Здесь, по замыслу Чиркова, он снова должен был прибегнуть к вашей помощи. Как бы это вам объяснить... Вы должны были помочь Чиркову убедить нас: Вадим Павлович жив. Но для того чтобы нас в этом убедить, вы должны были бояться.

— Но тогда кто ко мне приходил несколько дней назад?

— Человек, которого нанял Чирков.

Я сидел, бессмысленно разглядывая стену. Если все это правда, получается, Сашка меня предал. Предал самым подлым образом.

— По-вашему, Чирков меня использовал? Как последнего идиота?

— Ну, я бы не назвал вас идиотом. Будь я на вашем месте, я бы тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Посидев немного, я понял: во мне закипает ярость. Ведь я ничего не подозревал. Я верил каждому Сашкиному слову. Он же, ломая комедию, нагнал на меня страху. Заставлял бояться какого-то Вадима Павловича. Каких-то мифических шестерок. Ведь все эти дни я боялся не только за себя, но и за Алену. Представляю, что она подумает, когда все узнает. Ведь я пугался каждого шороха. «В любом случае тебе не было бы плохо». Теперь я понимаю, что значили эти слова. Мне не было бы плохо. Да мне сейчас плохо, так плохо, как никогда не было. Черт с ним, с Сашкиным замыслом, с тысячей Сашкиных замыслов, главное — он меня предал.

— Выходит, Юра и Женя — люди Чиркова?

— Нет. Чиркова Юра и Женя даже не знают. Просто Чирков убил Вадима Павловича перед самой операцией. И, таким образом, все получил сам.

— А Вера Новлянская? Она с ними как-то связана?

— Приблизительно так же, как и вы. С Новлянской Чирков был в довольно тесных отношениях. Ну и использовал ее былые связи, которые помогли ему организовать сбыт.

— Значит, Вера не знала об уgone трейлера?

— Не знала.

Я молчал, пытаюсь осмыслить все до конца. Не так это было просто. Ведь для этого я должен был вернуться на несколько месяцев назад. И заново проанализировать каждый день. Рахманов вздохнул:

— Ладно, Сергей Леонидович. Идите. Признаться, у меня еще много дел.

— Идти куда? — спросил я. — Вы меня отпускаете?

— Конечно. Почему я должен вас задерживать?

— Но я ведь в какой-то мере соучастник Чиркова?

Рахманов посмотрел в окно:

— Номинально, конечно, вы в чем-то помогли Чиркову. Но вообще-то вы жертва. Жертва мошенничества. Так сказать, пострадавший. Идите. Внизу вас пропустят, я предупредил. Желаю к нам больше не попадать. Всего доброго.

— Всего доброго. — Я подошел к двери, сказал, взявшись за ручку: — А почему вы спрашивали меня, где я ночевал на Сенеже? И на чем оттуда уехал?

— Из-за Чиркова. Точнее, из-за его показаний.

— Он показал по-другому?

— Да, чтобы вынудить меня назначить очную ставку.

— Очную ставку? Но зачем она была ему нужна?

— Думаю, Чиркову было важно вас увидеть.

— Увидеть? Зачем?

Рахманов побарабанил пальцами по столу.

— Наверное, Чирков хотел вас проверить и понять, не предали ли вы его. Вы ведь уговаривались не сообщать об этой мастерской? Мастерской Глинского?

— Уговаривались. Но ведь все остальное мы рассказали?

— Рассказали. Ну а почему же вы решили не говорить о мастерской Глинского?

— Да просто, чтобы не втягивать в эту историю моего друга Володю Глинского. Он здесь вообще сбоку припека. Дал нам ключи от мастерской. Зачем же ему подкладывать такую свинью?

— Все правильно. Вспомните, кто первый подал эту идею? Не сообщать о мастерской Глинского? Вы? Или Чирков?

— Чирков. Но это не имеет значения. Такую идею вполне мог подать и я.

— Понятно. — Рахманов кивнул. — Всего доброго, Сергей Леонидович.

Посмотрев вслед вышедшему Лотареву, Рахманов подумал: что же было для него самым трудным в расследовании? Как ни странно, больше всего он мучился сомнениями: кто же на самом деле разговаривал с Люкой. Лишь совсем недавно Рахманов понял, до чего же все просто. Конечно же, с Люкой разговаривал реальный Крыж — Шеленков, которого Чирков подбил съездить в Сухуми. Все же дела с Азизовым вел сам Чирков, профессионально преобразивший свою внешность. О том, что Чирков делал все это, загримировавшись под Крыжа, настоящий Крыж, естественно, не знал.

Очень важно было понять, кем был для Крыжа Чирков. Можно предположить: из всех людей, с которыми он был связан, Крыж больше всего доверял именно Чиркову, давшему ему, по существу, новую внешность. Именно этим обстоятельством Чирков и должен был воспользоваться.

И, наконец, история с этюдником, раздражающе действовавшим на собаку. Верный Дик, конечно же, лаял не на этюдник, а на багажник «девятки» Чиркова, из которого тот не успел убрать одежду Крыжа. Ее, отправляясь в Сухуми, Чирков для верности надел перед встречей с Азизовым.

Это предположение объясняло поведение собаки. Но и заставляло задуматься. Чирков мог убить Крыжа только выстрелом с близкого расстояния. Но если так, кровь неизбежно должна была запачкать одежду. Поехать в Сухуми в такой одежде Чирков не мог. Но Чирков, зайдя с Крыжом поговорить в скрытое от посторонних глаз место, заодно предложил ему искупаться и тот снял одежду.

Этот вывод был для Рахманова особенно важен, ибо в конце концов помог найти гильзу, а затем и тело убитого Крыжа.

Собаку Чирков убил вынужденно. Дик мешал ему проникнуть в комнату Крыжа вечером двенадцатого июля, когда на базе никого не было. Попасть же туда Чиркову было необходимо для того, чтобы забрать из комнаты некоторые вещи и документы и создать тем самым впечатление, будто хозяин знал, что он уходит навсегда, а также изъять мазь, которую врач, знакомый

Чиркова, выписал Шеленкову для лечения радикулита. Если бы удалось найти этого врача, тот мог бы многое разъяснить следствию.

Выйдя из прокуратуры, я тут же сел в машину. Мне хотелось как можно скорей отъехать от этого места. Я вырулил на Петровку, попетляв по центру от улицы Горького до Арбата. Наконец понял: нужно где-то встать, просто встать и постоять.

Свернув в какой-то переулок, я проехал немного и остановил машину. Выключил мотор. Я чувствовал себя совершенно обессиленным. Посидев немного, подумал: надо ведь что-то делать, иначе я сойду с ума. Я просто не смогу жить с этой тяжестью...

Но что делать, я не знал, и поэтому сидел без движения, разглядывая переулок. Это был обычный московский переулок: длинные ряды окон, пустой тротуар, каменный бордюр у нижнего этажа, бак для мусора, виднеющийся в ближней арке.

Посидев так около часа, решил: надо кому-то позвонить. Я должен сейчас позвонить любому человеку. Любому, кроме Алены. Алене я звонить не могу, потому что все эти дни я выглядел перед ней идиотом, трусливым кретином, боящимся собственной тени...

Пошарив в кармане, я нашел мелочь. Вышел из машины, подошел к телефону-автомату. Опустил монету, набрал номер.

— Да?

Я молчал. Если б она понимала, как она мне сейчас нужна. И как я хочу ее видеть.

— Да? — повторила Алена. — Кто это?

— Алена, привет.

— Привет. Ты что молчишь? Ты откуда?

— С улицы. Из центра.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось.

— Неправда. Случилось.

Я долго молчал, соображая, что же ей сказать. Вдохнул:

— Может, и случилось. Ты не против, если я сейчас заеду?

— Конечно. Мы куда-то поедem?

— Не знаю. Я сейчас ничего не знаю.

Я повесил трубку. Вернулся в машину. Посидел немного, разглядывая пустой переулок. И включил мотор.

Художник Борис МОКИН

Похищение «Распятия» Леонардо да Винчи из Лувра вызвало неслыханный скандал. Десяток наиболее крупных похищений произведений искусства, таких, как «Герцог Веллингтонский» Гойи из Лондонской национальной галереи, или собраний импрессионистов из домов миллионеров на юге Франции и в Ка-

© James Ballard «The lost Leonardo», The terminal beach, London, 1964.

лифорнии, так же как явно завышенные цены на аукционах Бонд-стрит и улицы Риволи, казалось, должны были приучить публику к потере даже самого разрекламированного шедевра. Но похищение «Распятия» было встречено в мире с искренним изумлением и досадой. Тысячи телеграмм со всех концов земного шара обрушились на Кэ д'Орсэ и Лувр, французские консульства в Боготе и в Гватемале были забросаны камнями.

Я появился в Париже спустя сутки после так называемого «большого скандала с Леонардо». Во всех киосках по дороге от аэропорта Орли заголовки газет напоминали об этой истории: «Украдено «Распятие» Леонардо», «Из Лувра похищен шедевр, оцениваемый в 5 миллионов фунтов стерлингов»...

Официальный Париж, судя по всему, оказался в растерянности. Несчастный директор Лувра был отозван с конференции ЮНЕСКО в городе Бразилиа и теперь находился в Елисейском дворце с отчетом лично президенту. Все Второе бюро было поднято на ноги. По крайней мере трем министрам без портфеля дали понять, что их политическая карьера поставлена на карту. Накануне вечером сам президент сказал на пресс-конференции, что похищение «Распятия» Леонардо касается не только Франции. Он обратился ко всем с призывом способствовать быстрейшему возвращению картины. Наблюдатели язвительно заметили, что это был первый кризис в его карьере — Великий человек не закончил свою речь словами «Да здравствует Франция!».

Мои собственные ощущения, несмотря на профессиональное отношение к изящным искусствам — я директор Норсби, всемирно известного аукциона на Бонд-стрит, — совпадали с ощущениями широкой публики. Когда такси проезжало мимо сада Тюильри, я просматривал газеты с грубыми репродукциями луврского шедевра Леонардо, вспоминая саму картину, ее ни с чем не сравнимую композицию, игру светотени, изумительную технику — то, что, принадлежа великому Возрождению, вдохновляло скульпторов, художников и архитекторов стиля барокко.

Несмотря на то, что ежегодно продавалось два миллиона репродукций «Распятия», не считая бесчисленных подражаний и копий, тема картины все еще сохраняла свое величие. Написанное два года спустя после «Богоматери со Святой Анной», это полотно одно из немногих у Леонардо, избежавшее прикосновения тысяч жадных рук художников-копиистов в течение четырех столетий. Оно осталось единственной картиной художника, не считая выгоревшей и едва различимой «Тайной вечери».

Последнее, возможно, объясняло, почему картина производила столь необыкновенное впечатление. Загадочное, отрешенное лицо страдающего Христа, прикрытые капюшоном таинственные глаза Мадонны и Магдалины на фоне множества расположенных по спирали фигур, которые, казалось, мчались в круговом движении по небу, преображая всю картину казни на кресте в апокалипсическое видение воскресения и Страшного суда. Именно от этого холста ведут свое происхождение великие фрески Микеланджело и Рафаэля в Сикстинской капелле и всей школы Тинторетто и Веронезе. Дерзкое похищение «Распятия» было демонстрацией неуважения человечества к величайшим его творениям.

И все же, когда мы приехали в Галери Норманд на бульваре Мадлен, я начал сомневаться в том, что картина была на самом деле украдена.

Ее размер — 15 футов на 16 — и вес (она была перенесена с первоначального холста на дубовую панель) исключали возможность действий фанатика-одиночки или психопата, и ни один профессиональный похититель произведений искусства не позарился бы на картину, которую не так-то легко продать. Возможно, французское правительство надеялось отвлечь внимание от какого-либо события, хотя только восстановление монархии или коронация претендента на престол Бурбонов в соборе Парижской богородицы потребовали бы такой дымовой завесы.

При первой же возможности я высказал свои сомнения Жоржу де Стаэлю, директору Галери Норманд, у которого остановился в Париже. Я прибыл якобы для участия в конференции антикваров и директоров художественных музеев, которые также страдали от похищения лучших произведений искусства. Наверняка похищение картины Леонардо обернется против многих взломщиков. Вся темная рыбка кинется вглубь, в укрытия, и это принесет облегчение старым музейным хранителям и директорам.

Мысли о мести, очевидно, воодушевляли Жоржа.

— Дорогой Чарли, — начал он, выйдя из-за стола и лукаво улыбаясь, — уверяю вас, картина действительно пропала. — Жорж щелкнул пальцами. — На этот раз все говорят правду. Но еще удивительнее то, что картина была подлинником.

— Не знаю, приятно ли мне это слышать или нет, — возразил я, — но о некоторых картинах Лувра и Национальной галереи этого не скажешь.

— Согласен. — Жорж сел. — Я надеялся, что эта пропажа заставит начальство приглядеться к некоторым из так называемых шедевров.

Мы сошлись на том, что это событие скажется на мировой торговле антиквариатом — произведения искусства Ренессанса станут еще популярнее, и цены подскочат на все, что хоть немного похоже на подлинники.

— Скажите, пожалуйста, Жорж, кто украл картину? — Я был уверен, что ему это известно.

Впервые за многие годы Жорж затруднялся ответить на мой вопрос. Он беспомощно пожал плечами.

— Дорогой Чарли, как раз это мне и неизвестно.

— Похоже на то, что это дело рук кого-то из своих.

— Вовсе нет, персонал Лувра вне всяких подозрений, — он кивнул на телефон. — Сегодня утром я разговаривал с некоторыми из подозрительных агентов — Антвейлером в Мессине и Каленским в Бейруте. По их мнению, либо к похищению причастно нынешнее правительство, либо в нем замешан Кремль!

— Кремль? — недоверчиво отозвался я. Следующие полчаса мы разговаривали шепотом.

Конференция, состоявшаяся в тот же день во дворце Шайо, не вынесла новых решений. Главный инспектор сыскной полиции, Карно, хмурый человек в темно-синем костюме, и агенты сыскного бюро заняли свои места. На их лицах были написаны

усталость и досада. Они чувствовали себя не слишком уютно под градом вопросов. Позади них подобно солидному жюри сидели сыщики от лондонского «Ллойда» и «Морган гаранты треста» из Нью-Йорка. В отличие от них две сотни дельцов и агентов в зале вели себя весьма оживленно, строя самые невероятные догадки.

После краткого резюме, сделанного без особого энтузиазма, инспектор Карно представил собравшимся дородного голландца, суперинтенданта Юргенса из отделения Интерпола в Гааге, а затем передал микрофон Огюсту Пекару, помощнику директора Лувра. Тот стал уверять, что служба охраны в музее поставлена настолько образцово, что украсть картину абсолютно невозможно. Мне казалось, Пекар все еще сомневался, что ее украли.

«...Планки с боков картины, прикрепленные к полу, не повреждены; целы и два инфракрасных устройства на лицевой стороне полотна. Картину невозможно снять, не освободив от бронзовой рамы, — рама весит восемьсот фунтов и привинчена к стене наглухо. Электрическая сигнализация не затронута...»

Я смотрел на две фотографии в натуральную величину картины — лицевой и оборотной ее сторон — на щитах, установленных на возвышении. На них была видна задняя сторона дубового подрамника, шесть алюминиевых ребер, контакты контрольной сигнализации и множество выведенных мелом надписей работников лаборатории музея за многие годы. Вскоре выяснилось, что снимки сделаны за два дня до похищения, перед тем, как картина должна была пойти на реставрацию.

После этой новости атмосфера конференции изменилась. Разговоры сразу же стихли.

— Вот вам и объяснение, — сказал я Жоржу де Стаэлю. — Очевидно, «Распятие» было похищено из лаборатории, где охрана организована из рук вон плохо. Значит, картина украдена не из галереи.

Шум вокруг нас возобновился. Двести носов почуяли запах жареного. Итак, картина все-таки была украдена и вывезена из Парижа.

На обратном пути Жорж мрачно смотрел в окно такси.

— И все-таки картина была украдена из галереи! — сказал он задумчиво. — Я сам видел ее за двенадцать часов до исчезновения. — Он крепко сжал мою руку. — Мы найдем «Распятие», Чарли, ради славы Норсби и Галери Норманд. Но, клянусь богом, человек, который украл ее, был каким-то особенным вором.

Так начались поиски пропавшего Леонардо. На следующее утро я вернулся в Лондон — с Жоржем поддерживал связь по телефону. Вначале, как и все другие заинтересованные лица, мы только прислушивались и приглядывались к развитию событий. В переполненных залах галерей и на аукционах ловили каждое неосторожное слово, любую случайную оговорку. Торговля антиквариатом, конечно, оживилась: акции музеев и владельцев трехстепенных холстов Рубенса или Рафаэля поползли вверх. Мы надеялись, что возросшая деловая активность выведет нас на какого-нибудь сообщника вора или похитителя попытается выдать подражание Моне Лизе одним из учеников

Верроккьо за картину Леонардо и она попадет на один из подозрительных рынков.

Поиски украденной картины сопровождались газетной шумихой, но в среде торговцев царило удивительное спокойствие. По правде говоря, давно пора было чему-то обнаружиться, какой-нибудь маленькой ниточке застрять в тонких ситах галерей и аукционов. Но ничего подобного не произошло. Когда волна активности, вызванная исчезновением Леонардо, спала и дела пошли своим чередом, «Распятие» окончательно перешло в список утраченных шедевров.

Лишь Жорж де Стаэль продолжал проявлять интерес к поискам. Иногда по телефонному звонку выезжал в Лондон, чтобы раздобыть весьма скудную информацию об анонимном покупателе картин Тициана, Рембрандта, копии Рубенса или Рафаэля. Жоржа особенно занимали картины, которые реставрировались после повреждений, хотя такими сведениями владельцы картин менее всего были склонны делиться.

Поэтому, когда спустя четыре месяца после похищения Леонардо Жорж предложил мне встретиться в Лондоне, я спросил не только ради шутки:

— Ну как, теперь вам известно, кто украл картину?

Открывая большой портфель, Жорж мрачно улыбался.

— Вас бы очень удивило, если бы я ответил утвердительно? На самом деле я этого не знаю, но у меня есть идея. Думаю, вам будет любопытно ознакомиться с ней.

— Разумеется, — сказал я, кивая в знак согласия. — Так вот чем вы занимались все это время!

Жорж приложил к губам указательный палец. Под личиной легкой шутливости он скрывал свою озабоченность.

— Прежде чем вы высмеете меня, позвольте вам заметить, Чарли, что я рассматриваю свою теорию как совершенно фантастическую и все же, она мне кажется единственно возможной. Чтобы доказать ее, мне необходима ваша помощь.

— Обещаю ее вам. Но в чем заключается теория?

Жорж заколебался, со стороны казалось, что его обуревают сомнения, стоит ли рассказывать о своей идее, затем он вытащил из портфеля кучу листов и принялся раскладывать перед собой на столе. На листах оказались репродукции нескольких картин. Обнаружились среди них и некоторые фотографии с увеличенными деталями картин — на всех был изображен благообразный мужчина в одежде времен средневековья с козлиной бородкой.

Жорж положил передо мной шесть самых больших фотографий.

— Вы, конечно, узнаете?

Я кивнул. За исключением одной, «Положения во гроб» Рубенса из Ленинградского Эрмитажа, за последние пять лет я видел оригиналы всех этих картин. Ими были украденное «Распятие» Леонардо, «Распятие» Веронезе, Гойи и Гольбейна, а также «Голгофа» Пуссена. Картины принадлежали крупным музеям — Лувру в Париже, Сан-Стефано в Венеции, Прадо в Мадриде, а также Государственному музею в Амстердаме и, за исключением картины Пуссена, считались настоящими шедеврами, украшением лучших национальных коллекций.

— Я надеюсь, эти картины в надежных руках. Или им тоже посчастливилось попасть в список таинственного похитителя?

Жорж покачал головой.

— Не думаю, что он заинтересуется ими. Хотя наверняка все они у него на учете.

И опять я уловил перемену в тоне Жоржа.

— Вы больше ничего другого не замечаете?

Я снова сравнил фотографии.

— Здесь изображено снятие с креста. Все картины подлинные — только отдельные детали записаны другим художником. Эти картины были в свое время похищены. — Жорж быстро перебирал фотографии. — Пуссен — из коллекции замка на Луаре в тысяча восемьсот двадцать втором году, Гойя — в тысяча восемьсот шестом году Наполеоном из монастыря Монте Кассино, Веронезе — из Прадо в тысяча восемьсот девяносто первом году. Леонардо, как вы знаете, четыре месяца тому назад. Гольбейна в 1943 году конфисковали для коллекции Германа Геринга.

— Интересно, — сказал я. — Но ведь были похищены и многие другие шедевры. Надеюсь, не это обстоятельство является ключевым пунктом вашей теории.

— Верно, но оно приобретает значение в связи с другим фактором. Посмотрите. — Он протянул мне репродукцию картины Леонардо. — Не замечаете ничего необычного?

Когда я, посмотрев на знакомую картину, покачал головой, он подал мне другую фотографию.

— А что вы скажете об этом?

«Распятие» из Лувра снимали с разных расстояний. Второй снимок был сделан с оригинала «Распятия» за месяц до его исчезновения.

— Сдаюсь, — сказал я. — Они выглядят одинаковыми. Нет, постойте. — Я пододвинул настольную лампу поближе и склонился над репродукциями. — Похоже, есть кое-какие отличия. В чем же дело?..

Я быстро сравнил на фотографиях фигуру за фигурой и сразу же заметил некоторые расхождения. Почти во всех деталях картины совпадали, но фигура одного человека в стороне, вернее, в толпе, заметно отличалась. Слева, где процессия поднималась по склону холма, направляясь к трем крестам, лицо этого человека в толпе было написано иначе. В центре картины Христос уже несколько часов висел на кресте, но благодаря некой перспективе — характерная особенность всей живописи Возрождения, использующаяся как средство преодоления статистического характера картины, — удаляющаяся процессия смещала действие в прошлое, так что зритель следовал за Христом в его мученическом восхождении на Голгофу.

Персонаж, лицо которого было изменено, стоял в толпе у подножия холма. Высокий дородный человек в черном одеянии явно был объектом особого внимания Леонардо. Художник придал его величественной внешности необыкновенное обаяние, которым обычно наделял ангелов. Разглядывая фотографию в левой руке, неисправленный вариант картины, я решил, что Леонардо, видимо, намеревался изобразить ангела смерти или же равнодушного созерцателя, ужасающего нас загадочным спокойствием

и противоречивостью, которые на полотнах мастера словно властвуют над всеми страстями и желаниями людей, подобно статуям с серыми лицами, глазеющим на прохожих в полуночное время с карнизов некрополя в Помпее.

Все эти столь характерные особенности кисти Леонардо, казалось, соединились в этой высокой фигуре. Склонив лицо к левому плечу, человек смотрел вверх, в сторону креста, и выражение сострадания смягчало мрачные черты. Высокий лоб, зальсины, красивый нос и губы. Что-то вроде улыбки самоотречения и понимания витало на его губах, освещая остальную часть лица, чуть затененную грозовым небом.

На фотографии в правой руке все было иначе. Весь облик этого ангелоподобного человека был иным. Внешнее сходство осталось, но лицо утратило выражение трагического сочувствия. Художник совершенно изменил его позу, и лицо было повернуто в сторону от креста, к правому плечу, за ним раскинулся Иерусалим, призрачные башни которого возвышались подобно городу в мильтоновском аду в синих сумерках. В то время как остальные смотрели на Христа, словно желая помочь ему, выражение лица человека в черных одеждах было высокомерным и презрительным, и напряжение мускулов шеи показывало, что он почти отвернулся с отвращением от происходивших перед ним событий.

— Что это такое? — спросил я, показывая на вторую фотографию. — Копия какого-нибудь забытого ученика? Не могу понять, почему...

Жорж наклонился вперед и постучал по фотографии.

— Это и есть настоящий Леонардо. Вы до сих пор еще не поняли, Чарли? Вариант, который находится в вашей левой руке и которым вы так долго любовались, был исправлен неизвестным художником через несколько лет после смерти Леонардо. — Он улыбнулся моему скептицизму. — Эта фигура — лишь незначительная часть композиции. Никто ранее ее серьезно не исследовал. Вся остальная картина, несомненно, подлинная. Эти дополнения были обнаружены пять месяцев назад, во время реставрации картины. Инфракрасные лучи открыли под верхним слоем краски совершенно нетронутый профиль.

Он передал мне еще две фотографии — снятые крупным планом детали головы, на которых разница была еще заметней.

— Как можно видеть по штриховке, исправления сделаны правой рукой, а мы знаем, что Леонардо был левшой.

— Ну да... — я пожал плечами. — Странно. Но если это так, то с какой стати изменять такую незначительную деталь? Ведь восприятие образа становится совсем другим.

— Интересный вопрос, — многозначительно сказал Жорж. — Между прочим, это скорей — Агасфер, вечный жид. — Он указал на его ноги. — Его всегда изображают со скрещенными ремешками сандалий — как у приверженцев секты есеев, к которой, возможно, принадлежал и сам Иисус.

Я снова взял фотографии.

— Вечный жид, — повторил я тихо. — Как странно... Человек, понуждавший Христа идти быстрее и осужденный скитаться на земле до его второго пришествия. Художник-копиист словно выступил в его оправдание, наложив выражение трагического сострадания на образ, данный Леонардо. Вот идея для вас,

Жорж. На картинах обычно изображались придворные, богатые торговцы, собиравшиеся в мастерских художников. Возможно, Агасфер ездил по свету, позируя самому себе, движимый чем-то вроде сознания своей вины, а затем похищал эти картины и переписывал их. Вот вам и вся теория.

Я смотрел на Жоржа, ожидая его ответа. На его лице не было и тени улыбки.

— Жорж! — воскликнул я. — Вы это серьезно? Вы предполагаете?..

Он прервал меня вежливо, но настойчиво.

— Чарли, дайте мне еще несколько минут для объяснений. Я ведь предупредил вас, что моя теория фантастична. — Он передал мне еще одну фотографию — «Распятие» Веронезе. — Смотрите, вы никого не узнаете? Внизу слева...

Я поднес фотографию к свету.

— Вы правы. Поздняя венецианская трактовка отличается от прежних, она гораздо ближе к языческой, это очевидно. Знаете, Жорж, поразительное сходство!

— Согласен. Но это не только сходство. Посмотрите на позу.

Агасфер, узнаваемый опять по черному одеянию и перекрещивающимся ремешкам сандалий, стоял в многоликой толпе. Черты лица выглядели не столь необычно, но поза была той же, что и на исправленной картине Леонардо. Агасфер смотрел на умирающего Христа с выражением глубокого сочувствия. Ничем не примечательная интерпретация, однако бросалась в глаза необыкновенная похожесть двух Агасферов, как будто бы их списывали с одной и той же модели. Борода, правда, была немного пышнее, в венецианской манере, но черты лица, залысины, дерзкий изгиб губ, мудрая отрешенность в глазах и равнодушие были точно скопированы с Леонардо.

Я беспомощно развел руками.

— Удивительное совпадение?

Жорж кивнул.

— Другое совпадение в том, что эта картина, так же как и картина Леонардо, была украдена вскоре после реставрации. Когда ее два года спустя нашли в Венеции, она оказалась немного подпорченной. Других попыток реставрировать эту картину не отмечено. — Жорж замолчал. — Вы понимаете мою мысль?

— Более или менее. Мне кажется, вы полагаете, что, если почистить картину Веронезе, можно найти совсем другой вариант Агасфера — подлинный рисунок Веронезе?

— Если вы все еще не верите, посмотрите на другие фотографии.

Мы начали рассматривать фотографии. На каждой из них — у Пуссена, Гольбейна, Гойи и Рубенса — можно было увидеть ту же фигуру, то же мрачное темное лицо с выражением сочувственного понимания. Учитывая различные манеры художников, степень сходства была изумительной. На каждой из картин поза персонажа тоже ничем не выделялась, а характеристические черты не соответствовали легендарной роли Агасфера.

Теперь сила убежденности Жоржа передалась и мне.

— В любом случае, Чарли, — говорил он, — все шесть картин были похищены вскоре после реставрации, и даже Голь-

бейна украл из коллекции Геринга один из ренегатов СС после реставрации мастерами в концентрационном лагере. Как вы сами сказали, вор словно не хотел, чтобы мир увидел истинный характер Агасфера в этих произведениях.

— Но, Жорж, вы делаете слишком поспешный вывод. Можете ли вы доказать, что в каждом случае, за исключением Леонардо, под новым имелся подлинный, более ранний рисунок?

— Нет. Само собой разумеется, музеи не очень-то охотно представляют кому-либо возможность доказать, что их картины не совсем подлинные. Я знаю, все это пока только предположения, но какие еще объяснения вы можете предложить?

— И вы всерьез думаете, что одетый в черное Агасфер сейчас прогуливается по этим мостовым и что все эти столетия он похищал и исправлял картины, на которых художники изображали его отталкивающим Иисуса? Сама эта мысль абсурдна.

— Не менее абсурдна, чем похищение картины. Все указывает на то, что она не могла быть украдена человеком, ограниченным в своих возможностях законами нашего мира.

— Ну, хорошо, предположим, что это так, — сказал я, чтобы не оскорбить Жоржа. — Но будет ли лучшим выходом просто сидеть и ожидать возвращения картины Леонардо?

— В этом нет необходимости. Большинство похищенных картин пропадали на десять или двадцать лет. Может быть, усилия освободиться от уз пространства и времени истощают его или вид оригинальных картин настолько выбивает из колеи... — Он остановился, когда я начал приближаться к нему. — Послушайте-ка, Чарли, это фантастично, но одновременно похоже немного на правду. Очевидно, этот человек — великий покровитель искусства, движимый непреодолимым чувством вины перед художниками, изображавшими распятие. Нам надо начать с аукционов. Это лицо, эти черные глаза и профиль — рано или поздно мы его увидим: он будет искать еще одно распятие или положение во гроб. Разве вы не узнаете его?

Я задумался. Передо мной был образ черноглазого странника. «Иди быстрее», — сказал он Христу, когда тот проходил мимо него, неся крест на Голгофу, а Христос ответил: «Я иду, но ты будешь ждать, пока я вернусь». Я готов был сказать «нет», что-то удержало меня, какой-то образ промелькнул в голове. Этот красивый восточный профиль человека в изящном темном полосатом костюме, при палке с золотым набалдашником, назначающего цену через агента...

— Чарли, мне кажется, я его видел.

— Я не уверен, Жорж, но... Любопытно, что исправленный портрет Агасфера скорее, чем оригинал Леонардо, кажется мне более реальным, более близким лицу, которое, я твердо уверен, мне знакомо. Черт побери! Если ваша невероятная догадка верна, этот человек говорил с Леонардо, с Микеланджело, с Тицианом и с Рембрандтом?

— И еще кое с кем, — задумчиво добавил Жорж.

В следующем месяце, после возвращения Жоржа в Париж, я большую часть времени пропадал на аукционах, выискивая человека со знакомым восточным профилем. Если бы я не был

убежден в его реальности, то отбросил бы гипотезу Жоржа как навязчивую фантазию. Мне пришло в голову спросить об этом человеке у моих помощников, и, к моей досаде, двое из них также смутно припомнили его. После чего мне уже не удавалось изгнать фантазии Жоржа де Стаэля из своего сознания. Новостей о пропавшем Леонардо не было, и полное отсутствие каких-либо улик ставило в тупик полицию и мир искусства. Поэтому я испытал огромное облегчение, когда пять недель спустя получил следующую телеграмму:

«Чарли, выезжайте немедленно, я видел его. Жорж де Стаэль».

Пока такси везло меня от аэропорта Орли к Маделен, я рассматривал сад Тюильри, стараясь не пропустить высокого человека в черной шляпе с опущенными полями, крадущегося за деревьями со скатанным холстом под мышкой. Сошел ли Жорж де Стаэль с ума окончательно и непоправимо, или же он на самом деле видел призрак Агасфера?

Когда Жорж встретил меня у входа в «Норманд и компания», его рукопожатие, как обычно, было крепким, а лицо — спокойным. В кабинете он с загадочной улыбкой откинулся в кресле, посмотрел на меня, выдержал многозначительную паузу и лишь затем произнес:

— Он здесь, Чарли, и остановился в «Рице». Его интересует аукцион мастеров девятнадцатого и двадцатого веков. Если повезет, вы увидите его уже сегодня вечером.

Внезапно во мне снова проснулось недоверие, но, прежде чем я смог пролететь возражения, Жорж опередил меня.

— Он таков, каким мы его себе и представляли, Чарли. Высокого роста и могучего сложения, с грацией каменной статуи. Леонардо и Гольбейн точно передали его образ, эту странную напряженность во взгляде, в котором словно присутствует ветер пустынь и глубоких ущелий.

— Когда же вы увидели его впервые?

— Вчера после полудня. Мы уже почти закончили распродажу произведений девятнадцатого века, когда небольшой Ван Гог — посредственная копия «Доброго самаритянина» — был выставлен на продажу. Одна из картин, написанных в период его последнего сумасшествия, полная странных спиралей и фигур, похожих на мучимых животных. Лицо самаритянина напомнило мне об Агасфере. Как раз в этот момент я посмотрел на переполненный зал аукциона. К моему удивлению, он сидел здесь, не далее трех футов от меня, в переднем ряду кресел, и смотрел мне в лицо. Я с трудом отвел от него взгляд. Как только начался торг, он вошел в азарт и взвинтил цену до двух тысяч франков.

— И получил эту картину?

— Нет, к счастью, я был начеку. Я должен был убедиться, что это был именно он. Раньше он выступал только в роли Агасфера, но теперь немногие художники изображают распятие в изысканных красках, а этот человек, может быть, пытался загладить свою вину, появляясь в других ролях, например в роли самаритянина. Он довел цену до пятнадцати тысяч, хотя картина оценивалась всего в десять, но я снял ее с торга, и картина перешла ко мне. Я не сомневался, что если это Агасфер, то он

вернется еще сегодня, и мне понадобились всего сутки, чтобы вызвать вас и полицию. Двое из людей Карно будут здесь сегодня вечером. Я рассказал им какую-то небылицу, так что они не будут навязываться. Конечно, когда я забирал этого маленького Ван Гога, поднялся страшный шум. Все думали, что я сошел с ума. Наш смуглолицый друг даже подпрыгнул в своем кресле и спросил меня о причинах. Пришлось ответить, что я сомневаюсь в подлинности картины и пекусь о репутации галереи, но если эксперты не обнаружат подделки, картина будет выставлена на аукцион завтра.

— Хорошо придумали, — сказал я. Жорж кивнул.

— Мне тоже так кажется. Это было ловкой западней. Он немедленно принялся яростно защищать картину, а ведь всегдашней аукционеров попытка была подчеркнуть ее недостатки — указал бы на какие-нибудь пятна, повреждения оборотной стороны холста и так далее. Заметьте, эта живая модель больше всего интересовалась оборотной стороной холста. Я сказал, что не сомневаюсь в ее сохранности. Он обещал прийти сегодня и оставил свой адрес на случай каких-либо затруднений.

Жорж достал из кармана карточку и прочел: «Граф Энрике Данилевич. Вилла д'Эст, Кадак, Коста Брава». На карточке написано было написано: ОТЕЛЬ РИЦ, ПАРИЖ».

— Кадак, — повторил я. — Недалеко оттуда, в Порт Лигате, живет Дали. Еще одно совпадение.

— Возможно, не просто совпадение. Вспомните, что каталонский мастер делает сейчас для нового собора Святого Иосифа в Сан-Диего? Одну из самых больших своих работ: «Распятие». Наш приятель опять вертится поблизости.

Жорж достал из среднего ящичка стола блокнот.

— Слушайте. Меня заинтересовал вопрос о тождественности моделей для Агасфера. Обычно ими служили мелкие князьки или богатые торговцы. В случае с Леонардо это выяснить невозможно. У него был открытый дом, нищие и бродяги свободно расхаживали по его мастерской, любой мог войти и позировать. Но другие были более требовательными. Агасфер Гольбейна срисован с сэра Генри Даниэлса, крупного банкира и друга Генриха Восьмого. У Веронезе — с члена Совета десяти, с будущего дожа Энрико Даниэля. У Рубенса — с барона Генриха Нильсена, датского посла в Амстердаме, у Гойи — с некоего Энрико да Нелла, финансиста и покровителя Прадо. А у Пуссена — со знаменитого мецената Анри, герцога де Ния.

Жорж с хлопком закрыл блокнот. Я сказал:

— Данилевич, Даниэльс, Даниэли, Да Нелла, Де Ниль и Нильсен. Иначе — Агасфер. Знаете, Чарлз, мне немного страшно, но я думаю, что похищенный Леонардо в наших руках.

Представьте себе наше разочарование, когда добыча к назначенному времени не явилась.

Перенос продажи картины Ван Гога с предыдущего аукциона отодвинул ее в самый конец списка торгов — после трех дюжин картин XIX века. Когда назывались цены на Кандинского и Леже, я сидел на сцене позади Жоржа, наблюдая за залом. На международном собрании американских ценителей, англий-

ских газетных волков, французской и итальянской аристократии, присутствие даже такой замечательной фигуры, которую описал Жорж, обратило бы на себя слишком серьезное внимание. Тем не менее, поскольку мы постепенно приближались к концу аукциона и вспышки фотоаппаратов начали уже утомлять нас, я стал сомневаться, придет ли он вообще. В переднем ряду для него было оставлено кресло, и я нетерпеливо ждал появления этого странника во времени и пространстве, как только объявят Ван Гога. Картина из-за сомнений Жоржа в ее подлинности, видимо, не стала приманкой для Агасфера, и когда последние сделки были закончены, мы остались на сцене одни, вместе с нашим Ван Гогом.

— Вероятно, он что-то заподозрил, — прошептал Жорж, когда служители подтвердили, что графа Данилевича ни в одном из других помещений нет. Через несколько минут телефонный звонок в «Риц» подтвердил, что он покинул номер и выехал из Парижа на юг.

— Несомненно, ему известно, как ускользнуть из таких ловушек. Что же теперь? — спросил я.

— Вилла Кадак.

— Жорж, вы с ума сошли?

— Отнюдь нет. Шанс небольшой, но мы должны им воспользоваться. Инспектор Карно что-нибудь придумает. Пошли, Чарли. Мне почему-то кажется, что мы найдем картину Леонардо на его вилле.

Мы ехали по Барселоне, за нами следовали Карно и суперинтендант Юргенс из Интерпола, чтобы, как это было принято, облегчить нашу поездку. Через три часа машины повернули на дорогу в Кадак... Огромные скалы, похожие на спящих ископаемых гигантов, и сверкание благоухающего моря напоминали побережья у Дали и были подходящей прелюдией к финалу.

Вилла д'Эста стояла на мысе, вознесясь на тысячу футов над городом, и ее высокие стены и зарешеченные мавританские окна сверкали на солнце, как белый кварц. Большие черные двери были закрыты, и на звонки никто не отвечал.

Подгоняемые нетерпением, мы с Жоржем наняли автомобиль и отправились в Порт Лигату, пообещав инспектору, что вернемся к прибытию самолета из Парижа, который должен был приземлиться в Барселоне через два часа и в котором, как мы предполагали, летел граф Данилевич.

— Когда мы отправлялись сюда, я не сомневался, — мягко заметил Жорж, — что он путешествует на других транспортных средствах.

Я еще не решил, какое извинение мы придумаем, чтобы оправдать проникновение в частную резиденцию самого известного испанского художника, хотя возможность устройства персональной выставки одновременно в Норсби и в Галери Норманд наверняка смягчила бы его. Когда мы свернули на последний участок пути до белой виллы, то я увидел: навстречу нам несся большой лимузин.

Мы приблизились к месту, где дороги сужались, машины поравнялись в облаке пыли, словно два ревущих чудовища.

Неожиданно Жорж схватил меня за локоть и показал на окно:

— Чарли! Это он!

Опустив стекло, я успел рассмотреть в затемненной кабине автомобиля человека в черном полосатом костюме. Он сидел на заднем сиденье, повернув голову в нашу сторону. Его белые манжеты и золотая закладка галстука чуть поблескивали в полумраке салона, руки в перчатках были скрещены на палке с набалдашником из слоновой кости. Черты лица точь-в-точь походили на те, которые я видел на многих холстах. В темных глазах горел огонь, черные брови изгибались как крылья, сходящаяся клином борода на его выступающем подбородке казалась копьем, рассекающим воздух.

Он был одет элегантно, и вся его наружность излучала огромную, беспокойную энергию, неспособную, казалось, поместиться внутри автомобиля. На мгновение мы обменялись взглядами. Он смотрел на меня как бы издалека, и в его глазах я увидел выражение безнадежного раскаяния и отчаяние, которое можно увидеть на лицах осужденных.

— Остановите его, Чарли! — воскликнул Жорж.

Когда наши автомобили разъехались, я закричал сквозь дым, стлавшийся от машины:

— Агасфер! Агасфер!

Он вздрогнул и даже привстал на сиденье. Нас отделило от лимузина облако пыли. Ветра не было, и пыль еще долго клубилась позади и впереди нас.

Когда она осела и мы смогли повернуть обратно, лимузин уже исчез.

Они нашли картину Леонардо да Винчи на вилле д'Эст, в большой позолоченной раме, на стене в столовой. К удивлению всех, дом оказался совершенно пустым; слуг уволили еще утром.

— Несомненно, — заметил Жорж де Стаэль, — владелец имел свои транспортные средства.

Картина была в полной сохранности, хотя первого беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы заметить — умелая рука поработала над одним из ее фрагментов. Лицо человека, одетого в черное, опять смотрело на крест, и в его грустном взгляде чувствовались проблески надежды на искупление. Краска уже высохла, но тонкий слой лака был еще липким.

После триумфального возвращения в Париж мы с Жоржем рекомендовали директору Лувра, имея в виду злочлечения с картиной, не предпринимать никаких дальнейших попыток ее реставрации, и служащие повесили картину на прежнее место. Весьма похоже, что не вся картина написана кистью Леонардо да Винчи, но немногие исправления все же не портят ее.

Больше известий о графе Данилевиче не было, но Жорж недавно сказал мне, что профессор Энрике Даниэлло назначен директором музея Панхристианского искусства в Сантьяго. Его попытки установить связь с профессором Даниэлло не увенчались успехом, но он узнал, что музей чрезвычайно заинтересовали возможности создания большой коллекции, посвященной распятию.

Перевел с английского Борис КАНДЕЛЬ

ОБ АВТОРАХ

Анатолий РОМОВ родился в 1935 году в Москве. В 1961 году окончил Литинститут имени Горького. Автор романов «Хокуманотель», «Приз», «Воздух», повестей «Таможенный досмотр», «Следы в пустоте», «Без особых примет», «Похитители облаков». По мотивам произведений А. Ромова сняты фильмы: «Развязка», «Колье Шарлотты», «Чужие здесь не ходят» и другие.

А. Ромов — член Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП РСФСР, лауреат Литературной премии МВД СССР и СП СССР.

В «Искателе» в разные годы были опубликованы повести писателя «При невыясненных обстоятельствах» и «В чужих не стрелять».

Джеймс БАЛЛАРД — известный английский писатель-фантаст. Родился в 1930 году в Шанхае, в семье врача. Во время второй мировой войны был интернирован японцами. В Англию вернулся в 1946 году. Служил в армии, учился медицине в Кембридже.

Первое произведение Балларда в жанре научной фантастики «Прима белладонна» опубликовано в 1956 году. Д. Баллард — автор ряда романов: «Ветер ниоткуда», «Затопленный мир», «Бетонный остров», «Авария», «Засуха», «Кристаллический мир», а также сборников рассказов.

В «Искателе» печатались рассказы Д. Балларда «Минус один» и «Вы будете покупать, доктор».

На I, II, IV страницах обложки рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

На III странице обложки рисунок Бориса МОКИНА

Под редакцией Александра ПОЛЕЩУКА и Евгения КУЗЬМИНА

Художественный редактор Валерий КУХАРУК

Технический редактор Ольга БОЙКО

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 12.03.90. Подписано в печать 16.04.90. А02776.

Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10.

Тираж 300 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 2056.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

Анатолий РОМОВ
Джеймс БАЛЛАРД

ISSN 0130-6634

Цена 60 коп.

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

